947
C 162

947
C
162

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

160-3/XII 40

...дач———— Зак. 32

Ко
ЭК
13 8169
49 Л.
947
С162

ГРАФЪ САЛІАСЪ

ПОЭТЪ-НАМѢСТНИКЪ

1785—1788

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1885

ПОЭТЪ-НАМѢСТНИКЪ.*)

1785—1788.

Горячъ и въ правдѣ чортъ!...
(Слова Державина о самомъ себѣ).

I.

Существуетъ убѣжденіе или, лучше сказать, предубѣжденіе, что поэты и романисты, какъ художники, какъ натуры, живущія преимущественно воображеніемъ и витающія разумомъ въ мірѣ фантазіи, суть плохіе чиновники вообще и плохіе администраторы въ особенности. Правда ли это — отвѣтить трудно.

По отношенію къ намъ можетъ быть и правда.

У насъ есть длинная чиновная лѣстница, не ко-

---

*) Къ составленію этого очерка послужили источниками:
1) Дѣла архива Тамбовскаго губернскаго правленія за 1785, 1786, 1787 и 1788 года.
2) Дѣла архива Тамбовской губернской земской управы по части бывшаго приказа общественнаго призрѣнія, также за года 1785—1788 включительно.
3) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями г. Грота. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.
4) Записки Гавріила Романовича Державина съ литературными и историческими примѣчаніями П. И. Бартенева. Изданіе «Русской Бесѣды» 1860 г. Прим. автора.

роче той, какую видѣлъ во снѣ Іаковъ. По лѣстницѣ этой избранники восходятъ иногда съ молніевидною быстротой; большинство же лѣзетъ медленно и, начавъ съ первыхъ двухъ ступеней, именовавшихся въ прошломъ столѣтіи провинціальнымъ и сенатскимъ секретарями, тщетно возноситъ очи горѣ. Поэтому и укоренилось мнѣніе, что взбирающійся по этой лѣстницѣ усердно и неустанно, не щадя силъ и времени, не можетъ никакъ одновременно витать въ мірѣ фантазіи, воплощать мечты въ образы и напрягать умъ на поиски звучныхъ риѳмъ; наоборотъ же, поэтъ и художникъ, исключительно и пылко служащій музамъ, промечтаетъ и упуститъ изъ виду интересы службы.

Въ другихъ странахъ однако литература, даже поэзія, уживается и ладитъ вмѣстѣ съ государственною службой. Въ Англіи членамъ парламента и министрамъ, которые одновременно литераторы, романисты и поэты, счета нѣтъ.

И у насъ въ прошломъ столѣтіи, во дни Великой Екатерины, писатели любили служить, а чиновники старались писать. Сама императрица подавала примѣръ, и еще какой. Даже во время путешествія своего по Россіи, на Волгѣ, въ кораблѣ, она находила время сочинять и переводить. Въ Москвѣ и Петербургѣ гвардіи поручики, бригадиры, генералы, коменданты и намѣстники—всѣ сочиняли въ стихахъ и въ прозѣ или, по крайней мѣрѣ, переводили со

всѣхъ языковъ и дошли до такого усердія и любленія наукъ, что переводили даже съ тѣхъ языковъ, которыхъ не знали, то есть писали и печатали со словъ толмача.

Даже дѣвушки и дамы занимались сочинительствомъ и стихотворствомъ, и ровно сто лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ водились писательницы-поэтессы безъ числа.

Вся долгая жизнь нашего безсмертнаго поэта-сановника была посвящена службѣ и поэзіи. Онъ былъ ревностный чиновникъ и даже ставилъ свою государственную службу выше своихъ литературныхъ занятій. Поэзія и музы были для него на второмъ планѣ. Но служебное его поприще было переполнено столькихъ бурь, треволненій, паденій, возвышеній и вообще такихъ тяжелыхъ испытаній, что можно пожалѣть, что онъ служилъ, а не жилъ исключительно мирною жизнью поэта и частнаго человѣка.

Поэтъ Державинъ извѣстенъ, и его мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія не есть уже спорный вопросъ. Державинъ чиновникъ и государственный человѣкъ—его долгая сорокадвухлѣтняя служба, съ восемнадцати лѣтъ до шестидесяти, порождаетъ вопросъ: что онъ сдѣлалъ на этомъ поприщѣ?

Мы намѣрены разсказать съ нѣкоторою подробностью губернаторство Державина въ Тамбовѣ. Глянувъ на эту страницу изъ жизни поэта, мы увидимъ

ясно, каково было служить въ тѣ времена и каковъ былъ Державинъ какъ чиновникъ.

Но, прежде чѣмъ говорить о тамбовскомъ губернаторѣ, взглянемъ бѣгло на предыдущую жизнь и службу поэта.

II.

3-го іюля 1743 года, у бѣднаго офицера, служившаго въ Казани, родился сынъ, названный Гавріиломъ. Это и былъ будущій русскій поэтъ-министръ.

Новорожденный былъ такъ слабъ и худъ, что его, по обычаю тогдашнему, запекали въ хлѣбѣ, то есть клали въ теплое тѣсто.

Вскорѣ родился второй ребенокъ, названный Андреемъ, затѣмъ третій, дочь. Оба жили недолго.

Первые годы своего существованія Гавріилъ Державинъ провелъ въ постоянныхъ переѣздахъ. Изъ Казани отецъ его поѣхалъ въ Яранскъ, затѣмъ долго жилъ въ Ставрополѣ, затѣмъ, вслѣдствіе несчастнаго случая, нажилъ чахотку и переведенъ въ Пензенскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Оренбургѣ. Здѣсь началось ученье. Зная уже читать и писать, маленькій Державинъ поступилъ въ ученье къ нѣкоему Іосифу Розѣ. Этотъ Роза былъ приговоренъ за какое-то преступленіе къ каторгѣ и сосланъ въ Оренбургъ.

Учить каторжникъ взялся всему, но выучилъ своихъ учениковъ только нѣмецкому языку, причемъ звѣрски и даже непристойно наказывалъ ихъ.

Когда минуло мальчику 11 лѣтъ, отецъ его умеръ, а семья осталась почти безо всякихъ средствъ. У Державиныхъ было всего шестьдесятъ душъ крестьянъ, да и тѣ были разбросаны въ разныхъ губерніяхъ. Долгъ, который остался послѣ отца, было невозможно уплатить, а между тѣмъ долгъ этотъ былъ въ пятнадцать рублей.

Вдова однако кое-какъ устроила понемногу свои дѣла и поселилась съ дѣтьми снова въ родной Казани.

Въ прошломъ столѣтіи былъ очень строго исполняемый указъ о явкѣ дѣтей и недорослей изъ дворянъ. Ихъ являли три раза: въ семь лѣтъ ихъ записывали у губернаторовъ, въ двѣнадцать лѣтъ являли для испытанія и экзамена въ грамотѣ и, наконецъ, въ шестнадцать лѣтъ они обязывались представляться въ Герольдію или въ Сенатъ, и затѣмъ поступать на службу. Это наблюдалось строго до указа императора Петра Ѳеодоровича о вольностяхъ дворянскихъ. Такимъ образомъ и маленькій Державинъ еще при жизни отца былъ явленъ въ Оренбургѣ къ губернатору Неплюеву, затѣмъ двѣнадцати лѣтъ былъ свезенъ матерью въ Москву для записки въ Герольдіи.

Въ 1758 году открылась первая гимназія въ Ка-

зани. Она была въ вѣдомствѣ единственнаго въ то время университета, то есть Московскаго. Въ эту гимназію поступилъ и пятнадцатилѣтній Державинъ.

Учили и учились въ гимназіи плохо, по свидѣтельству самого Державина въ его запискахъ, но такъ какъ въ программу входило танцованіе, фехтованіе, музыка и рисованіе, то Державинъ говоритъ, что если немногому тамъ научился, то пріобрѣлъ за то людскость и нѣкоторую рѣзвязь въ обращеніи.

Чрезъ два года директоръ гимназіи Веревкинъ собрался съ отчетомъ въ Петербургъ къ Шувалову, куратору университета и зависящей отъ него гимназіи. Такъ какъ Веревкинъ предъ отъѣздомъ закалъ ученикамъ карты Казанской губерніи, испещренныя рисунками и чертежами, и повезъ ихъ съ собой, чтобы похвастать познаніями своихъ питомцевъ, то, вернувшись назадъ, привезъ и награду: всѣ были записаны въ разные гвардейскіе полки рядовыми, а Державинъ въ инженерный корпусъ кондукторомъ. Ученики надѣли соотвѣтствующіе мундиры, и Державинъ преобразился въ инженера-артиллериста, и съ той поры на всѣхъ празднествахъ онъ почему-то считался состоящимъ при пушкахъ и при фейерверкахъ.

Чрезъ годъ Веревкинъ получилъ приказаніе отъ Шувалова описать развалины древняго города Болгары, находящіяся близъ Волги, причемъ велѣно было

дѣлать раскопки. Веревкинъ отправился на мѣсто, взявъ съ собой нѣсколько учениковъ и въ томъ числѣ и Державина, но, пробывъ тамъ нѣсколько дней, уѣхалъ и оставилъ питомцевъ однихъ расправляться самимъ, какъ они сочтутъ за лучшее.

Державинъ пробылъ среди развалинъ и раскопокъ все лѣто и осень; снималъ рисунки строеній, списывалъ надписи, которыхъ не понималъ, рылъ усердно землю и собиралъ, разумѣется, большія коллекціи монетъ, рухляди, украшеній, оружія и т. д.

Вернувшись въ Казань и передавъ все Веревкину, онъ получилъ приказаніе составить опись всего и набѣло передѣлать всѣ планы и чертежи для доставленія тому же Шувалову. Полъ зимы прошло въ этихъ занятіяхъ, но въ декабрѣ пришло извѣстіе, смутившее всю Россію, а въ томъ числѣ и казанцевъ.

Въ самое Рождество 1761 года не стало государыни, двадцать лѣтъ правившей судьбами Россіи. Лучезарное свѣтило, озарившее на тридцать лѣтъ русское государство и вызвавшее страну къ новой жизни, еще не подымалось, еще не предвидѣлось въ будущемъ. Современникамъ казалось, что Россіи уже во вѣки не нажить второй Елисаветы, мудрой дщери Петровой. Будущее рисовалось въ тучахъ, было смутно, неопредѣленно. Кто могъ сказать, что̀ ждетъ родину впереди?

Судьбы Россіи переходили въ руки принца, по симпатіямъ, по привычкамъ вседневной жизни чуж-

даго русскому народу. Поэтому-то смерть Елисаветы громовымъ ударомъ отозвалась по всѣмъ окраинамъ и во всѣхъ углахъ Имперіи. Это было великое несчастіе, постигнувшее страну...

Въ эти дни судьба многихъ и многихъ измѣнилась. Можно сказать, что въ началѣ 1762 года не было ни одного человѣка, за исключеніемъ массы простого парода, жизнь котораго продолжалась бы въ старой колеѣ.

Судьба Державина измѣнилась тоже и даже въ самой неожиданной формѣ.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины государыни, инженерный кондукторъ Державинъ получилъ изъ канцеляріи Преображенскаго полка бумагу. Это былъ отпускъ рядового Преображенскаго полка, помѣченный 1760 годомъ, по которому рядовой Державинъ увольняется въ отпускъ до 1-го января 1762 года. Итакъ, по этой бумагѣ Державинъ узналъ, что онъ вовсе не инженерный кондукторъ, а преображенскій рядовой, и что онъ, находясь въ гимназіи и въ Болгарахъ, былъ уже и считался въ отпуску. Срокъ отпуска кончался новымъ годомъ, а бумага пришла въ Казань въ февралѣ, то есть запоздала прибыть по назначенію только на два года.

Въ этихъ случаяхъ, да еще вдобавокъ въ началѣ царствованія новаго императора,—шутить было нельзя. Державинъ принялъ на вѣру, что онъ уже два года преображенецъ и два года пользуется

отпускомъ, и немедленно отправился въ свой полкъ.

По прибытіи въ Петербургъ, явился онъ дежурному майору и, какъ просрочившій, былъ прямо отправленъ въ канцелярію къ допросу, чтобъ оттуда идти подъ арестъ.

Этотъ первый шагъ по службѣ и это первое впечатлѣніе въ столицѣ должны были озадачить 18-тилѣтняго юношу! Однако уже тутъ проявился горячій нравъ будущаго поэта и сановника. Юноша одинъ, среди большой столицы, незнакомаго начальства и новыхъ незнакомыхъ порядковъ не смутился и не дался въ обиду. Онъ заявилъ нежданному своему начальству, что считаетъ себя инженернымъ кондукторомъ, носилъ два года тотъ мундиръ и никогда не подозрѣвалъ себя принадлежащимъ къ этому полку. Поступать же въ гвардію не желаетъ, не имѣя на то достаточно средствъ.

Подъ арестъ юноша не попалъ, но въ преображенцахъ, быть можетъ и противъ воли, остался.

Такъ какъ скудныя средства его, отсутствіе родни и друзей, даже знакомыхъ, не позволяли ему поселиться на своей квартирѣ, подобно прочимъ рядовымъ изъ дворянъ, то онъ былъ помѣщенъ въ казармѣ у семейнаго солдата нахлѣбникомъ и жилъ въ одной горницѣ съ товарищами, ихъ женами и дѣтьми.

Вскорѣ однако рядовой былъ уже настолько опы-

тенъ въ экзерціи, что его посылали въ числѣ лучшихъ на смотры государя.

III.

Пребываніе Державина въ столицѣ за все время краткаго царствованія Петра III было самою тяжелою эпохой его жизни. Юноша попалъ въ столицу и на службу въ тѣ минуты, когда жить и служить было всего тяжелѣе и труднѣе, а въ особенности рядовому. Всѣ новые порядки и затѣи новаго императора обрывались на солдатъ. И генералитету приходилось туго, а ужъ рядовымъ, по выраженію одного изъ современниковъ, „хоть въ турецкую вѣру бѣги“.

Положеніе Державина рисуется въ слѣдующихъ нѣсколькихъ строкахъ записокъ Дмитріева: „Онъ принужденъ былъ пойти на хлѣбы къ семейному солдату; это значило имѣть съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну и жить съ нимъ въ одной свѣтлицѣ, раздѣленной перегородкой. Солдатскія жены, видя его часто съ перомъ или за книгой, возымѣли къ нему особенное уваженіе и стали поручать ему писать грамотки къ отсутствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ, но потомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чтобъ онѣ за его имъ услуги уговорили мужей своихъ отправлять въ очередь его ротную службу: стоять за него на ротномъ

дворѣ въ караулѣ, ходить за провіантомъ, разгребать снѣгъ около съѣзжей или усыпать пескомъ учебную площадку. И жены, и мужья на то согласились".

Державинъ и самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что онъ часто рисковалъ то замерзнуть на часахъ, ибо начальство забывало о смѣнѣ часового, то быть разорваннымъ собаками среди пустырей города, гдѣ пробирался онъ иногда, разнося повѣстки по квартирамъ офицеровъ, жившихъ въ разныхъ краяхъ города.

Денегъ у него не было, заниматься чѣмъ либо, помимо „экзерциціи", ни времени, ни угла не было, знакомыхъ въ городѣ тоже не было...

Наконецъ, однажды ему попался на улицахъ чуждой для него столицы знакомый человѣкъ. Это былъ нѣмецъ, пасторъ, нѣкто Гельтергофъ, сосланный при Елисаветѣ въ Казань, временно замѣстившій тамъ учителя нѣмецкаго языка въ гимназіи и слѣдовательно хорошо знавшій Державина.

Этотъ пасторъ, немедленно возвращенный въ столицу при новомъ правительствѣ, могъ пособить и устроить судьбу Державина.

Въ то время много дѣлалось по одному слову принца Георга Голштинскаго, дяди государя, недавно пріѣхавшаго въ Петербургъ.

Пасторъ предложилъ юношѣ блестящій планъ и перспективу быстрой карьеры, а именно: перейти

въ Голштинское войско, любимое государемъ. Это было трудно вообще, но легко для Державина, отлично говорившаго по-нѣмецки. Учитель и ученикъ разстались, обѣщаясь вѣроятно не затягивать дѣла и не откладывать его въ долгій ящикъ. Еслибъ эта встрѣча случилась въ апрѣлѣ или маѣ, то конечно юноша Державинъ былъ бы голштинскимъ солдатомъ и, быть можетъ, вскорѣ сталъ бы любимцемъ императора, знавшаго лично всѣхъ голштинцевъ. И чѣмъ лучше было бы Державину въ маѣ и іюнѣ, тѣмъ хуже бы случилось въ іюлѣ. На счастье юноши-преображенца случилось такъ, что чрезъ нѣсколько дней, быть можетъ чрезъ пять или шесть послѣ этой встрѣчи и плана быть голштинцемъ, — Державинъ уже маршировалъ съ полкомъ въ Ораніенбаумъ полонять, а въ случаѣ нужды и рубить тѣхъ же голштинцевъ. Если бы случилось ему еще разъ встрѣтиться съ пасторомъ, то теперь ему пришлось бы протежировать и защищать нѣмца отъ своихъ товарищей.

Переворотъ, совершившійся подъ Петровъ день въ столицѣ и Россіи, разсказанъ Державинымъ въ своихъ запискахъ, какъ очевидцемъ и дѣйствующимъ лицомъ, но не очень подробно. Самъ онъ сознается, что не обратилъ должнаго вниманія на все происходившее, такъ какъ въ этотъ приснопамятный день и онъ пострадалъ на иной ладъ.

Державинъ (пишущій записки въ третьемъ лицѣ)

говоритъ: „въ то самое время бывшія у него деньжонки въ подголовкѣ, когда онъ былъ въ строю... были украдены, то сей непріятный случай сдѣлалъ его совсѣмъ невнимательнымъ къ вещамъ посторонниммъ“... То есть на этотъ разъ: къ судьбамъ Россіи.

Вмѣстѣ съ полкомъ своимъ вскорѣ же отправился Державинъ и въ Москву на коронацію, но здѣсь. такъ же какъ и въ Петербургѣ, жизнь его была не легка. Та же разноска повѣстокъ по офицерамъ брала у него время иногда отъ четырехъ часовъ дня до двухъ и трехъ ночи и заставляла его обходить всякій день всю Москву отъ Тверской и Арбата до Ордынки. Это довело его до того, что онъ, окончательно выбившись изъ силъ, сталъ мечтать уже о томъ, какъ бы избавиться отъ подобной военной службы.

Въ Москвѣ находился въ это время, въ числѣ прочихъ сановниковъ, и Шуваловъ, знавшій его по рекомендаціи Веревкина. Державинъ прослышалъ, что Шуваловъ ѣдетъ заграницу и беретъ съ собой кой-кого изъ молодыхъ людей. Поѣздка заграницу и возможность учиться была давнишнею мечтой юноши, и теперь онъ рѣшился написать Шувалову письмо и явился самъ. Шуваловъ велѣлъ ему придти въ другой разъ, слѣдовательно, дѣло, очевидно, шло на ладъ. Вѣроятно въ радости по поводу успѣха Державинъ имѣлъ неосторожность сообщить случившееся своей старухѣ-теткѣ, нѣкоей Θеклѣ Савишнѣ Блудовой.

Старуха пришла не только въ негодованіе, но была совершенно перепугана намѣреніемъ неопытнаго юноши, которое вело его прямо, по ея мнѣнію, на край пропасти. Блудова объяснила глупому дитяткѣ, что Шуваловъ чернокнижникъ, еретикъ, преданный антихристу. Знакомые Блудовой москвичи подтвердили конечно то же самое. Юноша, воспитанный, по его же словамъ, „въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ“, повиновался старухѣ, которой былъ порученъ теперь матерью, все еще жившей въ Казани. Блудова дала молодому человѣку хорошую „нагонку“ и даже запретила бывать у Шувалова, грозясь въ противномъ случаѣ чуть не проклясть его.

Мечта о путешествіи разбилась вдребезги, и Державинъ продолжалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ исполнять грубую работу рядового. Наконецъ черезъ годъ, въ день восшествія на престолъ, 28-го іюня, Державинъ былъ произведенъ въ капралы, благодаря прошенію, поданному имъ графу Алексѣю Орлову. Отпросившись на годъ въ отпускъ, онъ поѣхалъ повидаться съ матерью.

Съ 1763 года по 1770 Державинъ, то будучи въ полку, то въ отпуску, велъ въ продолженіе этихъ семи лѣтъ самую безпорядочную жизнь. Онъ пристрастился къ карточной игрѣ, очень распространенной тогда въ Россіи, и завелъ себѣ такихъ пріятелей, что чуть не попалъ два раза подъ судъ по довольно нечистымъ дѣламъ.

Слѣдующіе два года онъ былъ уже фельдфебелемъ въ своей ротѣ, велъ жизнь болѣе трезвую и приличную, хотя продолжалъ попрежнему упражняться „гдѣ случай дозволялъ, съ честными людьми и въ игрѣ, по необходимости для прожитку, но благопристойно!“

Въ 1772 году, то есть черезъ десять лѣтъ послѣ своего вступленія въ Преображенскій полкъ, Державинъ былъ произведенъ въ офицеры....

Рубиконъ былъ перейденъ и наступила для дворянина-офицера новая жизнь, новыя потребности и новыя обязанности. Прежде всего Державинъ, продавъ сержантскій мундиръ, купилъ англійскіе сапоги и „ветхую каретишку въ долгъ у господъ Окуневыхъ“.

Сапоги и карета были вещи первой необходимости для уважающаго себя хоть сколько нибудь офицера. Дворянинъ и офицеръ не могъ ходить пѣшкомъ по улицамъ города.

IV.

Разсказавъ нѣсколько подробнѣе юношескіе годы Державина, соединенныя съ ними невзгоды и лишенія, прослѣдимъ вкратцѣ его послѣдующую судьбу и офицерскую службу.

Не прошло двухъ лѣтъ съ производства Державина въ офицерское званіе, какъ онъ уже былъ чле-

138169

номъ секретной комиссіи по Пугачевскому бунту и состоялъ при знаменитомъ А. И. Бибиковѣ.

У Державина, за исключеніемъ тетушки Блудовой, не было покровителей и покровительницъ. Какъ выхлопоталъ онъ себѣ самъ чрезъ Алексѣя Орлова чинъ капрала, затѣмъ, будучи сержантомъ, чрезъ офицеровъ своей роты добился чина офицера, такъ теперь, скучая въ гвардіи, рѣшился самъ достать себѣ другое мѣсто и занятіе. Узнавъ, что Бибиковъ ѣдетъ въ Казань и Оренбургъ усмирять бунтъ и будучи тамошнимъ уроженцемъ, изъѣздившимъ край тотъ вдоль и поперегъ, онъ счелъ себя полезнымъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ рѣшился прямо обратиться къ Бибикову письменно и лично съ просьбой о принятіи его въ комиссію.

Пугачевъ въ то время уже успѣлъ взять нѣсколько крѣпостей, перевѣшать нѣсколько офицеровъ и въ томъ числѣ симбирскаго коменданта Чернышева. Успѣлъ уже разбить войска генерала Кара и, осадивъ Оренбургъ, навести страхъ на всю Россію. Слѣдовательно охотниковъ ѣхать въ далекій и бунтующій край не могло быть много. Бибиковъ былъ радъ всякому лишнему офицеру. Но замѣтя въ Державинѣ дарованіе, да къ тому же еще найдя въ немъ и уроженца того края, проницательный Бибиковъ прямо зачислилъ молодого офицера къ себѣ въ ближайшіе помощники, то есть въ составъ секретной комиссіи.

По пріѣздѣ на мѣсто бунта, Державинъ разстался со своимъ начальникомъ, будучи командированъ въ Симбирскъ и болѣе уже не видалъ Бибикова, погибшаго въ Бугульмѣ отъ чрезмѣрныхъ трудовъ....

Въ продолженіе всего бунта, Державинъ находился на Волгѣ въ мѣстечкѣ Малыковкѣ (нынѣ городъ Вольскъ) и въ нѣмецкихъ колоніяхъ, и безъ успѣха, какъ и другіе начальники, усмирялъ башкиръ, калмыковъ и киргизовъ; и усмирялъ до той поры, когда бунтъ былъ уничтоженъ въ самомъ его корнѣ, то есть до той поры, когда Пугачевъ былъ пойманъ и увезенъ въ Москву.

Хотя Державинъ пространно говоритъ о своихъ подвигахъ въ Пугачевщину и жалуется, что онъ не былъ достаточно награжденъ, но едва ли можно сказать, что сдѣлано имъ было многое. Кромѣ смѣшного столкновенія съ комендантомъ города Саратова, Бошнякомъ, котораго онъ хотѣлъ заставить насильно возвести укрѣпленія въ городѣ, не имѣя никого для ихъ защиты, мы не находимъ ничего интереснаго.

Чрезъ нѣсколько дней, когда Пугачевъ явился подъ Саратовымъ и потомъ взялъ городъ, Бошнякъ геройски пробился сквозь толпу мятежниковъ съ горстью солдатъ и, сѣвъ на суда, уѣхалъ, спасая съ собой казну и дѣла.

Державинъ же наканунѣ покинулъ городъ, конечно, предвидя взятіе его бунтовщиками, и ускакалъ

къ себѣ въ Малыковку, а затѣмъ и далѣе, въ болѣе безопасныя мѣста.

Когда впослѣдствіи Пугачевъ былъ взятъ, то Державинъ, случайно получивъ объ этомъ извѣстіе, ранѣе другихъ далъ знать, помимо главнокомандующаго графа Панина, прямо Потемкину, а тотъ увѣдомилъ курьеромъ императрицу.

Графъ Панинъ былъ страшно взбѣшенъ за эту штуку подчиненнаго ему лица, если не прямо, то по званію главнокомандующаго, и въ припадкѣ гнѣва объявилъ при всей своей свитѣ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, будетъ просить у государыни милости: „вмѣстѣ съ Пугачевымъ повѣсить и Державина“. Впослѣдствіи однако Державинъ поѣхалъ къ Панину и съумѣлъ смѣнить гнѣвъ на милость...

Вернувшись снова въ полкъ, который стоялъ сначала въ Москвѣ по случаю торжества мира съ Турціей, потомъ въ Петербургѣ, Державинъ, считая себя обойденнымъ въ наградахъ, сталъ самъ хлопотать о себѣ предъ начальствомъ. Командиромъ полка былъ тогда знаменитый Потемкинъ. Въ этихъ хлопотахъ о себѣ, которыя Державинъ подробно разсказываетъ въ своихъ запискахъ, въ немъ уже начинаетъ быть видна та настойчивость, доходящая до дерзости, которою отличался онъ всю жизнь. Хотя онъ въ теченіе года и добился своего, то есть награды за участіе въ секретной комиссіи по усми-

ренію Пугачевщины, но Потемкинъ отдѣлался отъ надоѣднаго офицера. Вотъ какъ это произошло.

Когда полкъ еще стоялъ въ Москвѣ, Державинъ, не имѣя возможности видѣть своего новаго начальника въ городѣ, рѣшился отправиться къ нему. Императрица временно жила въ подмосковной деревнѣ, называвшейся Черная Грязь, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ. Потемкинъ помѣщался тамъ же. Державинъ ни минуты не задумался отправиться прямо туда, хотя это было для простого офицера не совсѣмъ удобно и даже назойливо. При появленіи его въ деревнѣ и въ домикѣ, камеръ-лакей остановилъ его, ибо приказано было не пускать никого. Державинъ очевидно нашумѣлъ, то есть заявилъ, что никто не можетъ остановить офицера, идущаго къ своему начальнику по дѣламъ службы. Его впустили. Онъ засталъ Потемкина за туалетомъ и подалъ просьбу.

Потемкинъ обѣщалъ современемъ доложить императрицѣ. Прошло много времени и ничего не оказывалось. Державинъ уже въ Москвѣ снова обратился съ просьбой къ Потемкину, но тотъ, по словамъ же Державина, „уже отъ него съ негодованіемъ отскочивъ, ушелъ къ императрицѣ!“

Когда дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, Державинъ снова напомнилъ о себѣ Потемкину въ третій разъ, но снова, обождавъ и не дождавшись ничего, подалъ уже просьбу самой императрицѣ въ бытность

ея въ Петергофѣ. Чрезъ нѣсколько времени Потемкинъ призвалъ офицера и спросилъ его отъ имени ея величества—чего онъ хочетъ? Державинъ отвѣчалъ, что хочетъ быть награжденъ наравнѣ со своими сослуживцами, бывшими въ комиссіи при Бибиковѣ, которымъ пожалованы земли и крестьяне, и кромѣ того, желаетъ быть выпущенъ въ армію съ чиномъ полковника.

Чрезъ нѣсколько времени, Державинъ дѣйствительно получилъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи и гвардейскій чинъ, но только соотвѣтствующій чину не полковника, а капитанъ-поручика арміи. Онъ былъ недоволенъ и снова началъ „толкаться у князя въ передней“.

Кончилось тѣмъ, что Потемкинъ приказалъ выпустить офицера не полковникомъ въ армію, а коллежскимъ совѣтникомъ въ статскую службу.

Напрасно Державинъ негодовалъ, говорилъ о своихъ подвигахъ военныхъ во время бунта, о своемъ нежеланіи быть статскимъ и чиновникомъ. Потемкинъ или хотѣлъ отвязаться отъ преслѣдовавшаго его офицера или просто мстилъ; и не смотря ни на какія просьбы Державина онъ былъ неожиданно „принужденъ, хотя съ огорченіемъ, вступить на совсѣмъ для него новое поприще“.

Впрочемъ, за это время съ Державинымъ былъ случай, который долженъ былъ его отчасти утѣшить. Вернувшись съ бунтующихъ береговъ Волги,

онъ снова вспомнилъ свою старую страсть къ картамъ и началъ снова играть. Однажды въ одинъ вечеръ онъ выигралъ у нѣкоего Жедринскаго и у графа Апраксина 45 тысячъ рублей. Это по тому времени было огромною суммой, которая помогла ему уплатить большой долгъ и даже купить имѣніе. Этотъ случай доказываетъ, до какой степени развита была тогда въ лучшемъ обществѣ страсть къ азартнымъ играмъ, и понятно, что правительство частыми указами и разными мѣрами старалось всячески искоренять эту язву тогдашняго времени, вносившую въ семьи разоренье, раздоръ, а иногда и преступленія.

V.

Сдѣлавшись насильственнымъ образомъ статскимъ полковникомъ, то есть коллежскимъ совѣтникомъ, Державинъ снова сталъ хлопотать о себѣ, то есть о мѣстѣ въ этой чуждой для него сферѣ. На этотъ разъ опять карты помогли ему. Онъ познакомился съ знаменитымъ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, любившимъ вистъ.

Съ февраля и до августа Державинъ терпѣливо и несчастливо игралъ всякій день съ генералъ-прокуроромъ въ эту модную тогда игру и аккуратно платилъ свои проигрыши. Наконецъ, по милости важнаго партнера, онъ получилъ очистившееся мѣсто экзекутора въ I Департаментѣ Сената.

Съ поступленіемъ въ Сенатъ начинается статская служба Державина и, можно сказать, новая эра его жизни.

Во-первыхъ, имѣя уже порядочное состояніе, около тысячи душъ, частью полученныхъ въ награду, частью купленныхъ и частью имѣвшихся еще по наслѣдству отъ отца, Державинъ могъ уже жить, какъ подобало дворянину того времени, бывать въ обществѣ и поддерживать знакомство съ разными сановниками.

Во-вторыхъ, за это же время онъ женился на дочери бывшаго камердинера Петра III, португальца Бастидона, жена котораго была кормилицей великаго князя, а дочь ея, то есть жена Державина, считалась поэтому молочною сестрой Павла Петровича. Можно думать, что женитьба эта была и по любви и по разсчету. Державинъ былъ представленъ наслѣднику престола частнымъ образомъ, и великій князь обѣщалъ и приданое, и покровительство, „какъ скоро будетъ въ силахъ“. Державинъ не могъ предполагать, что это случится почти 19 лѣтъ спустя.

Впослѣдствіи женитьба эта принесла Державину мало выгоды, а, напротивъ, служила ему иногда поводомъ къ недоразумѣніямъ. Императрица вообще не любила и косилась на окружавшихъ когда-то императора, а старую Бастидонъ, бывшую кормилицу сына своего, почему-то особенно не жаловала.

Во всякомъ случаѣ выборъ Державина принесъ

ему счастье. Объ Екатеринѣ Яковлевнѣ всѣ современники отзываются очень хорошо. Такъ Дмитріевъ, близко знакомый съ Державиными, говоритъ въ своихъ запискахъ:

„Съ пригожествомъ лица она соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать, любивой и возвышенной... Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ и не могла скрывать отвращенія своего ото всего низкаго. Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она, по выходѣ въ замужество, пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ французской и отечественной словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недостаткахъ сочиненій, получила основательныя свѣдѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ.“ Кромѣ того, Екатерина Яковлевна была мастерица рисовать, была искусная рукодѣльница. Въ ея домѣ была, напримѣръ, одна комната, оклеенная вышитыми ею соломенными обоями.

Наконецъ, за то же время службы, при князѣ Вяземскомъ, Державинъ, давно уже писавшій и печатавшій стихотворенія, написалъ свое знаменитое посланіе къ Фелицѣ, которое сразу поставило его выше всѣхъ поэтовъ того времени, и имя его облетѣло Россію.

Этотъ памятникъ литературный и историческій

появился безъ имени поэта въ журналѣ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“. Заглавіе было слѣдующее: Ода къ премудрой Киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ Мурзой, издавна поселившимся въ Москвѣ и живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведено съ арабскаго языка. 1782 года.

Благодаря этой Одѣ, Державинъ сталъ лично извѣстенъ императрицѣ, познакомился близко съ княгиней Дашковой и, кромѣ того, сталъ уже какъ бы придворнымъ поэтомъ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ этой оды появилась вторая: Благодарность Фелицѣ, а чрезъ шесть мѣсяцевъ: Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подражаніемъ Одѣ къ Фелицѣ.

Подъ Рѣшемысломъ разумѣлся Потемкинъ, которому Державинъ поневолѣ простилъ свой насильственный переходъ въ статскую службу. Благодаря этимъ одамъ, Державинъ чрезъ четыре мѣсяца, при открытіи Академіи Наукъ ея президентомъ, кн. Дашковой, былъ уже членомъ этой Академіи и присутствовалъ въ первомъ засѣданіи. Впрочемъ, помимо быстро пріобрѣтенной славы и благоволенія двора, Державинъ былъ и награжденъ государыней. Чрезъ нѣсколько дней послѣ появленія Оды къ Фелицѣ, во время обѣда у князя Вяземскаго, на которомъ присутствовалъ и поэтъ, была имъ получена

посылка съ надписью: Изъ Оренбурга, отъ Киргизской царевны, Мурзѣ Державину. Это была золотая табакерка, осыпанная брилліантами, и въ ней 500 червонцевъ. Нетрудно было поэту догадаться отъ кого шелъ этотъ крупный подарокъ... Однако Державинъ показалъ его начальнику, какъ бы прося позволенія принять гласно подарокъ. Князь Вяземскій отнесся къ происшествію не очень милостиво и воскликнулъ: „Что за подарки отъ киргизцевъ!“ Но, догадавшись, долженъ былъ смолчать...

Вскорѣ же послѣ этого случая произошло между Державинымъ и его всесильнымъ начальникомъ столкновеніе по службѣ, и уже знаменитый поэтъ, сильный благоволеніемъ къ нему Киргизской царевны, не поцеремонился и преспокойно подалъ въ отставку. Вяземскій, будучи неправъ, даже не рѣшался самъ доложить объ этомъ государынѣ. Державинъ подалъ просьбу, помимо начальника, чрезъ Герольдію, и получилъ просимую отставку, но при этомъ ему передали слова государыни: „Скажите ему, что я его имѣю на замѣчаніи. Пусть теперь отдохнетъ, а какъ нужно будетъ, то я его позову“.

Державинъ, будучи свободенъ, тотчасъ собрался побывать у матери и, разставшись съ женой, отправился одинъ; но на пути своемъ, вслѣдствіе скверныхъ дорогъ, остановился въ городѣ Нарвѣ, нанялъ себѣ каморку со столомъ у старухи нѣмки и, про-

живъ тутъ около недѣли, написалъ свою знаменитую оду: Богъ.

Когда онъ собрался ѣхать далѣе, то получилъ извѣстіе, что назначенъ губернаторомъ въ Олонецкую губернію.

VI.

Прежде чѣмъ ѣхать въ Петрозаводскъ или, какъ говорили, тогда въ Олонецъ, Державинъ, вмѣстѣ съ женой, отправился повидаться съ старухой-матерью, которой было уже за 60 лѣтъ. Но имъ не было суждено увидѣть ее въ живыхъ: старушка умерла за три дня до ихъ пріѣзда. Державинъ и жена его долго, много лѣтъ спустя, не могли безъ горькихъ слезъ вспомнить объ этомъ случаѣ.

Олонецкая губернія вмѣстѣ съ Архангельскою составляла особое намѣстничество, и генералъ-губернаторомъ былъ Тутолминъ, участникъ Семилѣтней войны, любимецъ графа Румянцева и врагъ князя Потемкина. Надо поэтому думать, что Тутолминъ не очень любезно принялъ пѣвца и автора посланія къ Рѣшемыслу. Недолго ладили генералъ-губернаторъ и губернаторъ.

Державинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что Тутолминъ былъ страшно гордъ и напыщенъ. Будучи уже давно въ статской службѣ, онъ былъ вице-губернаторомъ и губернаторомъ въ Твери, затѣмъ

губернаторомъ въ Екатеринославлѣ, причемъ открылъ и устроилъ первое намѣстничество въ Россіи (Тверское). Считая себя первымъ администраторомъ русскимъ, онъ былъ страстный охотникъ до реформъ, проектовъ и нововведеній. Все что̀ императрицѣ случалось высказывать въ видѣ желательной реформы въ будущемъ, Тутолминъ немедленно приводилъ въ исполненіе у себя въ видѣ пробы, отчасти чтобъ угодить императрицѣ, а отчасти чтобы прослыть просвѣщеннымъ и европейскимъ человѣкомъ. Трудно вѣрить Державину въ его характеристикѣ Тутолмина, ибо, относясь довольно благосклонно безъ различія ко всѣмъ государственнымъ дѣятелямъ своего времени, онъ въ то же время крайне строгъ ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, съ которыми приходилось ему служить вмѣстѣ и всегда неизбѣжно кончать сослуженіе самымъ рѣзкимъ столкновеніемъ. Очевидно, что тутъ, какъ мы увидимъ ниже, былъ часто виноватъ во многомъ и самъ поэтъ-чиновникъ, вслѣдствіе горячности своей натуры.

Еще въ полку онъ вздорилъ съ ближайшимъ начальствомъ; потомъ Потемкина заставилъ даже исключить себя изъ полка и сбыть съ рукъ; во время Пугачевщины, мѣшаясь не въ свое дѣло, имѣлъ столкновенія за столкновеніями; затѣмъ въ Сенатѣ завелъ тоже борьбу съ человѣкомъ, который былъ на своемъ посту чуть не въ продолженіе всего царствованія Екатерины, что̀ дѣлаетъ крайне сомнительнымъ от-

зывъ Державина, изображающаго князя Вяземскаго неспособнымъ самодуромъ и даже сомнительной честности.

Наконецъ и Тутолминъ, послѣ олонецкаго генералъ-губернаторства и столкновенія съ Державинымъ, былъ назначенъ управлять и приводить въ порядокъ вновь присоединенныя отъ Польши губерніи, послѣ чего былъ до самой смерти главнокомандующимъ въ Москвѣ. Трудно предположить, чтобъ Екатерина поручила судьбу вновь пріобрѣтеннаго Польскаго края человѣку неспособному и прожектеру-верхогляду.

Что было на этотъ разъ въ Петрозаводскѣ началомъ прямой ссоры Державина съ начальникомъ—мудрено сказать.

Судя по словамъ Державина, генералъ-губернаторъ требовалъ не вѣжливости, а низкопоклонства, не дѣятельности вообще и пользы отъ подчиненныхъ, а слѣпого исполненія его „смѣха достойныхъ“ распоряженій.

Первое, что, повидимому, послужило поводомъ къ ссорѣ, были предписанія Тутолмина губернатору, которыя Державинъ считалъ несогласными съ законами. Державинъ говоритъ, что Тутолминъ хотѣлъ управлять не по законамъ государства, а по законамъ и проектамъ имъ самимъ сочиняемымъ.

Каковы были предписанія Тутолмина, сказать трудно. Державинъ, напримѣръ, увѣряетъ, что Ту-

толминъ, будучи въ степномъ Екатеринославѣ, занимался усердно разведеніемъ лѣсовъ, даже написалъ цѣлыя тетради правилъ и положеній о лѣсоводствѣ, за что и получилъ монаршую благодарность.

То же самое предписалъ онъ будто бы и въ Олонецкой губерніи и требовалъ, чтобъ крестьянъ повсюду строго заставляли разводить лѣса. Такъ какъ край тотъ, и теперь лѣсистый, былъ при Державинѣ покрытъ тѣми непроходимыми лѣсами, что народъ зоветъ стѣной, то распоряженія это являлось безсмыслицей и противъ него возсталъ губернаторъ.

Такъ или иначе, но вскорѣ, говоритъ Державинъ, „обнаружилось не токмо наглое своевольство и отступленія намѣстника отъ законовъ, но сумасбродство и нелѣпица“. Помимо этого Тутолминъ требовалъ сбора такихъ податей и налоговъ, о которыхъ только еще слышно было тогда, какъ о проектируемыхъ въ будущемъ, да и то въ болѣе людныхъ и богатыхъ мѣстностяхъ имперіи.

Во всякомъ случаѣ чрезъ три мѣсяца послѣ прибытія Державина въ Петрозаводскъ, Тутолминъ, недовольный уже, отправился въ столицу съ жалобой на губернатора.

Оставшійся исправлять его должность, губернаторъ не дремалъ и, собравъ доказательства того, что Тутолминъ желаетъ управлять по собственнымъ, сочиненнымъ имъ законамъ, отправилъ донесеніе императрицѣ. Дѣло повернулось будто бы такъ,

что Тутолминъ на колѣняхъ просилъ у государыни прощенія.

Но послѣ этого борьба не только не кончилась, а разгорѣлась. На сторонѣ Тутолмина былъ недавно нажитой врагъ, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

Въ числѣ дрязгъ, придирокъ и исторій, которыя затѣвали Державину въ отсутствіе Тутолмина его враги, стоитъ разсказать объ одной исторіи, рисующей нравы того времени и тогдашняго чиновничества.

Въ домѣ губернатора проживалъ мирно ручной медвѣженокъ, очень ласковый и добродушный. Однажды одинъ чиновникъ верхняго земскаго суда, по имени Молчинъ, сманилъ медвѣженка со двора за собой и привелъ его въ земскій судъ. Вѣроятно, подъячіе, ради развлеченья и совершенно добродушно, позабавились съ медвѣженкомъ на разные лады. Но изъ этого случая возникло цѣлое дѣло и уголовный судъ надъ виновниками. Дѣло доходило конечно и до Сената, и въ бумагахъ, донесеніяхъ, меморіяхъ и промеморіяхъ, все по поводу того же медвѣженка, создалась цѣлая эпопея. Чиновникъ Молчинъ и его товарищи увѣряли подъ присягой, что медвѣдь былъ дѣйствительно введенъ въ горницы суда, и что Молчинъ объявилъ при этомъ въ шутку сослуживцамъ:

— Вотъ вамъ, братцы, новый засѣдатель, Михайло Иванычъ Медвѣдевъ.

Помимо же этого ничего не было, и медвѣженокъ былъ прогнанъ.

На это засѣдатель суда Шишковъ съ компаніей (сторонники Тутолмина) рапортовали и доносили подробнѣе. Они заявили, что Молчинъ привелъ медвѣженка и посадилъ его на предсѣдательское кресло (то есть генералъ-губернаторское), что одинъ изъ секретарей подносилъ и клалъ Мишкѣ на столъ листы бумаги, причемъ докладывалъ дѣло какъ бы самому генералъ-губернатору, а Молчинъ окунялъ Мишкину лапу въ чернильницу и заставлялъ какъ бы подписываться. Когда же они, оскорбясь такою насмѣшкой надъ своимъ главнымъ начальникомъ, требовали выгнать медвѣдя, то Молчинъ и его товарищи не позволили и кричали: „Не трогайте, медвѣженокъ губернаторскій“.

Исторія эта не только дошла до Петербурга, но и ходила изъ дома въ домъ, и многіе, повѣривъ ей (да вѣроятно эта шутка подьячихъ такова и была въ дѣйствительности), обвиняли Державина въ томъ, что онъ не отдалъ немедленно подъ судъ чиновника Молчина.

Князь Вяземскій, который считалъ Державина плохимъ чиновникомъ и даже говорилъ, что стихотворцы плохіе дѣльцы, былъ вѣроятно недоволенъ назначеніемъ его губернаторомъ послѣ исторіи съ нимъ. Поэтому генералъ-прокуроръ, разумѣется, радъ былъ, когда дѣло о засѣдателѣ Мишкѣ, взявшемъ

на себя роль генералъ-губернатора, дошло до Сената и самъ показывалъ и говорилъ сенаторамъ:

— Вотъ, милостивцы, смотрите, что нашъ умница-стихотворецъ дѣлаетъ, медвѣдей предсѣдателями!

Какъ ни глупа и смѣшна была вся эта исторія съ медвѣдемъ, однако любимецъ императрицы, и въ то же время всесильный вельможа и генералъ-прокуроръ имперіи, вершившій все по своему въ Сенатѣ, могъ и императрицу и сенаторовъ заставить взглянуть на олонецкаго медвѣженка въ земскомъ судѣ не совсѣмъ выгодно для вновь назначеннаго губернатора-стихотворца.

Державинъ, конечно, понималъ это. Когда пришелъ указъ Сената, требовавшій объясненія отъ губернатора по поводу случая съ медвѣдемъ, оскорбленья намѣстника и осквернения присутственнаго мѣста, Державинъ немного смутился. Однако же, онъ отвѣчалъ, довольно искусно говоря, что въ просвѣщенный вѣкъ Екатерины онъ не предполагалъ, чтобъ ему поставили въ вину: „Что онъ не почелъ страннаго сего случая за важное дѣло и не велѣлъ произвесть по оному слѣдствія, какъ по уголовному преступленію, а только словесный сдѣлалъ виновному выговоръ, ибо даже думалъ непристойнымъ подъ именемъ Екатерины посылать въ судъ указъ о присутствіи въ судѣ медвѣдя, чего не было и быть не могло“.

Въ Сенатѣ дѣло было замято...

VII.

Однако медвѣженокъ всетаки дорого обошелся невиновному лично Державину. А именно, ему пришлось изъѣздить въ телѣгахъ, верхомъ и даже въ челнокахъ рыбачьихъ около полуторы тысячи верстъ, да кромѣ того едва не поплатиться жизнью, утонувъ въ морѣ.

Тутолминъ, по возвращеніи, придумалъ мщеніе въ законной формѣ. Онъ предписалъ губернатору ѣхать открыть новый уѣздный городъ, до котораго не было и дорогъ: а именно мѣстечко Кемь у береговъ Бѣлаго моря.

Генералъ-губернаторъ былъ, конечно, увѣренъ, что Державинъ не поѣдетъ или, отправившись, вернется съ дороги подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Таковыхъ можно было найти много. Но Державинъ въ этихъ случаяхъ былъ также настойчивъ и энергиченъ, какъ и въ борьбѣ со своими сослуживцами и начальниками.

Тутолминъ вдобавокъ выбралъ, вѣроятно нарочно, такое время года, когда совершенно невозможно было проѣхать Олонецкую губернію, а именно осеннее время. Лѣтомъ открывались временные пути сообщенія, пролагаемые толпами богомольцевъ въ Соловецкій монастырь, зимой тоже можно было ѣхать, хотя и съ трудомъ; въ осеннее же, дождливое время про-

ѣзду по лѣсамъ, болотамъ и тундрамъ не было никакого. Но Державинъ, взявъ съ собою сослуживцевъ своихъ Емина и Грибовскаго, поѣхалъ и сдѣлалъ около полуторы тысячи верстъ взадъ и впередъ, путешествуя, какъ говоритъ онъ самъ:

„То верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ по горамъ и топямъ, то въ челночкахъ по озерамъ и рѣкамъ, гдѣ не токмо суда, но и порядочныя лодки проѣзжать не могутъ“.

Такъ или иначе, но послѣ труднаго и долгаго пути, губернаторъ добрался до селенія, которое долженствовало наименоваться городомъ (но не сдѣлаться имъ въ дѣйствительности и чрезъ сто лѣтъ). Тутолминъ, предписывая ему отправиться, объявилъ, что онъ найдетъ уже все готовымъ: и зданія для присутственныхъ мѣстъ, и штатъ чиновниковъ, и всѣ необходимыя мелочи. Державинъ однако нашелъ пустую и бѣдную деревушку. Не желая возвращаться ни съ чѣмъ и по крайней мѣрѣ довести до свѣдѣнія высшаго начальства, что онъ побывалъ въ этихъ дебряхъ—Державинъ рѣшился соблюсти форму...

Прежде всего понадобился священникъ, но и того, единственнаго въ мѣстечкѣ, не было на лицо. Послали его разыскивать и, чрезъ два дня усердныхъ поисковъ, нашли на одномъ изъ ближайшихъ острововъ на работѣ.

Священникъ отслужилъ молебенъ, затѣмъ всѣ обошли съ кучкой обывателей по единственной

улицѣ, окропили углы и закоулки святою водой, и губернаторъ объявилъ по высочайшему повелѣнію деревню — городомъ Кемью.

Совершивъ этотъ административный актъ, Державинъ отрапортовалъ Сенату, а священника заставилъ отписать Синоду о благополучномъ появленіи на свѣтъ новаго города.

Послѣ этого акта, за которымъ, конечно, не стоило ѣздить, Державинъ не пустился обратно. Соловецкій монастырь былъ недалеко и немудрено, если ему захотѣлось побывать тамъ. Добывъ небольшую шестивесельную лодку, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же Грибовскимъ и Еминымъ, отправился въ путь, но поднявшаяся на полдорогѣ буря принудила ихъ поворотить назадъ.... А боязнь утонуть заставила ихъ, не достигнувъ берега, ночевать на голыхъ прибрежныхъ скалахъ. Результатомъ этой прогулки и грозившей опасности явилась впослѣдствіе ода Буря.

Быть можетъ благодаря этому путешествію, которымъ Державинъ заявилъ свою ревность по службѣ, и которое не могло не дойти до свѣдѣнія императрицы чрезъ княгиню Дашкову, благоволившую къ поэту, а отчасти чтобы положить конецъ препирательству намѣстника съ губернаторомъ, Державинъ, по возвращеніи въ Петрозаводскъ, узналъ, что его перевели губернаторомъ въ Тамбовъ.

За краткое время пребыванія Державина въ Пе-

трозаводскѣ (менѣе года) стоитъ упомянуть объ одномъ фактѣ, огласившемся и обратившемъ на себя вниманіе петербургскаго кружка образованныхъ людей и даже двора. Это было открытіе больницы, или, точнѣе говоря, не самое открытіе, а рѣчь, произнесенная при этомъ соборнымъ священникомъ.

Рѣчь эта, впослѣдствіе напечатанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, не могла въ то время пройти незамѣченною. Вотъ ея начало.

„Чтенное Евангеліе возвѣстило намъ, человѣколюбивые слушатели, что въ Іерусалимѣ предъ купѣлію овчію, человѣкъ, одержимый недугомъ, тридцать восемь лѣтъ лежалъ и не имѣлъ благодѣтеля, кто-бъ ввергъ его въ купѣль исцѣленія. Россія отъ временъ князя Рюрика, около тысячи лѣтъ, прославлялася великими монархами; но кто былъ иже въ очахъ премудрости, иже въ царствіи велій наречень? Кто былъ, по словамъ Христа Спасителя, оный блаженнѣйшій, егда сотвори обѣдъ или вечерю, и не зва друговъ своихъ, братію свою, сродниковъ своихъ и сосѣдовъ богатыхъ; но угощалъ бѣдныхъ и болящихъ, яже не имуще что̀ воздать ему. Отецъ отечества, Великій Петръ, воздвигъ больницы въ градахъ, полкахъ и флотѣ. Онъ успѣлъ исцѣлить и успокоить героевъ, собравшихъ лавры на главу его; но дальныя намѣренія для пользы его смерть пресѣкла. Оставалось довершить недоконченное. А въ семъ состояніи можно по справедли-

вости уподобить было Россію оному евангельскому больному, не имущему благодѣтеля. Она, безъ общаго попечителя, скорбями сокрушенна, простирая къ небу руки, взывала: Господи! человѣка не имамъ, да вверженъ мя въ купѣль. Но въ сей день услышана молитва ея, воцарилася Екатерина II; сошелъ къ намъ съ небесъ тотъ благотворный ангелъ, который возмущалъ и освящалъ воды Силуамскія. Среди цвѣтущихъ градовъ, среди звуковъ побѣдоноснаго оружія, среди торжествъ законодательства, среди ѳиміамовъ благочестія, раздается нынѣ повсюду гласъ милосердія: Возстани немощствующій, возьми одръ твой и ходи!... И се уже мы созерцаемъ событіе гласа сего, вводятся въ притворъ сей, въ сію врачебницу, больные, неимущіе; Екатерина отверзаетъ имъ покровъ свой. Она между неисчетными о блаженствѣ нашемъ попеченіями печется и о здравіи убогихъ, ввергаетъ ихъ въ купѣль исцѣленія, и никто не воззоветъ уже: „человѣка не имамъ!...“

Сравненіе Россіи съ разслабленнымъ, которому Екатерина говоритъ: „возьми одръ твой и ходи!“ произвело впечатлѣніе. Рѣчь, разумѣется, сочинена губернаторомъ, съ чѣмъ и поздравляли его въ письмахъ друзья.

Легко можетъ быть, что не одно лишь путешествіе въ Кемь, а равно и рѣчь эта автора Оды къ Киргизской царевнѣ побудила Фелицу перевести

даровитаго и ревностнаго чиновника-поэта изъ болотъ и дебрей Олонецкихъ въ сравнительно болѣе просвѣщенныя степи Тамбовскія...

VIII.

Тамбовское намѣстничество было тогда только что открыто, городъ Тамбовъ только что созданъ и возведенъ въ званіе губернскаго города, но уже многіе крупные сановники имѣли тамъ помѣстья. Вообще край слылъ богатымъ и жизнь въ немъ пріятною. Для Державина — перемѣна мѣста губернатора въ Петрозаводскѣ на мѣсто въ городѣ Тамбовѣ—было повышеніемъ по службѣ. Державинъ былъ переведенъ въ Тамбовъ указомъ Правительствующему Сенату, отъ 15-го декабря 1785 года, но вступилъ въ управленіе намѣстничествомъ гораздо позднѣе. Только черезъ три мѣсяца, въ архивномъ дѣлѣ отъ 4-го марта 1786 года находимъ мы слѣдующій черновой отпускъ:

„Отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и правителя Тамбовскаго намѣстничества.

Тамбовскому намѣстническому правленію, предложеніе.

Имяннымъ ея императорскаго величества высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, отъ 15-го декабря 1785 года, опредѣленъ я въ здѣшнее намѣстничество правителемъ во ис-

полненіе чего, прибывъ въ порученной мнѣ должности, намѣстническому правленію предлагаю о вступленіи моемъ въ должность Правительствующему Сенату отрапортовать, въ палаты сообщить, въ совѣстный судъ предложить, подчиненнымъ мѣстамъ предписать указами, а его высокопревосходительство правящаго должность Тамбовскаго и Разанскаго генералъ-губернатора господина генералъ-поручика и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Васильевича увѣдомить имѣю отъ себя. Подлинное подписано тако: Гаврило Державинъ".

5-го марта Державинъ вступилъ въ управленіе губерніей, или, какъ говорилось тогда, тамбовскимъ намѣстничествомъ.

Чрезъ три года и три дня послѣ его назначенія, въ декабрѣ 1788 года онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, по причинѣ новой ссоры съ Гудовичемъ, генералъ-губернаторомъ Тамбовскимъ и Рязанскимъ.

Такимъ образомъ, собственно пребываніе его въ Тамбовѣ было еще менѣе, съ 4-го марта 1786 года до первыхъ чиселъ января 1789 года, то есть около трехъ лѣтъ.

Державинъ ѣхалъ отъ Москвы до Тамбова восемь дней; дорога была такъ дурна, что онъ не могъ дѣлать болѣе пятидесяти верстъ въ сутки. Первыя впечатлѣнія его по пріѣздѣ въ Тамбовъ были пріятны. Онъ неоднократно съ удовольствіемъ отзывается въ своихъ первыхъ письмахъ о городѣ и о мѣстномъ

обществѣ и даже о своихъ сослуживцахъ, съ которыми сначала очень поладилъ.

Чрезъ день по пріѣздѣ пишетъ онъ въ Казань вице-губернатору Васильеву слѣдующее:

„При первомъ случаѣ счастливымъ себя почитаю, что встрѣченъ отъ всѣхъ ласково, а паче, что примѣчаю въ предложеніяхъ своего генералъ-губернатора единственно тѣ требованія, которыя относятся точно къ его должности, умѣренность въ изъясненіяхъ, предоставленіе должной власти намѣстническому правленію; то по сіе время не имѣю даже въ виду, что̀ бы могло послужить къ моему огорченію“ и т. д.

Затѣмъ, 11-го марта, Державинъ пишетъ въ Петрозаводскъ Свистунову, совѣтнику Олонецкаго губернскаго правленія:

„Я столь доволенъ здѣшнимъ мѣстомъ, что описывать вамъ подробно почитаю за излишнее. Имѣемъ здѣсь тысячу выгодъ предъ Петрозаводскомъ: домъ изрядный, общество хорошее, подчиненныхъ всякаго рода довольно; была бы охота, есть съ кѣмъ работать, а паче всего, не знаю, что́ впередъ будетъ, господствуетъ у насъ единодушіе. Хотя не спознакомился я еще хорошо съ Иваномъ Васильевичемъ Гудовичемъ, видя его въ Петербургѣ весьма коротко, но бумаги его для меня нравятся, потому что вездѣ ссылается на законы и ихъ однихъ беретъ за

основаніе, то чего же мнѣ по моему нраву лучше“, и т. д.

Нѣсколько позже онъ пишетъ графу Воронцову о томъ же Гудовичѣ:

„Былъ у насъ Иванъ Васильевичъ и пробылъ недѣлю. Будучи предшествуемъ благодѣяніями, которыя онъ многимъ исходатайствованіемъ чиновъ сдѣлалъ, и ко мнѣ признательными по дѣламъ отношеніями, онъ встрѣченъ былъ здѣсь съ нелицемѣрною отъ всѣхъ радостію; кроткое его, простое и снисходительное со всѣми обращеніе, образъ мыслей благородныхъ и поступки, на истинныхъ правилахъ чести основанные, усугубили къ нему внутреннымъ всѣхъ благорасположеніемъ то почтеніе, которое по наружности начальникамъ отдается... Весьма онъ счастливъ, и мы всѣ, ежели возможемъ удержать навсегда таковыя между насъ расположенія и спокойную жизнь, отчего и служба конечно будетъ имѣть свои успѣхи“.

Не прошло двухъ лѣтъ, какъ все перемѣнилось. Отношенія Державина съ генералъ-губернаторомъ стали портиться, отчасти по его собственной винѣ, отчасти по винѣ самого Гудовича. Во всякомъ случаѣ, когда Державинъ выѣзжалъ изъ Тамбова, то Гудовичъ былъ его злѣйшимъ, непримиримымъ врагомъ и остался таковымъ на всю жизнь.

Впрочемъ, какъ увлекался Державинъ, восхищаясь Гудовичемъ и описывая его яркими красками по

пріѣздѣ своемъ въ Тамбовъ, также увлекался онъ и преувеличивалъ недостатки своего начальника послѣ своей ссоры съ нимъ. Впослѣдствіе, въ запискахъ о жизни своей, Державинъ говоритъ о Гудовичѣ, что онъ былъ „человѣкъ слабый, или, попросту сказать, дуракъ, набитый барскою пышностью“, и что въ дѣлахъ службы онъ ничего не понималъ. Такъ или иначе, но въ 1787 году начались недоразумѣнія, столкновенія и ссоры, которыя привели Державина къ полному разрыву какъ съ Гудовичемъ, такъ и съ другими сослуживцами.

IX.

Новый губернаторъ дѣятельно предался какъ административнымъ распоряженіямъ для благоустройства края, такъ и хлопотамъ для образованія и увеселенія общества. Въ немъ правитель, умный и образованный членъ общества и радушный хозяинъ такъ слились вмѣстѣ, что трудно говорить о немъ, рѣзко разграничивая и отдѣляя чисто административную дѣятельность отъ предпріятій и затѣй частнаго человѣка, веселящаго общество. Державинъ въ одно время занятъ и улучшеніемъ порядка веденія дѣлъ въ намѣстническомъ правленіи и празднествами у себя на дому. Онъ выписываетъ изъ Москвы, съ одинаковою заботливостью, и собраніе указовъ, и канцелярскихъ служителей для губернскаго правле-

нія, и балетмейстеровъ, и машинистовъ, и архитектора для постройки театра, тюремнаго замка и кирпичнаго завода. Тогдашнія патріархальныя времена въ особенности способствуютъ къ тому, чтобы совершенно слить въ немъ оффиціальное лицо намѣстника съ частнымъ человѣкомъ.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ своего вступленія въ должность, Державинъ, присмотрѣвшись къ дѣламъ, пишетъ Гудовичу, что такъ какъ онъ не послѣдователь общепринятаго обычая жаловаться на своего предмѣстника, то онъ воздержался бы отъ порицанія дѣйствій генералъ-майора Макарова (бывшаго предъ нимъ губернаторомъ), еслибы не былъ чрезчуръ пораженъ безпорядкомъ, царствующимъ во всѣхъ отрасляхъ управленія. „Какую справедливость спрашивать (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ), когда все основывалось на какъ нибудь“. Такъ, напримѣръ, недоимка по губерніи наросла за нѣсколько лѣтъ громадная, и объ этомъ предупреждали Державина еще въ Петербургѣ, при его назначеніи. И это было первое дѣло, на которое онъ обратилъ особое вниманіе, и въ первое же время управленія своего получилъ благодарность отъ Гудовича „за нѣкоторый успѣхъ въ сборѣ недоимки“. Затѣмъ полный безпорядокъ въ веденіи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, медленность, пристрастіе, взяточничество. Нѣкоторыя дѣла были заброшены, запутаны, другія окончательно исчезли безъ слѣда.

Въ канцелярскихъ служителяхъ ощущался сильный недостатокъ, а тѣ, которые и были на лицо, занимались, по выраженію Державина, „тою игрой, которая называется пьянствомъ“, такъ что совершенно не на кого было положиться и вполнѣ довѣриться.

Начальники сами подавали плохой примѣръ. Такъ совѣтникъ одной изъ палатъ, нѣкто Бѣльскій, пользовался самою дурною репутаціей; онъ былъ когда-то за что́-то судимъ, приговоренъ къ каторгѣ, затѣмъ попалъ подъ одинъ изъ милостивыхъ манифестовъ, и хотя и велѣно не опредѣлять его впредь ни къ какимъ мѣстамъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ служилъ совѣтникомъ палаты и открыто дѣлалъ всякаго рода беззаконія. Будучи (до пріѣзда Державина) посланъ въ гор. Козловъ, онъ открыто сдѣлалъ себѣ денежный сборъ, будто бы по приказанію генералъ-губернатора и на его имя. Прогнать его не могли, вѣроятно потому, что онъ пользовался протекціей княгини Вяземской, А. И. Васильева (впослѣдствіе графъ и министръ финансовъ) и Л. А. Нарышкина. Всѣ они просили Державина покровительствовать Бѣльскому, вслѣдствіе чего Державинъ не рѣшился исключить его изъ службы, а ограничивался простыми выговорами и пристращиваніемъ. Въ виду подобныхъ совѣтниковъ, что́ же было требовать отъ низшихъ?

Губернскій городъ былъ также въ жалкомъ положеніи, присутственныя мѣста разваливались безъ

ремонта, частныя зданія строились какъ попало, безъ плановъ, безъ архитекторовъ. Нѣкоторыя части города были въ совершенномъ запустѣніи. Многія мѣста въ городѣ были противузаконно захвачены; на другія, дѣйствительно принадлежавшія по праву, не имѣлось у владѣльцевъ никакихъ документовъ. Но, впрочемъ, можно ли было требовать отъ хозяина дома приведенія въ извѣстность границъ его усадебнаго мѣста, когда границы Тамбовской и смежныхъ съ нею губерній были еще совершенно не опредѣлены и неизвѣстны никому, а число душъ въ губерніи—и того менѣе. Въ томъ и другомъ была такая путаница, что съ нѣкоторыхъ пограничныхъ селеній сбирались подати и брались рекруты вдвойнѣ двумя разными губернскими правленіями, другія же селенія, наоборотъ, по той же причинѣ, ускользали вполнѣ и отъ платежа повинностей, и отъ поставки рекрутъ, и вообще не знали никакого начальства. Производство уголовныхъ дѣлъ также тянулось безконечно, отчасти оттого, что именно въ уголовной палатѣ и процвѣталъ г. Бѣльскій, который, по словамъ Державина, „медлитъ, не подписываетъ дѣлъ и не отзывается никакимъ голосомъ“. Державинъ съ особою ревностью сталъ понуждать его къ скорѣйшему рѣшенію и пропуску дѣлъ, тѣмъ болѣе, что всѣ безъ исключенія находившіеся подъ судомъ, не взирая ни на родъ преступленія, ни на степень его, содержались одинаково въ тюрьмѣ. На поруки не выпускали

почти никого, ибо это было затруднительно для администраціи тѣхъ временъ.

Между тѣмъ, что́ такое была Тамбовская тюрьма видно изъ письма Державина къ Гудовичу. „Не только въ кроткое и человѣколюбивое нынѣшнее, но и въ самое жестокое правленіе, кажется, могла ли бы когда пріуготовляться казнь, равная ихъ (колодниковъ) содержанію за ихъ преступленіе, выведенная изъ законовъ нашихъ. Болѣе 150 человѣкъ, а бываетъ, какъ сказываютъ, нерѣдко и до 200, повержены и заперты, безъ различія вины, пола и состоянія, въ смердящія и опустившіяся въ землю безъ свѣта, безъ печей избы, или, лучше сказать, скверные хлѣвы. Нары, подмощенныя отъ потолка не болѣе $^3/_4$ разстояніемъ, помѣщаютъ все число узниковъ, слѣдовательно, согрѣваетъ ихъ одна только тѣснота, а освѣщаетъ между собой одно осязаніе; изъ сей норы едва-едва видны ихъ полумертвыя лица и высунутыя головы, произносящія жалобный стонъ, сопровождаемый звуками оковъ и цѣпей“ и т. д.

Если въ присутственныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ уголовной палатѣ, пропадали цѣлыя дѣла, то о порядкѣ въ дѣлахъ, объ отчетности въ веденіи дѣлъ и говорить нечего. Это являлось уже неудобною и невыполнимою роскошью.

Отчетная часть была въ жалкомъ положеніи. Такъ, между прочимъ, въ приказѣ съ самаго его учрежденія не велись надлежащіе счеты, а денежныя при-

ходорасходныя книги не посылались на ревизію въ казенную палату. Державинъ особеннымъ предписаніемъ приказалъ прислать къ нему всѣ имѣющіеся въ приказѣ общественнаго призрѣнія денежные документы, дабы изъ нихъ составить, по его выраженію, „вѣрное о приходѣ и расходѣ свѣдѣніе“. Впослѣдствіе онъ продолжалъ обращать особое вниманіе на счетную часть. Такъ, въ октябрѣ 1787 года, онъ поручилъ секретарю приказа провѣрить всѣ денежныя книги. По провѣркѣ оказалось, что въ этихъ книгахъ (которыя были только что заведены) нашлись большія неисправности, быть можетъ, даже отчасти отъ неумѣнія вести ихъ. Поступившія суммы дохода вовсе не записывались, а ихъ, однако, по приведеніи въ извѣстность по документамъ, оказалось болѣе 35,000 руб. Съ этой самой ревизіи введенъ былъ порядокъ свидѣтельства суммъ ежемѣсячно, причемъ указывалось сколько состоитъ въ наличности.

Впослѣдствіе Державинъ дѣлалъ частыя ревизіи суммъ, неуклонно требовалъ отсылки суммъ въ казенную палату, настаивалъ на правильномъ и точномъ размѣщеніи ихъ и старался энергически уничтожить многія злоупотребленія по денежной части въ разныхъ губернскихъ учрежденіяхъ. Этимъ именно требованіемъ всего болѣе и вооружилъ онъ противъ себя тамбовское чиновничество, не привыкшее къ контролю правителей, бывшихъ до Державина. Онъ

былъ для нихъ, по выраженію нашихъ временъ, человѣкъ безпокойной, формалистъ и педантъ.

X.

Что̀ касается до мелкихъ тамбовскихъ чиновниковъ, то они считали не только справедливымъ слѣдовать примѣру начальниковъ въ родѣ Бѣльскаго, но даже щеголяли и хвастались другъ передъ другомъ своими познаніями и своею ловкостью въ наукѣ лихоимства и крючкотворства.

Не найдя аккуратныхъ и честныхъ канцеляристовъ около себя, Державинъ сталъ немедленно выписывать ихъ изъ другихъ мѣстъ и, между прочимъ, завелъ переписку объ этомъ съ родственникомъ своимъ Арсеньевымъ.

„Въ бытность мою въ Москвѣ (пишетъ онъ), проговаривали вы, что отъ уничтоженія вотчинной коллегіи остались изрядные юриспруденты, а какъ здѣсь, въ Тамбовѣ, въ оныхъ весьма настоитъ надобность, то не можно ли вамъ взять трудъ на себя оныхъ человѣка четыре знающихъ, къ тому-жъ чтобъ и поведенія порядочнаго, а больше всего, чтобы не были заняты той игрой, которая называется пьянствомъ и которая кажется хуже всякаго порока, яко отдаляющая нужное и важное довѣріе по должности—приказать пріискать... не можете ли, батюшка, человѣка два-три хорошенькихъ секретарей и нѣсколько также по-

лучше пріискать копеистовъ и меня увѣдомить; я бы имъ далъ тотчасъ сколько можно мѣста повыгоднѣе. Здѣсь крайняя въ сихъ людяхъ нужда...“

Но въ „сихъ людяхъ“ всюду былъ недостатокъ, и Державинъ немного досталъ себѣ хорошенькихъ секретарей. Изъ вновь присланныхъ потомъ изъ столицы пришлось нѣкоторыхъ снова прогнать.

Но помимо отсутствія честныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ, была другая бѣда. Не было законовъ! То есть не было во всемъ Тамбовѣ ни единой книжки изданныхъ собраній законовъ. Чѣмъ же руководились сотни подъячихъ и десятки высшихъ чиновниковъ? Надо думать, что они были такіе закаленные юриспруденты, что знали всѣ россійскіе законы наизустъ и, такъ сказать, носили ихъ въ себѣ, справляясь со своею памятью, при всякой возникавшей тяжбѣ или въ случаѣ преступленія закона. Или же (что́, конечно, и было) всякій дѣлалъ по своему, поступалъ по личному своему усмотрѣнію. Отсюда-то, то есть изъ отсутствія книгъ, и возникли курьезнѣйшія дѣла, въ родѣ того, что одинъ вице-губернаторъ разрѣшилъ одному іеромонаху жениться, причемъ сослался на статью закона.

Державинъ говоритъ тому же Арсеньеву объ этомъ недостаткѣ въ книгахъ, проситъ купить и выслать нѣсколько экземпляровъ собранія законовъ.

„Не можно ли приказать у васъ, въ Москвѣ,—

пишетъ онъ,—пріискать купить печатныхъ или списанныхъ, но вѣрныхъ законовъ“.

И далѣе пишетъ другому лицу, что „въ Тамбовской губерніи великій недостатокъ въ законахъ, что безъизвѣстно, были ли они когда здѣсь въ употребленіи“.

Особенно проситъ Державинъ прислать хоть списанное собраніе узаконеній за царствованіе Екатерины.

Наконецъ, въ августѣ, книги законовъ прибыли въ Тамбовъ. Державинъ долженъ былъ несказанно обрадоваться. Но видно Провидѣніе не благоволило къ Тамбову, или же Арсеньевъ, приславшій книги, принялъ Тамбовское намѣстничество за корабль, плавающій по волнамъ, или за баталіонъ. Книги, пришбывшія для руководства губернатора и совѣтниковъ въ управленіи краемъ, были только слѣдующія двѣ: Регламентъ адмиралтейскій и Полковничья инструкція.

Въ дѣйствительности, это случилось потому, что во всей столицѣ невозможно было ничего найти въ продажѣ кромѣ этихъ двухъ книгъ. Къ тому же Арсеньевъ прибавлялъ, что и надежды нѣтъ и впредь что̀ либо пріобрѣсти, такъ какъ старое изданіе законовъ разошлось въ продажѣ давно, а о новомъ изданіи не было и рѣчи.

Такъ и остался Державинъ безъ печатныхъ законовъ управлять Тамбовомъ съ городами и пригоро-

дами. Зато канцелярскіе служители нашлись, и Державинъ скоро получилъ нѣсколько прошеній. Вообще охотниковъ ѣхать на службу въ Тамбовъ оказалось довольно, но (такъ какъ, вѣроятно, въ подобномъ народѣ былъ вездѣ недостатокъ) они просили, чтобъ имъ обѣщали напередъ самыя выгодныя мѣста, обѣщали бы помѣстить на первыя открающіяся ваканціи и, наконецъ, чтобы прислали деньги впередъ на проѣздъ изъ Москвы до Тамбова.

Державинъ былъ очень обрадованъ, обѣщалъ все на свѣтѣ, но просилъ Арсеньева удостовѣриться „о ихъ способностяхъ и искусствѣ, дабы не брать здѣшнимъ подобныхъ“. Впрочемъ, онъ заявилъ заранѣе, что они могутъ быть приняты не иначе какъ въ столоначальники или въ помощники столоначальника, съ жалованьемъ, по тогдашнему, довольно выгоднымъ (первымъ 180 руб. въ годъ, а вторымъ 100 руб.). Въ то же время Державинъ обѣщалъ имъ, въ виду недостатка въ хорошихъ чиновникахъ, перевести лучшихъ на должности секретарей и, во всякомъ случаѣ, обѣщалъ впередъ производженіе въ чины прежде года. Деньги послать на проѣздъ онъ съ удовольствіемъ согласился. Очевидно, онъ сильно надѣялся, что эти пріѣзжіе чиновники послужатъ хорошимъ примѣромъ для мѣстныхъ.

„Надобно,—пишетъ онъ къ Арсеньеву,—чтобы они

(московскіе) ихъ (тамбовскихъ) постыдили какъ поведеніемъ своимъ, такъ трудомъ и знаніемъ".

Однако, впослѣдствіе никто никого не устыдилъ. И тѣ и другіе оказались одинаково хороши!

Кромѣ того, Державинъ много старался и хлопоталъ о переводѣ въ Тамбовъ на службу нѣсколькихъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ и вообще любимыхъ имъ лицъ, однихъ изъ Петрозаводска, другихъ изъ обѣихъ столицъ. Въ его перепискѣ видно, что онъ постоянно заботился объ этомъ и постоянно представлялъ на разсмотрѣніе и утвержденіе генералъ-губернатора Гудовича то того, то другого. Такъ старался онъ перевести Поспѣлова, извѣстнаго своимъ переводомъ Тацита. Поспѣловъ собирался въ Тамбовъ въ должность секретаря, потомъ почтмейстера, потомъ директора училищъ, но въ концѣ концовъ вовсе не пріѣхалъ.

Затѣмъ переманивалъ онъ Грибовскаго, того самаго, который сопровождалъ его въ путешествіи на сѣверъ для открытія города Кеми. Грибовскій собирался быть директоромъ училищъ, но княгиня Дашкова помѣшала этому, вѣроятно, вслѣдствіе своей ненависти къ Грибовскому. Затѣмъ Державинъ перевелъ Степанова, который былъ назначенъ смотрителемъ приказа общественнаго призрѣнія, находившагося подъ особымъ попеченіемъ Державина. Наконецъ, явился изъ Олонца нѣкій Аверьяновъ, который занялъ небольшое мѣсто, но будучи хоро-

шимъ музыкантомъ, сталъ давать въ Тамбовѣ уроки. О переводѣ этого чиновника изъ Петрозаводска въ Тамбовъ Державинъ особенно хлопоталъ.

Что̀ касается до намѣстническаго правленія, то Державинъ придумалъ въ немъ очень важное нововведеніе. Ему первому принадлежитъ починъ, по крайней мѣрѣ въ Тамбовской губерніи, печатанія всякаго рода текущихъ бумагъ, нужныхъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. До него содержалась съ этою цѣлью куча копіистовъ, занятыхъ исключительно изготовленіемъ десятковъ и сотенъ одинаковыхъ экземпляровъ административныхъ предписаній и другихъ подобныхъ бумагъ. Лѣтомъ перваго же года своего управленія онъ уже замѣтилъ медленность, происходящую въ производствѣ дѣлъ отъ лѣности и неисправности этихъ копіистовъ.

По этому поводу находимъ письмо къ князю Трубецкому, другу и сподвижнику знаменитаго Новикова, въ которомъ Державинъ спрашиваетъ его, не найдется ли для продажи у Новикова (одного изъ основателей Типографской Компаніи въ 1784 году) лишняго типографскаго станка и извѣстнаго количества литыхъ буквъ, а также и мастеровъ, которые бы согласились пріѣхать въ Тамбовъ.

„По обширности здѣшней губерніи (пишетъ онъ) и множеству текущихъ дѣлъ, весьма много такихъ бумагъ, которыя бы чрезъ типографію скорѣе теченіе свое имѣли; то ежели усмотрю я выгоду, что де-

шевле одинъ станъ, нежели множество пустокормовъ подъячихъ содержать, я рѣшился бы единственно для канцелярскаго производства завесть здѣсь типографію“.

На это письмо отвѣчалъ самъ Новиковъ, но уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, и приложилъ къ письму своему списокъ посылаемыхъ книгъ, напечатанныхъ и изданныхъ Типографскою Компаніей, прося Державина найти въ Тамбовѣ охотниковъ на ихъ покупку. На вопросъ же о типографскихъ станкахъ онъ отвѣчалъ какъ спеціалистъ: подробнымъ разсчетомъ, во что̀ можетъ обойтись заведеніе и содержаніе типографіи.

Вскорѣ явилось изъ Москвы и все нужное для типографіи. Чрезъ годъ уже печаталась бо̀льшая часть бумагъ по управленію, какъ-то: публикаціи и предписанія. Кромѣ того, были заведены и губернскія печатныя вѣдомости, гдѣ печатали: 1) о проѣзжихъ именитыхъ людяхъ; 2) о проходѣ командъ; 3) о цѣнѣ на хлѣбъ и 4) на разные товары первой необходимости.

Но этимъ не ограничилась дѣятельность тамбовской типографіи. Появились вскорѣ мѣстныя изданія книгъ, переводчики и даже переводчицы. Такъ, между прочимъ, были напечатаны въ этой новой типографіи слѣдующіе переводы Е. К. Ниловой, друга и родственницы Державиныхъ:

Графъ Вальмонтъ, или заблужденіе разсудка. Съ французскаго.

Приключенія Эдуарда Вильсона. Съ нѣмецкаго.

Немного позже, въ той же типографіи, былъ напечатанъ романъ: Заблужденіе отъ любви, переведенный съ французскаго княгинею Голицыной, урожденной Энгельгардтъ и жившей съ мужемъ въ своемъ имѣніи Зубриловкѣ, въ 150 верстахъ отъ Тамбова. Это была родная племянница князя Потемкина-Таврическаго. Голицыны были друзья Державиныхъ, которые часто ѣздили въ Зубриловку. Когда Державинъ оставилъ Тамбовскую губернію, то жена его переѣхала къ Голицынымъ на житье и прожила въ Зубриловкѣ первое время.

Типографія, заведенная въ Тамбовѣ, упоминается у Державина даже въ стихахъ. Когда въ 1788 году былъ назначенъ епископомъ въ тамбовскую епархію новгородскій викарій Ѳеофилъ, Державинъ показывалъ ему свою типографію, которою гордился и любилъ похвастать, и поднесъ Ѳеофилу слѣдующее четверостишіе:

На посѣщеніе въ Тамбовѣ типографіи епископомъ Ѳеофиломъ.

На память твоего, Ѳеофилъ, къ намъ прихода
Безсмертью здѣсь твое мы имя предаемъ,
И должно ли молчать учителю народа.
Разсыпь твой бисеръ намъ; мы свѣтъ обогатимъ.

Къ тому же времени относится устройство Державинымъ мѣста общественныхъ собраній, какъ говорилось, редута.

Вскорѣ же по пріѣздѣ въ Тамбовъ, онъ узналъ, что въ Рязани существуетъ уже подобное заведеніе, нѣчто въ родѣ клуба, приносящее доходъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, и немедленно обратился къ рязанскому губернатору Волкову со слѣдующимъ письмомъ:

„Увѣдомился я, что попеченіемъ вашего превосходительства заведенъ въ Рязани редутъ для пользы приказа общественнаго призрѣнія и для увеселенія благороднаго общества. Будучи увѣренъ, что онъ распоряженъ наилучшимъ образомъ и желая удовлетворить здѣшнему обществу такимъ же заведеніемъ, всепокорнѣйше ваше превосходительство прошу: приказать съ плана того заведенія и со всѣми его артикулами списать копію и пожаловать обязать меня и здѣшнее общество“.

Волковъ немедленно выслалъ Державину планъ и записку „какимъ образомъ учрежденъ въ Рязани домъ и при немъ училище и редутъ“.

Въ этомъ выраженіи видно, между прочимъ, что мѣстамъ общественныхъ собраній въ Россіи, очевидно, судьба вѣчно носить иностранное названіе. Сначала видимъ ассамблею (assemblée), затѣмъ редутъ (италіанское ridotto), то есть зданіе для

маскарадовъ, затѣмъ появляется и живетъ до сихъ поръ клубъ (club).

XI.

На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Тамбовѣ новый губернаторъ обращаетъ свое особенное вниманіе и затѣмъ, за все время своего губернаторства, неусыпно печется о томъ, что̀ со стороны губернатора показалось бы теперь страннымъ.

Державинъ беретъ на себя добровольно заботу о воспитаніи и образованіи дѣтей мѣстнаго дворянства.

Хотя и хвалитъ онъ въ своихъ первыхъ письмахъ изъ Тамбова и городъ, и общество; но впослѣдствіе въ запискахъ о жизни его, писанныхъ 20 лѣтъ спустя, а равно и въ объясненіяхъ къ своимъ сочиненіямъ, онъ говоритъ слѣдующее: „Они (праздники въ его домѣ) не только служили къ одному увеселенію, но и къ образованію общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, такъ было грубо и необходительно, что ни одѣться, ни войти, ни обращенія, какъ должно благородному человѣку, не имѣли, или рѣдкіе изъ нихъ, которые жили только въ столицахъ“.

Вскорѣ послѣ пріѣзда, у губернатора въ домѣ помимо баловъ, вечеровъ и концертовъ, которые бывали еженедѣльно, были заведены ежедневно классы для дѣтей и для молодежи. Сюда являлись

и учителя и ученики. Дворянство, считавшее стыдомъ посылать дѣтей, а особенно дѣвочекъ, въ школу или на домъ къ учителямъ и не имѣвшее возможности (или, лучше сказать, не желавшее) брать ихъ на домъ, съ удовольствіемъ посылало дѣтей въ губернаторскіе классы, гдѣ преподавались: грамматика, ариѳметика, геометрія и другія науки. Кромѣ того, два раза въ недѣлю, собиралась молодежь обоего пола на уроки танцованія. Во все это самъ Державинъ, повидимому, не входилъ, и предполагалось что всѣмъ завѣдуетъ жена его; но въ дѣйствительности она завѣдывала всѣмъ подъ его ближайшимъ руководствомъ.

Вотъ какъ разсказываетъ самъ Державинъ, въ объясненіяхъ къ своимъ сочиненіямъ, о тогдашнемъ тамбовскомъ обществѣ и о томъ, что было имъ сдѣлано для этого общества:

„....которое тогда никакой людскости и обращенія, свойственнаго благороднымъ людямъ, не имѣло; для чего авторъ, будучи губернаторомъ, и сдѣлалъ у себя въ домѣ: первое, небольшой театръ, на которомъ благородные юноши и дѣвицы представляли разныя нравоучительныя драмы и комедіи; второе, открылъ танцовальное собраніе одинъ разъ въ недѣлю, для чего выписанъ танцмейстеръ съ дочерью, у которыхъ обучалось дворянство, плата за билетъ по пятидесяти копѣекъ, потому что танцовали вдругъ 20 паръ, съ которыхъ получалъ танцмейстеръ въ

одинъ день 20 руб., имѣя квартиру и столъ губернаторскій; а иначе онъ не бралъ какъ по 2 рубля за билетъ; третье, одинъ разъ въ недѣлю собирались дѣти для ученія грамматикѣ и первыхъ частей ариѳметики, для чего приглашенъ былъ изъ народнаго училища учитель, который также получалъ умѣренную съ каждой особы плату, а вообще отъ всего собранія весьма достаточную; четвертое, также два раза въ недѣлю, были концерты и простыя собранія; всѣмъ симъ занималась жена губернатора, одѣвала дѣтей и учила ихъ, а губернаторъ симъ не занимался, отправляя вседневную свою должность, а былъ приглашаемъ по билетамъ, какъ и прочіе. Сіе всѣмъ было извѣстно, каковымъ общество дворянское нашелъ авторъ и каковымъ его оставилъ"...

Эти собранія, гдѣ и дѣти, а вѣроятно и взрослые учились грамматикѣ, ариѳметикѣ и разнымъ танцамъ — продолжались безъ помѣхи только одну зиму. Когда же начались разнородныя распри правителя съ аборигенами, то и классы и танцклассы, конечно, прекратились.

За послѣднее же время пребыванія Державиныхъ въ Тамбовѣ, у нихъ ужъ не только дѣти, но и вообще никто не бывалъ.

Что̀ касается до нравоучительныхъ комедій и драмъ то одна изъ нихъ не столько способствовала къ умственному развитію и образованію дѣтей, сколько

къ сближенію правителя съ генералъ-губернаторомъ, и вообще послужила личнымъ цѣлямъ Державина.

Это представленіе было въ сущности аллегорическая апоѳеоза Гудовича, сочиненная Державинымъ и исполненная въ день восшествія на престолъ императрицы у него въ домѣ, во время пребыванія Гудовича у него въ гостяхъ. Генералъ-губернаторъ и общество были, конечно, поражены этою новинкой, а первый и польщенъ.

Нѣсколько десятковъ дѣтей, въ бѣлыхъ одеждахъ классическаго греческаго покроя и увитыя гирляндами цвѣтовъ, появились въ залѣ и увѣнчали героя, то есть Гудовича. При этомъ дѣтскій же хоръ пропѣлъ гимнъ богинѣ Аѳинѣ и объяснилъ, что этимъ увѣнчаніемъ онъ проситъ у богини позволенія:

Почтить того, прославить,
Кто только лишь твою
Одну святую волю
И твой законъ хранитъ.

Счастливитъ смертныхъ долю
Не мститъ, благотворитъ,
И по путямъ лишь чести
Влечетъ къ себѣ сердца.
Достоинъ не изъ лести
Тотъ славы и вѣнца.

По окончаніи этого куплета дѣти, подойдя къ генералъ-губернатору Гудовичу, поднесли ему: юноша—вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица—корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„За оказанныя благодѣянія здѣшнему обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія“.

„Позволь, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми“.

Самъ Державинъ объясняетъ (и вѣроятно объяснилъ тогда генералъ-губернатору, властямъ и всѣмъ гостямъ своимъ) слѣдующее:

„Въ древнія времена въ Аѳинахъ былъ обычай составлять торжество богинѣ Минервѣ, странѣ аттической покровительствовавшей. Оно установлено было для поощренія къ добродѣтели и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи во храмѣ жертвъ, главный жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами. Во время шествія они пѣли стихи въ честь ихъ покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодѣяніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ останавлялись. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотвореніе въ древности. Потомъ начинались пляски“.

„Подражая сему древнему аѳинейскому обыкновенію, тамбовское благородное общество, торжествуя день восшествія на престолъ ея величества, со-

ставило кадриль изъ благородныхъ обоего пола дѣтей".

Помимо классовъ и обученія дѣтей у себя на дому, Державинъ хлопоталъ объ открытіи пансіона для дворянскихъ недорослей. Чрезъ мѣсяцъ послѣ прибытія онъ уже пишетъ Гудовичу, что нѣкто саксонскій подданный Жанъ-Жоржъ Іанъ (Янъ) намѣревается открыть пансіонъ, но что онъ не знаетъ, насколько этотъ Іанъ вѣрный человѣкъ и до разрѣшенія пансіона соберетъ прежде о немъ справки.

Чему предполагалось учить въ пансіонѣ, видно изъ письма Державина къ Гудовичу:

„До прибытія моего еще въ Тамбовъ, — пишетъ онъ,—означенный иностранецъ подалъ просьбу о дозволеніи ему установить пансіонъ или школу для наученія благороднаго юношества иностраннымъ языкамъ: французскому и нѣмецкому, географіи, ариѳметикѣ, математикѣ, геометріи, фортификаціи, иллюминовать и чертить, о также рисовать, тушевать и малевать *)".

Однако впослѣдствіе Державинъ не дозволилъ Яну открыть пансіонъ за неимѣніемъ аттестата.

Чрезъ четыре мѣсяца по своемъ прибытіи Державинъ писалъ одному помѣщику, что пріѣхалъ Данило Геслингъ, который знаетъ нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, ариѳметику, а также и россійскій языкъ и имѣетъ не только отъ здѣшняго уни-

*) Малевать — значило рисовать масляными красками.

верситета (то есть Московскаго) аттестатъ, но и отъ Голштинскаго.

Къ этому Геслингу Державинъ и совѣтовалъ всѣмъ отдавать своихъ дѣтей, прибавляя, что Геслингъ полагаетъ имѣть не болѣе десяти учениковъ съ платою по шести рублей съ каждаго. Впрочемъ пансіонъ Геслинга тоже продержался, вѣроятно, недолго, и при выѣздѣ Державина изъ Тамбова мы находимъ свѣдѣніе, что „пансіоновъ въ городѣ Тамбовѣ не имѣется“.

XII.

Помимо чисто административныхъ мѣръ къ заведенію бо̀льшаго порядка въ управленіи намѣстничества, помимо заботъ объ обществѣ, которое онъ старался забавлять и веселить, и въ этихъ забавахъ по возможности образовывать и поучать — Державинъ не забывалъ также и о нуждахъ самого города, нуждахъ почти неотложныхъ.

Тамбовъ, какъ мы сказали, имѣлъ наружный видъ самый плачевный. Созданный съ административною цѣлью, а не естественными условіями и мѣстными потребностями — новорожденный городъ сильно смахивалъ на посадъ. И еслибъ его искусственно не поддерживали на степени губернскаго города, то онъ давно бы опустѣлъ, а роль его перешла бы къ Козлову, богатому и торговому. Зданія присутствен-

ныхъ мѣстъ, не ремонтируемыя, разваливались. Такъ, приказъ общественнаго призрѣнія и всѣ учрежденія, зависящіе отъ него, были въ самомъ жалкомъ положеніи по недостатку средствъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города не было никакого проѣзда въ дождливые дни: тамъ утопали и люди и скотъ. Со смирительнымъ домомъ, бывшимъ на краю города, не бывало иногда сообщеній по цѣлымъ мѣсяцамъ, въ особенности весной.

Недостатокъ камня, отсутствіе кирпичныхъ заводовъ, дальность разстоянія и дурные пути до лѣсистыхъ уѣздовъ,—все привело къ такой дороговизнѣ строительнаго матеріала, что не только давно не возводилось новыхъ построекъ, но и полуразрушенныя зданія казенныя и частныя падали отъ отсутствія ремонта.

Чрезвычайная дороговизна кирпича по тогдашнему времени привела къ тому, что даже печи въ казенныхъ зданіяхъ, равно и въ частныхъ домахъ, были въ ужасномъ положеніи.

Въ нѣкоторыхъ казенныхъ зданіяхъ часто даже не топили зимой: въ однихъ — отъ дурного состоянія печей, въ другихъ просто за неимѣніемъ дровъ, которыя должны были быть поставляемы однодворцами, жителями Стрѣлецкой слободы, и поставлялись неисправно. Чиновники палатъ въ присутствіи сидѣли въ шубахъ, подъячіе — въ своихъ чуйкахъ. Тамбовъ былъ окруженъ лѣсомъ, но доставка и на

близкихъ разстояніяхъ была дорога и трудна. Въ такомъ же точно положеніи былъ лазаретъ. Больные мерзли отъ холода, и нѣкоторыхъ при низкой температурѣ въ покояхъ лечить успѣшно было невозможно.

Вопросъ о кирпичныхъ заводахъ былъ поднятъ еще до пріѣзда Державина вице-губернаторомъ Ушаковымъ, но дѣло затянулось. Дѣло о кирпичѣ длилось долго. Державинъ сталъ прежде всего отыскивать хорошаго кирпичнаго мастера,—въ предѣлахъ губерніи такого не оказалось,—и мастеръ былъ найденъ не близко, а именно въ Костромѣ. Вскорѣ онъ оказался негоднымъ и нашли другого ближе, въ городѣ Усмани. Началась выдѣлка, но долго далеко не могли удовлетворить сильному запросу на кирпичъ.

Тогда Державинъ задался вопросомъ, нѣтъ ли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи камня, и вскорѣ оказалось, что у помѣщика Лунина есть каменоломня. Державинъ обратился къ нему съ предложеніемъ взять на себя подрядъ для губернскаго города, но Лунинъ, не имѣя достаточно рабочихъ и узнавъ, что къ нему въ имѣніе пришлютъ постоемъ на работы партію колодниковъ, отказался наотрѣзъ отъ такихъ гостей. Между нимъ и Державинымъ есть переписка о каменоломной машинѣ, о которой писалъ Лунинъ, желая ею вѣроятно замѣнить колодниковъ. Но перепиской только дѣло и кончилось. Послѣ этого

Державинъ обратился за тѣмъ же въ имѣніе Л. А. Нарышкина. Управитель отвѣчалъ, что въ имѣніи цѣлая каменная гора, что изъ нея сосѣднее населеніе пользуется камнемъ даромъ, и что Нарышкинъ будетъ очень благодаренъ, если такимъ способомъ очистится его дача. Но едва только было приступлено къ ломкѣ камня, какъ Державинъ получилъ письмо отъ самого Нарышкина, который жаловался на самовольное распоряженіе губернатора въ его имѣніи. Тогда Державинъ объяснилъ ему ошибку управителя и предложилъ ломать камень съ уплатою за кубическую сажень такой цѣны, которую назначитъ самъ владѣлецъ. Чѣмъ кончилось, согласился ли Нарышкинъ на продажу или отказалъ, — неизвѣстно.

Между тѣмъ, нашлись подрядчики кирпича. Лѣтомъ явился въ намѣстническое правленіе купецъ Матвѣй Бородинъ и заявилъ, что имѣетъ готоваго кирпича въ разныхъ складахъ, въ Тамбовѣ и близъ гор. Лебедяни, одинъ милліонъ сто сорокъ тысячъ. Онъ предложилъ доставить ихъ съ первымъ зимнимъ путемъ. Гудовичъ и Державинъ удивились и обрадовались предложенію. Намѣстническое правленіе назначило ассесора строенной экспедиціи и губернскаго архитектора, чтобъ освидѣтельствовать качество и количество кирпича. Оба заявили, что дѣйствительно кирпичу найдено 1.140,500, и что онъ лучшей выжиги. Бородинъ получилъ немедленно

изъ намѣстническаго правленія 3,400 руб. Державинъ списался съ Гудовичемъ, и рѣшено было употребить кирпичъ на обжигательныя печи и заняться ихъ постройкой на слѣдующее лѣто. Зима прошла, но кирпичъ не былъ доставленъ на мѣсто, а весной оказалось, по наряженному слѣдствію, что кирпича у Бородина только около 565,000, изъ которыхъ около 136,000 имъ же куплены у другихъ заводчиковъ, но еще не оплочены; такимъ образомъ, правленіе можетъ получить только около 400,000, изъ нихъ же четверть, если не половина, никуда не годятся. Правленію было предложено сыскать и купить кирпичъ на счетъ Бородина, но кирпича не нашлось ни за какія деньги. Такимъ образомъ, хлопоты Державина окончились слѣдствіемъ и судомъ надъ подрядчикомъ, ассесоромъ и архитекторомъ, но не привели къ желанному результату; постройка обжигательныхъ печей снова остановилась.

Вопросъ этотъ однако разрѣшился впослѣдствіе окончательно. Въ августѣ мѣсяцѣ 1787 года было выстроено девять кирпичныхъ сараевъ и двѣ обжигательныя печи, и кирпичъ продавался въ частныя руки въ Тамбовѣ по 3 руб. за тысячу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, одною изъ первыхъ принятыхъ мѣръ губернатора было исправленіе острога. Предположивъ современемъ постройку каменнаго острога, Державинъ приступилъ къ улучшенію тогдашняго ужаснаго помѣщенія преступниковъ. Нашлись кое-

какія ветхія деревянныя зданія, принадлежавшія приказу общественнаго призрѣнія, а также пустая изба при домѣ князя Барятинскаго. Ихъ сломали, перевезли и увеличили зданіе тюремнаго зàмка. Затѣмъ, приступлено было къ сортированію заключенныхъ. Нѣкоторыхъ за окончаніемъ дѣлъ передали для отправленія по этапу. Другихъ, разобравъ ихъ вины или родъ преступленій и проступковъ, выпустили подъ росписки или на поруки. Оставшихся размѣстили просторнѣе и удобнѣе, раздѣливъ не только по роду вины ихъ, но даже по поламъ и возрастамъ, что̀ было здѣсь нововведеніемъ.

Къ отъѣзду Державина изъ Тамбова, устроился уже настоящій тюремный зáмокъ съ кухней и лазаретомъ, содержавшійся чисто и опрятно̀, что̀ было въ тѣ времена диковинкой. При немъ же, наконецъ, былъ составленъ планъ города и начались правильныя постройки. Городская земля стала продаваться участками съ обязательствомъ строиться на ней извѣстнымъ законнымъ порядкомъ, а не такъ, какъ кому приходило на умъ.

Обстраивая Тамбовъ, уравнивая его улицы и снося всѣ постройки, дома и дворы, которые безобразили городъ, искривляя улицы, Державинъ вѣроятно не разъ вспоминалъ о таковой же своей дѣятельности, когда ему было еще только лѣтъ 17. Случай этотъ, разсказанный имъ самимъ, весьма характеристиченъ.

Въ 1760 году, членъ губернскаго правленія Ве-

ревкинъ (онъ же и директоръ Казанской гимназіи) получилъ приказаніе по указу Сената снять планъ города Чебоксары. Это было время, когда размежевывалась вся Россія и топографія входила въ большую моду въ Петербургѣ.

На бѣду Веревкина, въ это время не было учителя геометріи въ Казанской гимназіи: старый умеръ, а новаго еще не могли пріискать. Директоръ гимназіи, недолго думая, пригласилъ своего любимца и лучшаго ученика, Державина, да еще десятокъ гимназистовъ въ подмогу ему. Державинъ такъ хорошо чертилъ перомъ съ эстамповъ и такъ великолѣпно нарисовалъ чернилами портретъ государыни Елисаветы Петровны, что Веревкинъ рѣшился сдѣлать изъ него импровизованнаго землемѣра и геометра.

По пріѣздѣ, однако, въ Чебоксары, когда пришлось приступить къ занятіямъ, оказалось, что директоръ надѣялся на лучшаго ученика своей гимназіи, а лучшій ученикъ надѣялся на познанія своего начальника.

Вышло, что вся юная комиссія, по прибытіи на мѣсто, не знала какъ ей, хоть съ грѣхомъ пополамъ, выйти изъ бѣды.

„Поелику же всѣ (говоритъ Державинъ про себя и товарищей) учились геометріи безъ правилъ и доказательствъ и притомъ никогда на практикѣ не бывали, то, пріѣхавъ въ городъ, когда должно было

снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ нами и астролябіи не было“...

Веревкинъ прибѣгнулъ къ героической мѣрѣ. Въ указѣ Сената было сказано: снять планъ города и особенно отмѣтить всѣ дома, построенные неуказнымъ образомъ, то есть искривляющіе или стѣсняющіе улицы, ширина копхъ предписывалась въ восемь саженъ. Веревкинъ рѣшился обратить прежде всего вниманіе на „непорядки“. Немедленно была устроена деревянная рама, окованная желѣзомъ, не болѣе не менѣе какъ въ восемь саженъ ширины и шестнадцать саженъ длины. Когда эта монументальная геометрическая фигура была готова, то стали набирать народъ и ежедневно несмѣтнымъ людствомъ носили эту раму по улицамъ города.

Геометрическій разсчетъ былъ „на глазъ“, то есть какъ только рама не пролѣзаетъ вдоль улицы по милости забора, будки, дома, хотя бы и каменнаго, или какой либо иной недвижимой собственности, то Веревкинъ записывалъ домъ въ особый журналъ и на воротахъ писалъ: ломать!

Въ то время, когда Державинъ—уже губернаторъ, а не гимназистъ—занялся планомъ города Тамбова и устройствомъ его улицъ и домовъ, были уже другія времена. Съ тѣхъ поръ протекло 27 лѣтъ, и комедія съ гигантскою рамой была едва ли возможна.

Постройки Державина въ Тамбовѣ, всѣ каменныя, сохранились до сихъ поръ и въ томъ числѣ

даже будки или караулки на главныхъ пунктахъ города, служащія и теперь для городовыхъ. Равно уцѣлѣлъ до сей поры и большой каменный мостъ на Астраханской дорогѣ, при въѣздѣ въ городъ. Много, вѣроятно, съ тѣхъ поръ каменныхъ мостовъ выстроилось и провалилось на Руси за цѣлое почти столѣтіе, а мостъ Державина и теперь цѣлехонекъ.

Впрочемъ, не на одинъ губернскій городъ было обращено вниманіе. Державинъ рѣшился на трудное и важное предпріятіе, а именно, составить топографическое описаніе всего намѣстничества. Онъ выписалъ топографовъ и всевозможныхъ свѣдущихъ людей и приступилъ къ дѣлу, которое, однако, не суждено было ему окончить.

Въ то время, посылка плановъ и картъ въ Петербургъ была однимъ изъ лучшихъ средствъ угодить императрицѣ. Многіе генералъ-губернаторы и намѣстники выбивались изъ силъ, чтобы при каждой поѣздкѣ въ Петербургъ везти съ собой саженный размалеванный листъ бумаги, на которомъ сами они часто ничего не могли ни понять, ни разобрать, ни найти...

XIII.

И такъ, первое время управленія своего и кипучей дѣятельности, Державинъ былъ доволенъ начальствомъ и обществомъ, а они, въ свою очередь, оче-

видно, полюбили честнаго и умнаго правителя и радушнаго хозяина-хлѣбосола. Вся зима прошла въ весельѣ, частыхъ балахъ, вечерахъ и представленіяхъ. Въ перепискѣ Державина за это время постоянно говорится объ операхъ, роляхъ, костюмахъ, нотахъ и машинахъ. Въ то же время составилась труппа любителей и завелись исключительно для театра музыканты и пѣвцы.

Всѣмъ этимъ, подъ инспекціей губернатора, руководила жена его, о которой долго въ Тамбовѣ сохранялось преданіе, какъ о ласковой и любезной хозяйкѣ. Такъ какъ Екатерина Яковлевна особенно хорошо умѣла шить и вышивать и отличалась вкусомъ, то въ ея вѣдѣніи было даже исполненіе затѣйливыхъ костюмовъ.

Державинъ самъ находилъ время заниматься всѣмъ. Мы видимъ, напримѣръ, что онъ приглашаетъ нѣкоего Аверьянова на службу, потому особенно, что онъ хорошій музыкантъ, и въ то же время выписываетъ изъ столицы ноты, разсылаетъ роли, переписывается самъ съ цѣлою компаніей молодыхъ дѣвушекъ о предстоящихъ представленіяхъ. Въ то же время, какой-то Шмидтъ (изъ Куровщины) просится въ капельмейстеры; заводится въ Тамбовѣ пѣвческій классъ, гдѣ обучаетъ дѣтей „нотному пѣнію“ какой-то секретарь нижней разсправы, бывшій придворный пѣвчій, спавшій съ голоса. Тогда же появились пѣвчіе

во всѣхъ церквахъ, что было здѣсь большою диковинкой.

Было построено особое зданіе для театра и на него опредѣлено тысячу рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ съ тѣмъ, чтобы доходъ шелъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія. Главному директору и машинисту, Барзантію, прибавлено сто рублей жалованья и онъ былъ назначенъ уже въ штатную должность машиниста театровъ Тамбовскаго и Рязанскаго, построеннаго по примѣру Тамбова.

Въ самую средину зимы пріѣхали для ревизіи въ Тамбовъ, по высочайшему повелѣнію, сенаторы графъ Воронцовъ и Нарышкинъ. Въ повелѣніи сказано: „для осмотра присутственныхъ мѣстъ“, съ тѣмъ чтобы чрезъ этотъ осмотръ достигнуть „однообразія въ учрежденіяхъ“, и именно по случаю найденнаго въ Костромской губерніи „несходства съ учрежденіями другихъ губерній“.

Сенаторы нашли городъ и общество въ разгарѣ веселья и разныхъ затѣй и удовольствій. Чрезъ нихъ дошла и до столицы слава о тамбовскомъ житьѣ. Ревизіей сенаторы остались вполнѣ довольны, и впослѣдствіе Тамбовское намѣстничество получило высочайшую благодарность.

Съ этой поры, по словамъ Державина, Гудовичъ къ нему сталъ холоднѣе, вѣроятно, потому, что губернія, городъ и даже общество,—все казалось въ блестящемъ положеніи и было очевиднымъ резуль-

татомъ его управленія. Впрочемъ послѣ ревизіи, Гудовичъ представлялъ Державина къ ордену и заявлялъ, что Державинъ, найдя губернію въ полномъ безпорядкѣ, все устроилъ къ лучшему быстро и успѣшно. По этому представленію въ слѣдующемъ сентябрѣ Державинъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени при письмѣ Воронцова, который, какъ бы извиняясь, что Державинъ получилъ крестъ не 2-й степени, объяснялъ это обстоятельство тѣмъ, что орденъ хотятъ поднять.

Но мирное и веселое житье тамбовцевъ продолжалось недолго. И мудрено сказать, что̀ было причиной и кто виновникомъ открытія военныхъ дѣйствій.

Если взглянуть на неутомимую и разнообразную дѣятельность губернатора, на массу возникавшихъ вокругъ него и все увеличивавшихся затрудненій и помѣхъ, непріятностей и ссоръ, стычекъ и дрязгъ, если принять при томъ въ соображеніе, что, разъ зарвавшись, Державинъ никогда не хотѣлъ отступить, а упрямо шелъ на проломъ, то станетъ неудивительнымъ, что онъ нажилъ себѣ кучу тайныхъ и явныхъ враговъ.

Что̀ касается до явленій обыкновенныхъ въ тѣ времена, до дикихъ проявленій помѣщичьяго произвола, то все доходившее до свѣдѣнія губернатора, къ чести его надо сказать, никогда не оставалось безъ вниманія и по мѣрѣ возможности безнаказанно

не проходило. Своимъ взглядомъ на крѣпостное право и своимъ отношеніемъ къ нему Державинъ опередилъ свой вѣкъ.

Такъ существуетъ цѣлое дѣло въ Тамбовскомъ архивѣ по случаю одного совершенно обыкновеннаго въ тѣ времена явленія.

Однажды, выходя изъ намѣстническаго правленія, Державинъ увидѣлъ на крыльцѣ мальчика, лѣтъ семи или восьми, съ оборванною цѣпью на шеѣ. Онъ взялъ ребенка, вернулся съ нимъ въ присутствіе и разспросилъ его.

Мальчикъ разсказалъ, что онъ сынъ крѣпостного человѣка Тамбовской округи, села Борщевки, помѣщика Дулова; что онъ былъ приставленъ барином̀ъ пасти свиней, и однажды нечаянно одну изъ нихъ упустилъ изъ поля на село. Помѣщикъ взялъ его и, наказавъ „ѣзжалами, кнутьями и палками“, надѣлъ на него цѣпь и приковалъ къ стулу, съ тѣмъ, чтобы послѣ снова повторить наказаніе. Убоявшись вторичныхъ побоевъ, онъ воспользовался тѣмъ случаемъ, что цѣпь была надломлена въ одномъ мѣстѣ, разбилъ ее и бѣжалъ въ городъ.

Мальчикъ этотъ былъ отданъ въ приказъ общественнаго призрѣнія на излеченіе отъ побоевъ, и на прокормленіе его велѣно отпускать деньги до слѣдующаго распоряженія губернатора.

Державинъ, между тѣмъ, обратился къ губернскому предводителю дворянства, Бибикову, съ предложе-

ніемъ собрать свѣдѣнія о состояніи и поведеніи помѣщика Дулова, что̀ и было вскорѣ исполнено. Сосѣди Дулова отнеслись невѣдѣніемъ объ его поведеніи относительно своихъ крѣпостныхъ. Уѣздный же судъ донесъ о двухъ жалобахъ, бывшихъ на помѣщика за побои, но маловажныхъ. Вслѣдствіе всего этого мальчика пришлось возвратить на мѣсто жительство, однако со строжайшимъ предписаніемъ отъ Державина Дулову: обращаться со своими рабами снисходительно, въ противномъ же случаѣ, ему обѣщано поступленіе по законамъ. Исторія на томъ и кончилась. Надо думать, что Дуловъ былъ мелкій помѣщикъ, который не могъ и не посмѣлъ войти въ открытую борьбу съ губернаторомъ. Вообще же помѣщики прошлаго вѣка ревностно отстаивали свои права на крестьянъ и вмѣшательство власти считали вмѣшательствомъ въ ихъ семейныя дѣла. Но за то другія столкновенія съ мѣстными дворянами не обошлись Державину даромъ.

Въ Тамбовской губерніи былъ, между прочимъ, одинъ очень богатый старикъ-помѣщикъ, нѣкто генералъ-майоръ Сатинъ, жившій въ деревнѣ и имѣвшій нѣсколько человѣкъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Еще до прибытія Державина, онъ устроилъ такъ, что усыновилъ ихъ, желая передать имъ вмѣстѣ съ именемъ и большое состояніе. Чрезъ нѣсколько времени, однако, уже по пріѣздѣ Державина, Сатинъ подалъ заявленіе въ намѣстническое правленіе, что

онъ отрекается отъ усыновленія этихъ дѣтей, просилъ не причислять ихъ „и не безчестить тѣмъ фамилію“.

Державинъ, будучи еще прежде хорошо знакомъ съ прямыми наслѣдниками Сатина, то есть съ племянникомъ его, Кормилицынымъ, и со внукомъ его, Зайцевымъ, похлопоталъ для нихъ и, желая, чтобы состояніе почти выжившаго изъ ума старика досталось имъ, а не побочнымъ дѣтямъ его, имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ это дѣло. Державинъ вызвалъ Сатина въ Тамбовъ и уладилъ дѣло такъ, что старикъ передалъ часть имѣнія обоимъ родственникамъ, о чемъ Державинъ ихъ и увѣдомилъ. Все обошлось скоро и довольно просто. Но вдругъ прошелъ слухъ, что въ Петербургъ на высочайшее имя подана просьба тѣмъ же генералъ-майоромъ Сатинымъ на тамбовскаго губернатора, въ которой онъ жалуется, что его насильно привезли въ Тамбовъ и угрозами вынудили сдѣлать распоряженіе въ пользу Кормилицына и Зайцева. Въ Петербургѣ дѣло произвело непріятное впечатлѣніе. Столичные враги Державина зашумѣли, и ему пришлось оправдываться. Державинъ смутился. Дѣло тянулось долго, но переданныя имѣнія всетаки остались у Кормилицына и Зайцева. Впослѣдствіе оказалось, что старшій незаконнорожденный сынъ старика, капитанъ Михаилъ Сатинъ, былъ руководителемъ всего дѣла. Онъ, разумѣется, хлопоталъ за себя и за своихъ младшихъ братьевъ, ѣздилъ въ Петербургъ и тамъ

подалъ прошеніе, разсказывая повсюду о насиліи, произведенномъ надъ старикомъ самоуправствомъ губернатора.

Замѣчательно обстоятельство, рисующее тѣ времена, что составить просьбу старика Сатина, привезенную капитаномъ Сатинымъ, стоило не мало хлопотъ: написать просьбу въ то время было не шутка. Для составленія просьбы выписанъ былъ въ деревню, нарочно изъ Саратова, свѣдущій въ крючкотворствѣ человѣкъ. Что касается до клеветы и лжи, которыми было переполнено прошеніе, то въ это время было обычно, чтобы подающій просьбу прибѣгалъ къ преувеличенію и ко лжи.

Зимой молодой Сатинъ былъ еще въ Петербургѣ и хотѣлъ будто бы вытащить туда же и старика-отца для подачи новой жалобы императрицѣ, но, вѣроятно, довольный тѣмъ, что на его долю осталась еще порядочная часть наслѣдства, прекратилъ дѣло.

Въ то же самое время было у Державина столкновеніе съ другимъ мѣстнымъ помѣщикомъ—Загряжскимъ, но менѣе важное и болѣе комическое.

Еще до пріѣзда Державина въ Тамбовъ, стоялъ въ своемъ имѣніи, Куровщинѣ, со своимъ полкомъ, генералъ-майоръ И. А. Загряжскій и, явно дѣлая всякаго рода злоупотребленія, разорялъ сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ. Такъ, между прочимъ, онъ кормилъ свой полкъ на ихъ

счетъ и забиралъ насильно провіантъ и фуражъ за три года впередъ.

Все это много разъ и давно уже доходило до намѣстническаго правленія, но далѣе не шло и прикрывалось.

Села, гдѣ квартировалъ прежде его полкъ, еще при Державинѣ, были такъ разорены, что не могли уплатить большой недоимки, числящейся за ними.

За годъ до пріѣзда Державина, полкъ былъ выведенъ на кавказскую линію, но Загряжскій выпросился въ отпускъ и, вернувшись домой, началъ снова свои продѣлки. Самая оригинальная продѣлка Загряжскаго, начатая еще до Державина, заключалась въ томъ, что всѣмъ его крестьянамъ, и чужимъ сосѣднимъ, и государственнымъ, а равно и однодворцамъ-помѣщикамъ, которые боялись генерала какъ огня, было приказано собраться и строить помѣщику домъ. Каждый крестьянинъ, свой и чужой, и однодворецъ должны были являться со своими орудіями-инструментами отъ пилы и топора до послѣдняго буравчика. Но это еще не все. Они должны были явиться со всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для стройки дома, начиная съ бревенъ и досокъ и кончая рамами и замкàми.

Крестьяне, отзывавшіеся невозможностью доставить лѣсъ, оставались сами подъ открытымъ небомъ: гренадеры и бомбардиры генерала разбирали избу

у мужика въ часъ времени, и мужикъ самъ же везъ эти лѣсины на построеніе дома генерала.

И такимъ образомъ былъ выстроенъ въ селѣ Куровщинѣ великолѣпный барскій домъ, говорятъ, будто бы существующій и понынѣ. При Державинѣ Загряжскій уже оканчивалъ домъ и устраивался, заботясь о комфортѣ и удовольствіяхъ. На новаго правителя губерніи генералъ смотрѣлъ свысока и, бывая въ Тамбовѣ, продолжалъ свои штуки. И Державинъ, очевидно, былъ золъ на неучтиваго генерала.

Столкновеніе вскорѣ и произошло.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ городъ Загряжскій взялъ казеннаго машиниста и увезъ его къ себѣ въ имѣніе для какихъ-то работъ. Державинъ, ссылаясь на то, что въ немъ нужда, потребовалъ его присылки. Загряжскій объявилъ преспокойно, что не выпуститъ. Тогда губернаторъ приказалъ взять машиниста у генерала насильно, чрезъ полицію, и привести въ Тамбовъ, что̀ и было сдѣлано.

Генералъ не стерпѣлъ и, боясь посрамить себя въ глазахъ общества и родни, пріѣхалъ въ Тамбовъ и дѣлалъ (говоритъ самъ Державинъ) „разныя непристойныя чину своему поступки, т. е. скакалъ съ заряженными пистолетами и съ большою саблей по улицамъ, дожидался по ночамъ моего выѣзду, ругалъ и стращалъ меня разными угрозами по домамъ...“

Не ограничиваясь этимъ, Загряжскій послалъ къ Державину капитана своего полка, барона Сакена, съ вызовомъ на дуэль...

Державинъ отвѣчалъ, что онъ, какъ губернаторъ, такого „дурачества“ сдѣлать не можетъ, а что если Загряжскому угодно съ нимъ объясниться о какомъ-либо частномъ дѣлѣ, то онъ проситъ его къ себѣ; если же у него есть оффиціальное дѣло, то онъ проситъ Загряжскаго въ намѣстническое правленіе во время присутствія. Загряжскій ничего не отвѣтилъ и ускакалъ въ Рязань къ Гудовичу, но, вѣроятно, не получивъ и тамъ удовлетворенія, хотѣлъ жаловаться въ Сенатъ; но перемѣнилъ намѣреніе и поѣхалъ въ Кіевъ жаловаться князю Потемкину. Тѣмъ дѣло и кончилось. Всѣ эти дрязги волновали и бѣсили Державина и разжигали его самолюбіе.

Въ письмѣ по поводу Загряжскаго онъ прибавляетъ:

„Право уже у меня отъ бездѣльниковъ голова кругомъ идетъ, а стерпѣть и дать имъ своевольничать не могу“.

Впослѣдствіе, во время ссоры Державина съ Ушаковымъ и Гудовичемъ — Загряжскій, по словамъ Державина, будучи въ Петербургѣ, получилъ будто бы отъ перваго 20,000 руб. „для какого-то тамо стряпанья“ противъ Державина, и даже собирался „добиваться въ Тамбовъ въ губернаторы“...

XIV.

Характеристично также слѣдующее столкновеніе губернатора съ помѣщикомъ Мордвиновымъ, вызвавшее собственноручное письмо Державина, которое осталось цѣло и пріобщено къ дѣлу о сопротивленіи дворянина Мордвинова и о неисполненіи имъ вѣрноподданническаго долга.

Извѣстно, что въ началѣ 1787 года императрица ѣздила въ Крымъ. Высочайшее шествіе не коснулось Тамбова, но тѣмъ не менѣе Державинъ хлопоталъ о заготовкѣ лошадей, для высылки ихъ на границу губерніи, смежную съ Орловской. Объ этомъ шла переписка еще въ концѣ 1786 года. Предводители дворянства завѣдывали этою заготовкой и нашли болѣе выгоднымъ отдать ее въ подрядъ.

Державинъ хотѣлъ самъ выѣхать на проѣздъ государыни (какъ ѣздилъ въ Козловъ при проѣздѣ врага своего, генералъ-прокурора Вяземскаго), но Гудовичъ почему-то не согласился на это и отпустилъ его только на обратномъ пути императрицы, представиться ей въ Москвѣ. Оставаясь въ Тамбовѣ, Державинъ всячески заботился и хлопоталъ о командированіи надежныхъ людей и хорошихъ лошадей подъ высочайшій проѣздъ. Хотя путешествіе императрицы касалось только крайней границы его губерніи, тѣмъ не менѣе Державину, вѣроятно, хо-

тѣлось отличиться предъ прочими губернаторами и обратить на себя особое вниманіе августѣйшей путешественницы. Изъ переписки о подставѣ лошадей и устройствѣ домовъ для отдыха накопилось цѣлое дѣло. Первое, на что̀ негодовалъ Державинъ, по чему долженъ былъ подчиниться — это отдача предводителями дворянства всѣхъ приготовленій подрядчикамъ. Державинъ хотѣлъ, чтобы сами предводители занялись этимъ и чтобы нѣкоторые изъ нихъ лично отправились на проѣздъ государыны.

Въ числѣ людей, попавшихъ, такъ сказать, въ очередь и которымъ приходилось отправляться съ лошадьми на проѣздъ государыни, былъ нѣкто помѣщикъ Мордвиновъ, находившійся въ то же время на службѣ въ своемъ уѣздѣ и, слѣдовательно, зависѣвшій отъ губернатора, болѣе чѣмъ предводители. Получивъ приказъ отправляться почти за 300 верстъ отъ своего мѣстожительства, Мордвиновъ послалъ донесеніе въ Тамбовъ, прося уволить его по болѣзни отъ дальняго пути, а въ случаѣ невозможности это сдѣлать, уволить просто въ отставку. Намѣстническое правленіе (т. е. губернаторъ) отвѣчало указомъ освидѣтельствовать Мордвинова въ болѣзни.

Освидѣтельствованія сдѣлано еще не было, но земскій судъ подвергъ болѣзнь сомнѣнію и, не взирая на его просьбу, назначилъ Мордвинова въ отправку.

Тогда Мордвиновъ обратился уже лично къ губернатору и написалъ Державину слѣдующее письмо

Милостивый государь мой,

Гаврила Романовичъ.

„Болѣзни мои понудили меня другой мѣсяцъ объ отставкѣ моей подать въ верхній земскій судъ, въ первый департаментъ, челобитную, въ которой просилъ, чтобы соблаговолилъ судъ представить въ вышнюю команду на разсмотрѣніе; о чемъ и представлено въ намѣстническое правленіе, которое резолюцію свою положило — послать къ коменданту указъ и велѣть, чрезъ кого слѣдовать будетъ, меня въ болѣзни осмотрѣть и объ осмотрѣ въ правленіе репортовать. Но верхній земскій судъ, не получа отъ высшей команды никакого обо мнѣ повелѣнія, командировалъ меня на подставу ея императорскаго величества, съ лошадьми; но какъ я уже о болѣзни моей просилъ, чтобъ соблаговолено было отъ должности моей меня отставить, потому что я по слабости моей болѣзни исправлять оную не могу, да и командированъ въ вышепоказанную команду безо всякой очереди. А не что иное какъ только дѣлаетъ мнѣ господинъ предсѣдатель Охлебининъ крайнюю обиду и притѣсненіе, о чемъ принужденнымъ себя нашелъ просить вашего превосходительства сдѣлать милостивое разсмотрѣніе. Милостиваго государя покорнѣйшій слуга Семенъ Мордвиновъ“.

На это письмо Державинъ отвѣчалъ на другой же день слѣдующимъ образомъ:

„Милостивый государь мой, Семенъ Михайловичъ, на вчерашнее письмо ваше имѣю честь служить вамъ моимъ отвѣтомъ: хотя первый департаментъ верхняго земскаго суда и представилъ объ отставкѣ вашей въ намѣстническое правленіе, но какъ онъ же самый командировалъ теперь васъ и въ посылку ѣхать для провожденія лошадей подъ высочайшее шествіе наряженныхъ, слѣдовательно и подвергъ болѣзнь вашу сумнѣнію, которую однако и безъ сего намѣстническое правленіе долгъ имѣло приказать освидѣтельствовать, и по свидѣтельству уже, а не прежде, отпустить васъ отъ должности вашей, а потому ни что другое, какъ оное свидѣтельство и разрѣшитъ: дѣйствительно ли вы больны и посылать ли васъ въ командировку? Впрочемъ мнѣ весьма удивительно, что благородный человѣкъ, какъ вы въ письмѣ вашемъ изъясняетесь, ставитъ себѣ за обиду, что наряжаютъ его, якобы безъ очереди, къ такой должности, гдѣ онъ удостоится увидѣть лицо своей всемилостивѣйшей монархини. Позвольте, милостивый государь мой, мнѣ откровенно изъяснить вамъ образъ мыслей моихъ, при семъ случаѣ. Предки ваши, то есть предки россійскаго дворянства, никогда не были таковы, каковымъ вы себя рекомендовать хотите. Каждый бы изъ нихъ, лежа на смертной постелѣ, услыша себя выбраннымъ видѣть своего государя — столько обрадовался, чтобъ въ безпамятствѣ велѣлъ своему стремянному тотчасъ сѣд-

лать себѣ коня своего. Много бы должно было употребить усилія, чтобъ удержать его отъ неограниченной его ревности. Но никто не требуетъ отъ васъ службы сверхъ силъ вашихъ; буде здоровье ваше позволяетъ вамъ, вы, конечно, поѣдете въ путь вамъ предлежащій. А когда вы больны, то останетесь покоиться въ домѣ вашемъ. Сожалѣнія только то достойно, что должно нынѣ и дворянъ въ болѣзняхъ ихъ свидѣтельствовать. Это истинно обидно. Но извините меня въ томъ, когда я исполняю законами повелѣнное. А для того и желаю строго отъ лекаря, что когда онъ освидѣтельствуетъ больного дворянина, наряженнаго на высочайшую службу, то, не взирая на сильную свою привычку многія и частыя дѣлать немощнымъ попущенія, приносилъ бы мнѣ рѣшительные рапорты: или умеръ, или здоровъ. Чего вамъ отъ искренняго сердца желая, пребываю въ почтеніи.

№ 1,376.

Октября 25 дня
1786 года.

Письмо это, какъ черновое, не имѣетъ подписи Державина, но все написано его рукой, исключая имени и отчества Мордвинова въ заголовкѣ и затѣмъ № письма въ концѣ. То и другое написано некрасивымъ и нетвердымъ почеркомъ, другою рукой и другими чернилами; вѣроятно, прибавлено писаремъ.

Трудно сказать, что̀ побудило Державина распорядиться такъ круто съ Мордвиновымъ. Весьма вѣроятно, что Державинъ зналъ со стороны или догадывался по послѣднимъ строкамъ письма Мордвинова, что этотъ отказывается ѣхать не по причинѣ болѣзни, а главнымъ образомъ изъ-за контры, или пререканій съ мѣстнымъ предводителемъ Охлебининымъ. Съ другой стороны, Державинъ могъ быть возмущенъ поведеніемъ дворянина, добровольно отказывающагося отъ случая лично видѣть императрицу и лицезрѣть великую...

XV.

Среда, съ какою губернаторъ наиболѣе ладилъ, было высшее духовенство. Однако и священству тамбовскому онъ не давалъ спуску, когда представлялся къ этому случай. Такъ сохранился строжайшій выговоръ консисторіи за однажды оказанное вышней командѣ невниманіе. Это случилось по тому поводу, что, 20-го марта 1787 года, было назначено освященіе соборной церкви Спаса-Преображенія въ гор. Тамбовѣ, но почему-то въ намѣстническое правленіе объ этомъ не было дано знать. Державинъ предписалъ сообщить въ консисторію, чтобы впредь обо всѣхъ церковныхъ торжествахъ было непремѣнно даваемо знать въ правленіе.

Но вообще сношенія Державина съ духовными

властями были самаго дружелюбнаго свойства. Заботясь, между прочимъ, объ усиленіи средствъ приказа общественнаго призрѣнія, Державинъ отнесся въ три епархіи: Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую, прося о разрѣшеніи выставить кружки въ церквахъ и монастыряхъ и, вообще, о помощи со стороны духовенства. На это Державинъ получилъ, хранящіяся въ дѣлѣ, письма за собственными подписями епископовъ Семіона Рязанскаго, Ѳеодосія Тамбовскаго и Воронежскаго преподобнаго Тихона Задонскаго, въ которыхъ объявлялась полная готовность содѣйствовать доброму дѣлу. При нихъ приложено было:

„Поучительное увѣщаніе, которое имѣютъ говорить священники, гдѣ поставлены будутъ ящики, присланные отъ приказа общественнаго призрѣнія къ сохраненію денежной милостыни, подаваемой отъ доброхотныхъ дателей, и изъ которыхъ проповѣдники слова Божія могутъ брать поводъ къ своимъ поученіямъ на тотъ же конецъ, чтобы сердца православныхъ побудить къ поданію сей милостыни“.

Это увѣщаніе интересно въ особенности тѣмъ, что принадлежитъ перу св. Тихона Задонскаго. Вотъ оно:

„Православные христіане!

„Ея императорское величество, всемилостивѣйшая государыня наша, яко суща сердобольная мать, о

чадахъ и о благосостояніи подданныхъ своихъ день и нощь пекущаяся, духомъ же Божіяго милосердія движима, когда дала премудрое свое учрежденіе на управленіе насъ, своихъ вѣрноподданныхъ, то между прочими милосердыми установленіями воззрѣла окомъ человѣколюбія своего и на весь родъ нищихъ, сирыхъ и увѣчныхъ, и всѣхъ ихъ, какъ бы вмѣстя въ сострадательное сердце свое, для всѣхъ благоволила узаконить особливый приказъ, подъ именемъ общественнаго призрѣнія; какое же имѣетъ быть дѣло приказа онаго — вотъ точныя ея величества рѣчи.

„Приказу общественнаго призрѣнія поручается попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи: первое, народныхъ школъ; второе, установленіе и надзираніе сиротскихъ домовъ, для призрѣнія сиротъ мужескаго и женскаго пола, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія; третіе, установленіе и надзираніе гофшпиталей или больницъ, для излеченія больныхъ; четвертое, установленіе и надзираніе богадѣленъ, для мужескаго и женскаго пола, убогихъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, кои пропитанія не имѣютъ; пятое, установленіе и надзираніе особаго дома для неизлечимыхъ больныхъ, кои пропитанія не имѣютъ; шестое, установленіе и надзираніе дома для сумасшедшихъ; седьмое, установленіе и надзираніе работныхъ домовъ для обоего пола; осьмое, установленіе и надзираніе смирительныхъ домовъ для обоего пола людей. Вотъ учреж-

деніе Строительницы Божіяго къ бѣднымъ милосердія! Вотъ и дѣло приказа общественнаго призрѣнія. Видите, коль человѣколюбивый промыселъ матери отечества. Сей-то приказъ, соотвѣтствуя званію своему, паче же споспѣшествуя благоутробію человѣколюбивой законодательницы своей, представляетъ вамъ влагалище сіе*). Вы же Божіимъ щедротамъ и Монархини подражатели тщитеся быти, братія! Будьте къ бѣднымъ сострадательны, и усерднымъ подаяніемъ вашимъ, содѣлайте влагалище неисчерпаемымъ источникомъ—скудость страждущей собратіи вашей—нескудно удовлетворяющимъ. Се случай къ подаянію милостыни, и какой другой благовременнѣйшій и удобнѣйшій быть можетъ. И что милостыни похвальнѣе и спасительнѣе есть, когда ей писаніемъ святымъ приписывается сила огня и воды на истребленіе и очищеніе грѣховъ? Огнь горящь угаситъ вода, и милостыня очиститъ грѣхи, говоритъ премудрый Сирахъ. Давидъ же святый во псалмахъ своихъ припѣваетъ: Блаженъ, разумѣвая на нища и убога, въ день тотъ избавитъ его Господь.

„И когда называемся мы вѣрноподданными Монархини нашей, то будемъ и вѣрными подражателями богоугодныхъ дѣлъ ея, да симъ образомъ будемъ истинные братолюбцы, истинная чада матери нашей и чада отечества, чада и Отца Небеснаго и

*) Ящикъ.

наслѣдницы Небеснаго Царствія Его, милостивымъ уготованнаго, отъ сложенія міра. Аминь.

„Ходящіе съ кошелькомъ, или блюдомъ — для испрошенія милостыни на домы общественнаго призрѣнія, говорить имѣютъ тако:

„Порадите, православные, по силѣ вашей на бѣдныхъ, сирыхъ и увѣчныхъ подаяніемъ вашимъ, кои въ домахъ суть общественнаго призрѣнія и ждутъ отъ вашего милосердія утѣшитися къ своему содержанію полученіемъ милостыни".

Вотъ письмо, написанное по этому поводу преподобнымъ Тихономъ Державину.

Превосходительнѣйшій Господинъ

Гавріилъ Романовичъ,

Милостивый государь мой!

„На всепочтенное вашего превосходительства требованіе о дозволеніи въ соборныхъ, приходскихъ и монастырскихъ церквахъ въ губерніи Тамбовской, а въ моей епархіи состоящихъ, учредить ручныя кружки для збору на приказъ общественнаго призрѣнія, имѣю честь донесть: что я консисторіи предписалъ: кружки во всѣхъ церквахъ монастырскихъ и приходскихъ моей епархіи, состоящихъ въ Тамбовской губерніи, поставить дозволить и чтобы збору споспѣшествовали священно- и церковно-служители, о томъ имъ предписано.

„За наилучшее притомъ удовольствіе почитаю, что изволите, ваше превосходительство, меня считать между готовыми вспомоществовать общественному призрѣнію, какъ и въ самомъ дѣлѣ есмь; пребываю къ вашей особѣ съ моимъ совершеннымъ почтеніемъ.

„Вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Тихонъ, Епископъ Воронежскій“

Іюля 9 дня
1786 года.

Въ числѣ прочихъ архивныхъ бумагъ, письмо это замѣчательно и внѣшнимъ своимъ видомъ. Оно написано очень легкимъ и необыкновенно красивымъ почеркомъ, безъ сокращеній и съ замѣчательнымъ соблюденіемъ орѳографіи. Самая бумага отличается изяществомъ. Листъ плотный, свѣтлосиній и съ золотымъ обрѣзомъ.

XVI.

Къ осени и зимѣ 1786—87 годовъ относится самое интересное и самое крупное дѣло, занявшее губернатора, даже поглотившее все его время и всѣ его помыслы. Мы говоримъ объ открытіи народныхъ училищъ; главнаго въ Тамбовѣ и малыхъ по уѣзднымъ городамъ. Явленіе это въ высшей степени характерно и рисуетъ съ нѣкоторыхъ сторонъ тогдашнее правительство и общество.

Надо думать, что лѣтомъ 1786 года, въ Петербургѣ было извѣстно о намѣреніи правительства приступить къ заведенію въ Имперіи училищъ для народа, но въ провинціи, по крайней мѣрѣ въ Тамбовской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, ничего еще объ этомъ не знали. Державинъ, какъ поэтъ и литераторъ и вообще какъ человѣкъ наиболѣе образованный изъ числа его современниковъ, долженъ былъ болѣе другихъ интересоваться этимъ дѣломъ и ранѣе другихъ знать все что̀ происходитъ по этому поводу „въ высшемъ правительствѣ“.

Однако и до Державина доходятъ лѣтомъ только сбивчивые слухи о проектируемыхъ въ имперіи школахъ. Многіе его знакомые и друзья, люди близкіе къ женщинѣ-президенту Академіи Наукъ и члены небольшого и тѣснаго кружка ученыхъ и образованныхъ людей того времени, въ которомъ премировала княгиня Дашкова, люди эти тоже не знали ничего навѣрно. Грибовскій, Поспѣловъ, Козадавлевъ и другіе пишутъ Державину, что есть разговоръ объ училищахъ, что сама государыня очень этимъ интересуется, но когда приступятъ къ осуществленію этого желанія государыни, неизвѣстно.

Наконецъ, въ началѣ августа Державинъ получаетъ письмо изъ Петербурга отъ Козадавлева (будущаго начальника всѣхъ училищъ имперіи), въ которомъ онъ говоритъ, что уставъ о народныхъ училищахъ готовъ, но будетъ ли еще конфирмованъ

императрицей, неизвѣстно, и что дѣло это покуда только проектъ.

Затѣмъ около половины августа Державинъ узнаетъ чрезъ друзей, что уставъ уже конфирмованъ. Такимъ образомъ онъ могъ предположить, что зимой, около новаго года, будетъ хлопотать объ открытіи училищъ въ своемъ намѣстничествѣ. Вдругъ 1-го сентября Державинъ получаетъ предписаніе открыть по всей губерніи училища въ день празднованія коронаціи государыни, то есть 22 числа того же мѣсяца. Чрезъ три недѣли! Державинъ имѣлъ полное право смутиться и даже отказаться отъ исполненія этого предписанія за невозможностью что либо сдѣлать въ такой короткій срокъ. Но вѣдь не онъ же одинъ, тамбовскій намѣстникъ, получилъ этотъ указъ. Вся Россія, всѣ намѣстники одинаково взяты врасплохъ! А между тѣмъ навѣрно въ доброй половинѣ Россіи эти училища въ двадцать дней съ бумаги перейдутъ въ дѣйствительность. Каковы они будутъ, это другой вопросъ.

Въ первые дни сентября уставъ уже былъ у Державина въ рукахъ, присланный его пріятелемъ Грибовскимъ, который съ тою же почтой уже предлагалъ себя въ директоры Тамбовскаго училища.

Директоръ сразу нашелся, но самихъ училищъ, учителей, учениковъ, книгъ, помѣщеній и, главное, денегъ на все это — не было и въ поминѣ.

Державинъ, какъ натура горячая, рѣшительная, разсудилъ, что еслибы все это было на-лицо, тогда училища открылись бы сами собой, безъ его помощи. А изъ ничего создать все въ три недѣли,—объ этомъ стоитъ поволноваться и похлопотать.

Посмотримъ же какъ училища открывались и наконецъ открылись.

Можно смѣло предполагать, что почти та же самая комедія происходила тогда во всей имперіи. Въ Тамбовѣ она имѣла по крайней мѣрѣ результатъ. Перваго сентября, Державинъ получилъ отъ генералъ-губернатора слѣдующее предписаніе:

„Милостивый государь мой, Гаврило Романовичъ,— Препровождая при семъ копію съ полученнаго мною Высочайшаго Ея Императорскаго Величества именнаго указа, касательно заведенія народныхъ училищъ во многихъ намѣстничествахъ, въ томъ числѣ и въ Тамбовскомъ, за нужное считаю дать знать вашему превосходительству, что поколику заведеніе таковыхъ училищъ полагаю я нужнымъ сдѣлать, въ силу сего указа, сверхъ губернскаго города Тамбова, еще въ Козловѣ и Лебедяни, то и извольте, за отсутствіемъ моимъ, стараться въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ приготовить на первый случай способный домъ для открытія онаго въ 22 день, поколику такого казеннаго нѣтъ, и все по усмотрѣнію вашему при томъ потребное, дабы тогда никакой остановки не было; а равнымъ образомъ, о пріуготовленіи нынѣ же

таковыхъ же нужныхъ къ 22 сентября сдѣлайте надлежащія предписанія немедленно козловскому и лебедянскому городничимъ; а я между тѣмъ, получа уставъ и штатъ сихъ училищъ, поспѣшу доставить вамъ, въ соображеніе нужныхъ замѣчаній; а затѣмъ, прошу ваше превосходительство прислать ко мнѣ свѣдѣнія о числѣ состоящей на-лицо, собранной въ сходственность Высочайшаго городового положенія, какъ въ Тамбовѣ, такъ Козловѣ и въ Лебедяни, городовой суммы и означа сколько оной еще быть въ полученіи надѣетесь, поспѣшно увѣдомить меня, какія средства вы, по пребыванію вашему на мѣстѣ, почитаете за удобнѣйшія къ содержанію народныхъ училищъ, въ силу сего указа, безъ оскудѣнія и для другихъ полезныхъ заведеній; и во ожиданіи чего пребываю съ особливѣйшимъ почтеніемъ, вашего превосходительства покорный слуга Иванъ Гудовичъ“.

Державинъ горячо принялся за дѣло и занялся имъ исключительно. По перепискѣ его съ Гудовичемъ видно, что курьеры скакали между Рязанью и Тамбовомъ одинъ за другимъ. На всѣ бумаги, касающіяся до училища, Державинъ отвѣчалъ въ тотъ же день. 1-го сентября было получено имъ это предложеніе, а 22-го, дѣйствительно, открылось въ Тамбовѣ главное училище. Разумѣется, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, оно не могло оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ было открыто,

и только весной слѣдующаго года было уже все въ порядкѣ и дѣло обученія въ полномъ ходу.

Затѣмъ, 5-го сентября, Гудовичъ облегчилъ нѣсколько задачу, предписывая открыть покуда училище только въ Тамбовѣ, и прислалъ къ Державину двухъ учителей съ книгами, прибывшихъ изъ Петербурга отъ Козадавлева. Въ этомъ предписаніи сказано, что надо справиться сколько наберется въ городѣ дѣтей, желающихъ поступить въ училище, и что если такихъ охотниковъ не найдется, то достать ихъ во что̀ бы то ни стало. Затѣмъ Гудовичъ велитъ обратиться къ дворянству и купечеству съ просьбой о пожертвованіи въ пользу училищъ. Тогда Державинъ отложилъ хлопоты о малыхъ уѣздныхъ училищахъ въ Козловѣ и въ Лебедяни и занялся исключительно Тамбовскимъ главнымъ училищемъ.

Прежде всего сдѣланъ былъ приблизительный разсчетъ во сколько обойдется содержаніе училища, а затѣмъ, на какія суммы можно надѣяться. На главное училище было опредѣлено уставомъ 3,000 р. Затѣмъ рѣшено было обратить на эту цѣль: 1) одинъ процентъ на рубль съ прибыли отъ продажи питей; 2) штрафныя деньги съ откупщиковъ и винныхъ подрядчиковъ; 3) штрафныя же деньги, налагаемыя на присутственныя мѣста и лица, или такъ называемыя пенныя деньги, взыскиваемыя за неправильныя рѣшенія и медленность въ дѣлопроизвод-

ствѣ. Впослѣдствіе сюда причислили часть выручки приказа отъ продажи кирпича и даже выручку чрезъ продажу краденыхъ вещей. Такимъ образомъ случилось, что деньги, 150 руб., отобранныя у одного атамана разбойниковъ, Кузьмы Осипова, пойманнаго въ Елатемскомъ лѣсу, пошли тоже на училище.

1-го же сентября, Державинъ приказываетъ коменданту Булдакову навести справки, сколько найдется въ городѣ всякаго званія людей, согласныхъ отдать своихъ дѣтей въ училище, „которые могутъ на первый случай обучаться россійской грамотѣ, читать и писать“.

7-го сентября, ретивый полковникъ Булдаковъ увѣдомляетъ Державина рапортомъ, что по справкамъ оказалось желающихъ восемь человѣкъ, и прилагаетъ вѣдомость съ именами первыхъ дѣтей, записанныхъ охотниками поступить въ училище.

Изъ этой вѣдомости коменданта мы видимъ, что за исключеніемъ трехъ сиротъ, которыхъ зачислили, не спрашивая, конечно, ничьего согласія, и за исключеніемъ сына архитектора Усачева, находившагося подъ судомъ, и дворового человѣка самого Булдакова, безъ сомнѣнія, зачисленныхъ ради услуги губернатору, остается три родителя, которые сами зачислили своихъ дѣтей: купецъ Толмачевъ, капитенармусъ Ивашинцевъ и однодворецъ Кудряковъ. Такъ какъ послѣднихъ двухъ можно заподозрить

въ томъ, что они исполнили приказаніе, то остается одинъ купецъ Толмачевъ, повѣрившій пользѣ обученія грамотѣ.

Впрочемъ, это была первая попытка и первый отголосокъ общества. Вскорѣ послѣ этого, комендантъ доставилъ другой списокъ желающихъ, въ числѣ 35 человѣкъ. Затѣмъ нашлось еще нѣсколько. Ко дню открытія въ спискѣ были 51 человѣкъ, большею частью 8-ми и 9-ти-лѣтнихъ; изъ нихъ было 11 дворянъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ недоросль изъ дворянъ, „Севастьянъ Петровичъ Аксентьевъ, 20 лѣтъ“. Впослѣдствіе, въ самый день открытія, явилось еще желающихъ 22 человѣка, итого всѣхъ набралось 73.

Вообще, какъ увидимъ ниже, дѣло открытія школъ сначала не клеилось, но Державинъ принялся за это дѣло съ такою ревностью, съ такою любовью и, наконецъ, въ виду первыхъ неудачъ, съ такою настойчивостью продолжалъ идти къ цѣли, что вскорѣ и друзья его, ради сочувствія, а подчиненные ради услуги, принялись тоже ревностно хлопотать и помогать ему. Считая начало приготовленій къ открытію главнаго училища съ 5-го сентября (день полученія предписанія генералъ-губернатора) и до дня открытія 22-го, выходитъ, что все было сдѣлано въ промежутокъ времени немного болѣе двухъ недѣль.

Справляясь постоянно черезъ коменданта Булдакова о прибывающихъ охотникахъ въ школу, Дер-

жавинъ одновременно искалъ и домъ для училища. Домъ былъ нанятъ, принадлежащій купцу Іонѣ Бородину, за 300 рублей ассигнаціями въ годъ, но домъ этотъ былъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что на его починку былъ немедленно найденъ необходимый матеріалъ и взятъ заимообразно изъ казенной палаты, по невозможности купить его въ городѣ. Матеріалъ этотъ былъ: 35 сосновыхъ досокъ, 15 четвертей извести и 15 тысячъ кирпичей. Вообще поправка обошлась въ 200 рублей, что̀ по-тогдашнему было очень много. Да и эти деньги были взяты заимообразно изъ суммъ, отложенныхъ въ приказъ на устройство кирпичнаго завода.

Домъ Бородина такъ мало былъ годенъ для училища, что въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года Державинъ купилъ деревянный домъ, въ тридцати верстахъ отъ города, въ деревнѣ помѣщика Ознобишина, за 1,200 р., и перевезъ его въ Тамбовъ. Домъ былъ купленъ на деньги 1,000 р., пожертвованныя завѣщаніемъ скончавшагося въ это время епископа Ѳеодосія; двѣсти же рублей опять-таки заняты.

Вотъ каковы были губернскія средства сто лѣтъ назадъ.

Въ то же время Державинъ обратился къ обществу за пожертвованіями, по совѣту Гудовича, а въ особенности Козадавлева, писавшаго ему, что въ Москвѣ, въ Смоленскѣ и въ Твери пожертвованія на училища отъ дворянства и купечества были зна-

чительныя. Державинъ обратился письменно къ губернскому предводителю Бибикову и ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, прося ихъ объявить всѣмъ мѣстнымъ дворянамъ объ открытіи главнаго училища 22-го сентября и, приглашая ихъ присутствовать на торжествѣ, просить и о пожертвованіи*).

Съ тѣмъ же приглашеніемъ жертвовать обратился Державинъ къ городскимъ головамъ и городничимъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ. Къ городничимъ ближайшихъ городовъ: Козлова, Моршанска и Кирсанова, Державинъ обратился особо, съ приказомъ пригласить жителей вообще пріѣхать въ Тамбовъ на открытіе училища „по недальности разстоянія“.

Вслѣдствіе необходимости часто обращаться въ уѣздные города къ купечеству и вообще имѣя надобность, для разныхъ соображеній, знать навѣрно число купцовъ и мѣщанъ по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, Державинъ на одномъ приказѣ лебедянскому городничему обратиться къ купечеству (который слѣдовало переписать для разсылки всѣмъ городничимъ) собственноручно приписалъ сбоку: „переписывать, то надобно справиться, есть ли въ Лебедянѣ и въ

*) Въ одномъ черновомъ отпускѣ есть интересное прибавленіе, писанное рукой Державина, которое однако зачеркнуто и которое трудно было бы понять, еслибы мы не знали предъидущихъ ссоръ Державина. Въ бумагѣ на имя кирсановскаго предводителя, приглашающей дворянство къ торжеству, между прочимъ прибавлено: „...чтобы объявить благородному дворянству кромѣ капитана Михаила Ларіоновича, сына Сатина“... Это было вѣроятно мщенье Державина за доносъ, но повторяемъ, что оно зачеркнуто.

прочихъ городахъ купечество". Вслѣдствіе этой приписки, а можетъ быть и по особому приказанію его, мы находимъ въ нарядѣ бумагъ, касающихся до училищъ, списокъ, сколько въ какомъ уѣздномъ городѣ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ. Списокъ этотъ тѣмъ интересенъ, что показываетъ, вопервыхъ, что Козловъ и Моршанскъ играли и тогда важную роль въ Тамбовской губерніи; вовторыхъ, что губернскій городъ занималъ по числу купечества седьмое мѣсто, а первое принадлежитъ Козлову. По числу же мѣщанъ и цеховыхъ первое мѣсто занимаетъ городъ Кадомъ *), второе принадлежитъ сосѣднему съ нимъ, Темникову, а Козлову третье. Хотя тогдашнимъ статистическимъ свѣдѣніямъ не слѣдуетъ, разумѣется, очень довѣряться, но всетаки мы узнаемъ изъ нихъ фактъ, что Кадомъ былъ богатый, людный и торговый городъ тому назадъ девяносто лѣтъ.

XVII.

Празднество открытія училища въ Тамбовѣ было, конечно, самое блестящее изъ всѣхъ подобныхъ, происходившихъ въ этотъ день по всей Россіи. Недаромъ руководилъ всѣмъ чиновникъ-поэтъ и къ

*) Нынѣ заштатный. При Державинѣ былъ превращенъ въ посадъ, въ 1786 году, о чемъ Державинъ доносилъ тогда же въ Академію Наукъ.

тому же одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени.

Читая подробности этого празднества открытія училища и затѣмъ подробности вечера у губернатора, мы можемъ замѣтить, что все происходило такъ же, какъ происходитъ и теперь. Но вѣдь это уже похвала. Не надо забывать, что сто лѣтъ назадъ въ провинціальныхъ городахъ Россіи, да еще въ такой глуши, какъ Тамбовъ (гдѣ водились еще разбойники и атаманы, и стаи волковъ нападали на деревни), не могло все происходить такъ же какъ теперь. Если въ празднествѣ этомъ мы находимъ формы общежитія болѣе или менѣе развитой среды нашихъ дней, то тогда въ Тамбовѣ это произошло не отъ мѣстнаго общества и дворянства, а явилось стараніями умнаго и просвѣщеннаго человѣка. Все было дѣломъ Державина, отъ самыхъ главныхъ до послѣднихъ подробностей и мелочей и даже увеселеній этого дня.

Празднество длилось съ девяти часовъ утра до двухъ часовъ ночи. Съ утра огромная толпа наполнила мѣстный соборъ, гдѣ епископъ тамбовскій и пензенскій, въ сослуженіи со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, отслужилъ литургію, а затѣмъ молебенъ. Во время провозглашенія многолѣтія царицѣ и наслѣднику престола, по Тамбову прогремѣлъ и загудѣлъ грохотъ пушечной пальбы. Это была новинка для многихъ жителей, не выѣзжавшихъ, быть можетъ, изъ Тамбова за всю свою жизнь ни разу. Нѣко-

торые, не только изъ народа, но и изъ мелкихъ дворянъ, отродясь не видали пушекъ и не слыхали пальбы изъ нихъ.

Эта канонада подняла весь городъ на ноги. И старъ и малъ бросились къ собору.

Послѣ молебна все духовенство, чиновничество, дворянство, купечество и туча народа двинулись длинною процессіей чрезъ весь городъ по направленію къ дому купца Бородина, гдѣ долженствовало помѣщаться училище. Тамъ снова былъ отслуженъ молебенъ. Маленькій домъ не могъ вмѣстить не только всего народа, но даже и всего духовенства съ чиновниками.

Преосвященный окропилъ святой водой домъ и учениковъ, которыхъ было уже 73 человѣка. Снова было провозглашено многолѣтіе государынѣ и снова загудѣли пушки, и вся масса народа, запрудившая улицу и домъ училища, огласила воздухъ дружнымъ ура! Когда смолкли пушки и крики, старшій учитель новаго училища, Ромінскій, обратился къ слушателямъ со слѣдующею рѣчью, сочиненною не имъ самимъ, но и неизвѣстно кѣмъ (если не Державинымъ):

„Преславный сей день, въ который празднуемъ мы высокоторжественное восшествіе на престолъ Всероссійскія самодержицы, великія монархини нашея, представляетъ мысли нашей великолѣпное зрѣлище совершенствъ, коими душа ея преукрашена. Побѣдо-

носные лавры, украшающіе величественную главу ея, побѣжденные враги, взирающіе съ трепетомъ и удивленіемъ на храбрость и великодушіе побѣдителя, внутреннее государства благоустроеніе, законы сообразные нравамъ подданныхъ, ободреніе наукъ и художествъ, распространеніе торговли, однимъ словомъ, миръ и блогоденствіе пространнѣйшей въ свѣтѣ монархіи не явно ли доказываютъ, что управляется она самою премудростью, правдою и кротостью. Сіи божественныя свойства созерцаемъ мы въ душѣ великія монархини нашея.

„Представьте себѣ, просвѣщенные слушатели, чадолюбивѣйшаго отца, лишающагося для чадъ своихъ собственнаго покоя, пекущагося о благѣ общемъ ихъ, о благѣ каждаго особо, защищающаго ихъ отъ внѣшныхъ враговъ, усиливающихся похитить оное, и въ то же самое время обращающаго вниманіе свое на внутреннее дома своего благоустройство; представьте и узрите въ ней сильную защитницу сыновъ россійскихъ, премудрую обладательницу, чадолюбивѣйшую матерь, матерь отечества. Се нынѣ произрастаетъ новая и знаменитая отрасль премудрости и любви ея къ отечеству своему, отрасль, обѣщающая принесть плоды, съ созрѣніемъ коихъ созрѣетъ и совершится благоденствіе Россіи.

„Премудрая монархиня наша, вѣдая пользу и необходимость просвѣщенія народа своего, благоволила, чтобы въ сей день, въ который съ торжествомъ взо-

шла она на Всероссійскій престолъ, открыты были училища для наученія младого юношества всякаго званія, и тѣмъ содѣлать всерадостный день сей въ потомствѣ нашемъ незабвеннымъ. Не будетъ забвенъ въ потомствѣ нашемъ день сей, не будетъ забвенно и имя великія нашея монархини, ибо прейдетъ отъ рода въ родъ громкая слава дѣлъ ея, прейдетъ и провозгласитъ свѣту премудрость ея. Проникните, просвѣщенные слушатели, завѣсу древности и зрите, гдѣ блистало просвѣщеніе разума и исправленіе нравовъ, гдѣ рождались добрые градоначальники и добрые граждане, гдѣ были храбрые защитники отечества и великодушные покровители, гдѣ процвѣтало благоденствіе народа, не тамъ ли, гдѣ процвѣтало ученіе? Въ семъ-то состоитъ ученія польза. Представьте-жъ себѣ въ мысли тѣ блаженныя времена, когда засѣваемыя нынѣ наукъ сѣмена произведутъ сіи драгоцѣнные плоды обществу въ изобиліи, хотя и нынѣ уже вкушаемъ мы оные, — произведутъ и умножатъ славу Россіи. Сіе не должно ли въ нашемъ сердцѣ возродить любовь къ наукамъ, наипаче когда премудрая наша повелительница, предвидящая и сокрытыя отъ насъ выгоды наши, желаетъ распространить оныя въ своемъ народѣ. Для сего насаждаетъ она благодѣтельною десницей своей во градѣ семъ вертоградъ наукъ въ вѣчный знакъ матернія своея любви къ вамъ, о граждане! Вы, законоблюстители! яко ревностные послѣдователи мо-

наршей воли, благоволите поспѣшествовать размноженію онаго, согрѣвайте его милостію своею и назирайте дѣланіе онаго.

„Отцы! Для чадъ вашихъ открыто училище сіе, если желаете счастія имъ въ наукахъ, обрящутъ оное; потщитеся только, дабы дѣти ваши не остались въ меньшемъ просвѣщеніи нежели какое возникаетъ во всемъ отечествѣ нашемъ; симъ докажете, что вы достойны великихъ милостей монархини нашея. На насъ возложено должное просвѣщеніе и исправленіе юношества, и мы употребимъ всевозможныя силы свои, дабы исполнить монаршее благоволеніе и удовлетворить ожиданію общества, и ожиданію вашему. А вамъ, младые юноши, остается послѣдовать правиламъ добродѣтели и разума, которыя будутъ здѣсь къ пользѣ вашей предлагаемы; симъ содѣлаетесь отрадою родителямъ вашимъ, полезны себѣ и полезны обществу!“

Послѣ рѣчи этой розданы были дѣтямъ кое-какія уже прибывшія изъ Петербурга книги и затѣмъ все общество двинулось изъ училища. Тогда, уже на улицѣ, при выходѣ изъ дома, нѣкто одподворецъ Захарьинъ сталъ въ дверяхъ, останавливая архіерея и губернатора, а за ними все общество, и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего...“

И Захарьинъ заявилъ, что онъ хочетъ сказать пу-

бликѣ нѣчто какъ умѣетъ. Тогда губернаторъ вернулъ все общество назадъ въ училище, и Захарьинъ сказалъ рѣчь свою подъ портретомъ императрицы.

Однодворецъ Петръ Михайловичъ Захарьинъ былъ хорошо знакомъ всему намѣстничеству, и во время пребыванія Державина въ Тамбовѣ началъ часто хаживать пѣшкомъ изъ Козлова и къ поэту-губернатору. Причина его частыхъ посѣщеній была та, что онъ, хотя и не очень талантливо, но усердно писалъ всякаго рода стихи. При этомъ онъ былъ горькій пьяница и крайне бѣденъ.

Когда приближалось открытіе училища, Державинъ хлопоталъ о хорошемъ проповѣдникѣ для того, чтобы могла быть сказана хорошая проповѣдь и рѣчь. Епископъ Ѳеодосій, какъ человѣкъ больной, не надѣявшійся даже быть на открытіи, и притомъ не ученый, отказался говорить.

Державинъ послалъ просить объ этомъ извѣстнаго въ Тамбовѣ своимъ умомъ ломовскаго архимандрита, но такъ какъ городъ Ломовъ по епархіи принадлежалъ къ Тамбову, а по администраціи къ Пензѣ, то архимандрита вытребовали съ тою же цѣлью въ Пензу. Тогда Державинъ поручилъ сочинить рѣчь явившемуся изъ Козлова Захарьину, объяснивъ ему что̀ нужно сказать. Этотъ согласился, но написалъ такую рѣчь, гдѣ не было „ни складу, ни ладу“. Три раза заставлялъ его Державинъ передѣлывать, но безъ успѣха. На разсвѣтѣ того же дня, какъ увѣ-

ряетъ самъ Державинъ, онъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Захарьина и продиктовалъ ему рѣчь собственнаго сочиненія.

Такъ какъ Захарьинъ не могъ говорить ни въ церкви, ни въ училищѣ, будучи не изъ духовныхъ и не изъ учителей, то рѣшено было, что онъ скажетъ ее на улицѣ, остановивъ всѣхъ у дверей училища, что̀ и было сдѣлано.

Рѣчь эта была послана императрицѣ, очень понравилась ей и тотчасъ велѣно было чрезъ курьера привезти краснорѣчиваго однодворца ко двору. Но Захарьину надавали въ этотъ день столько денегъ, что онъ запилъ и долго пропадалъ безъ вѣсти, пропадалъ до тѣхъ поръ, пока не догадались, что рѣчь была сочинена Державинымъ, чего онъ впрочемъ и не скрывалъ. Рѣчь была напечатана въ газетахъ и даже переведена для напечатанія на иностранные языки. Друзья Державина пишутъ ему объ этой рѣчи, намекая на то, что она имъ сочинена.

Саблуковъ пишетъ, что рѣчь великолѣпна, но удивительно, гдѣ могъ однодворецъ „почерпнуть краснорѣчіе Демосѳеново и Цицероново“. И затѣмъ прибавляетъ: „что уроженецъ рѣки Ра“ можетъ и не такъ писать. Это былъ намекъ на псевдонимъ Державина подъ одною одой: житель рѣки Ра (то есть Волги).

Козадавлевъ пишетъ о сочинителѣ этой рѣчи: „Здѣсь говорятъ: онъ будто не природный россіянинъ,

а крещеный татаринъ и будто человѣкъ знатный, т. е. мурза". Намекъ на знаменитую оду къ Фелицѣ. И далѣе: „Тамбовскій однодворецъ счастливѣе олонецкаго попа, говорившаго рѣчь при открытіи Петрозаводской больницы".

Львовъ, другъ Державина, также пишетъ объ этомъ случаѣ въ шуточномъ тонѣ: „Однодворецъ ходитъ по свѣту и теперь съ бородою, которая приросла къ нему по отъѣздѣ Петра Васильевича (Завадовскаго). Борода сія состоитъ въ томъ, что рѣчь сію сочинилъ кто-то здѣсь (т. е. въ Петербургѣ), а Петръ Васильевичъ выправилъ; но я вчера, въ публичной академіи будучи, бороду намылилъ, а сегодня у княгини (Дашковой) и на обѣдѣ у графа (Безбородко) буду брить".

Все это доказываетъ сколько шуму и толковъ было по случаю этой рѣчи. Впослѣдствіе, на запросъ, какъ наградить Захарьина, Державинъ отклонилъ намѣреніе Гудовича опредѣлить его на службу, вслѣдствіе его пьянства, и совѣтовалъ какъ самое благоразумное положить въ банкъ на имя сына его рублей 500.

Однодворецъ этотъ, Петръ Михайловичъ Захарьинъ, безъ вины виновный въ сказанной имъ рѣчи, воспитывался съ дѣтства въ домѣ статскаго совѣтника Волкова, вмѣстѣ съ его сыномъ, и выучился тамъ правописанію, нѣмецкому языку, ариѳметикѣ и еще кой-чему; поступивъ затѣмъ въ военную службу, онъ

началъ дурно вести себя, пить, и былъ вскорѣ выключенъ. Въ Тамбовѣ онъ жилъ уроками и стихами. Стихи, писанные имъ, были по большей части подражаніе псалмамъ и вообще вдохновлялись Святымъ Писаніемъ. Державинъ говоритъ, что однодворецъ этотъ былъ человѣкъ очень даровитый и талантливый. Впослѣдствіе Захарьинъ написалъ романъ (который хвалитъ и Державинъ) подъ заглавіемъ Арфаксадъ. Къ нему же именно написано Державинымъ одно шуточное стихотвореніе, переполненное мѣстными степными выраженіями. Оно озаглавлено: Желаніе зимы. Посвященіе же гласитъ: „Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копіисту, архиваріусу безъ архива, управителю безъ имѣнія и стихотворцу безъ вкуса". Къ этому Державинъ могъ бы прибавить и пьяницѣ безъ просыпа.

Послѣ отъѣзда Державина изъ Тамбовской губерніи, вслѣдъ за нимъ и Захарьинъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ адмиралъ Мордвиновъ отыскалъ его, какъ автора прочтеннаго имъ романа Арфаксадъ, и увезъ съ собою въ южную Россію. Захарьинъ умеръ въ Николаевѣ около 1800 года.

Послѣ молебна и рѣчей въ училищѣ, все общество было приглашено къ губернатору на обѣдъ. Тутъ было дворянство, какъ мѣстное, такъ и съѣхавшееся на открытіе училища изъ уѣздовъ, весь наличный составъ администраціи и наконецъ главнѣй-

шіе тузы изъ купечества. Покуда общество пировало у губернатора, народъ тоже пировалъ на площади. Купецъ Матвѣй Бородинъ (о которомъ еще не разъ придется упомянуть ниже), откупщикъ, подрядчикъ и аферистъ, мастеръ на всѣ руки и въ особенности мастеръ обирать казну, устроилъ обѣдъ съ виномъ для народа на главной тамбовской площади. Бородинъ, разумѣется, соблюдалъ свои интересы, угождая губернатору; и помимо надежды, что имя его долетитъ и до Петербурга, приготавливалъ себѣ лазейку для полученія виннаго откупа, въ которомъ Державинъ могъ ему помѣшать.

Во всякомъ случаѣ, благодаря ему, и простой народъ могъ попировать по случаю открытія училища.

За обѣдомъ у губернатора была сдѣлана подписка въ пользу новаго училища, но шла туго. Подписалось всего только 53 человѣка, на сумму 762 рублей. Подписной листъ этотъ полонъ именами, которыя носятъ и теперь коренные обитатели Тамбовской губерніи. Тутъ подписались между прочими: Давыдовы, Чичерины, Хвощинскіе, Сатины, Сабуровы, Свѣчины, Аничковы, Бибиковы, Ознобишины, Кугушевы, Мосоловы, Сухотины и, наконецъ, даже одинъ князь Давыдовъ—родъ уже, кажется, прекратившійся. Вмѣстѣ со всѣми подписался послѣднимъ и Матвѣй Бородинъ; Державинъ, какъ губернаторъ, подписалъ сто рублей и отдалъ; поэтому и Матвѣй Бородинъ подмахнулъ сто рублей, но не отдалъ. Всѣ остальные

подписали отъ 25 рублей и ниже до одного рубля. Однако изъ этой подписной суммы въ 762 рубля, что̀ очень характеристично, было собрано деньгами менѣе трети. Если исключить пожертвованные губернаторомъ сто рублей, то изъ 662 рублей, подписанныхъ за обѣдомъ, отдано было 192 руб. Остальные никогда не были собраны. Гости, очевидно, сгоряча подписались, а тамъ разъѣхались по домамъ и имѣніямъ, одумались и рѣшили: „Не стоитъ, молъ, того тратиться“. Обѣдомъ, однако, празднество не кончилось. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, домъ губернатора тоже сіялъ огнями; въ немъ было празднество и балъ, о которомъ долго вспоминало Тамбовское намѣстничество.

XVIII.

Нѣсколько позже открытія училища, былъ открытъ Державинымъ и театръ, но такъ какъ зданіе театра не было готово, то сцена была на время поставлена въ его домѣ. Въ этотъ вечеръ на театрѣ шла комедія: Такъ и должно. Но прежде комедіи было представлено сочиненіе Державина, относящееся къ открытію училища.

Всѣ эти праздники и торжества должны были очень дорого обходиться Державину и, какъ увидимъ ниже, ввели его даже въ долги.

Другъ его, Львовъ, знавшій его денежныя дѣла,

пишетъ ему однажды по поводу празднества въ честь Гудовича въ видѣ шутки:

„...По скольку бишь вы за всякій праздникъ своихъ долговъ уплачиваете? Помнится мнѣ, Катерина Яковлевна мнѣ этого не написала. Только полно, что̀ за праздникъ! Правда, онъ долженъ былъ быть весьма хорошъ, только нельзя ли, мой другъ, чтобъ онъ былъ послѣдній? Или ты на банкъ надѣешься? Отпиши-ка ты мнѣ объ этомъ. Тогда я сдѣлаю праздникъ: Гаврилинъ покой и Катеринино счастье.

Скажи, матушка, Катерина Яковлевна, по билетамъ что ли, или такъ просто, или какъ инымъ образомъ зовете, ваше превосходительство, боговъ-то къ себѣ въ гости? и намъ бы они были надобны, можетъ быть иной блажной и богатый — долгъ заплатилъ“.

Сочиненіе Державина, представленное на сценѣ, имѣло мѣстный характеръ и интересъ. Оно называется:

Прологъ въ одномъ дѣйствіи, съ музыкой, на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, представленный благороднымъ обществомъ.

Прологъ этотъ, относящійся главнымъ образомъ къ открытію народнаго училища, имѣетъ особую прелесть, когда знаешь, что онъ шелъ на домашней сценѣ губернатора и каждое его слово имѣло тѣсную связь съ только что совершившимся администра-

тивнымъ актомъ. Дѣйствующія лица этого Пролога: Геній (исполнила дѣвица Бибикова), Пустынникъ (Беклемишевъ), Мельпомена (дѣвица Орлова), Талія (дѣвица Чичерина) и дѣти — мальчики и дѣвочки, числомъ 20. Кромѣ того участвовало въ Прологѣ два хора уже взрослыхъ дѣтей дворянъ обоего пола, наконецъ хоръ домашнихъ пѣвчихъ помѣщика Сатина и доморощенные музыканты помѣщика Свѣчина.

Вотъ вкратцѣ этотъ Прологъ съ примѣчаніями Державина:

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтеръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти разнаго состоянія отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. По укрощеніи бури выходитъ Пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирой въ рукахъ.

ПУСТЫННИКЪ.*) О дикій, темный лѣсъ **), но въ дикости прекрасный,
Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ!
Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ? — Ахъ, нѣтъ! конечно, нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе, кто за мною, идутъ вслѣдъ....

*) Аллегорическое отношеніе къ Петру Великому.

**) Этими словами означается здѣсь тогдашнее малообразованное тамбовское общество. (Примѣчаніе Державина).

(Рубитъ сучья, которые, упадая, открываютъ просѣкъ).

Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ: — дорога къ свѣту есть.

Во второмъ явленіи театръ представляетъ на проложенной Пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ, но оныя тотчасъ закатываются; восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце*), которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакѣ, держа одною рукой учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска. Геній, сошедши съ облаковъ, удивляется красотѣ и величеству свѣтила, олицетворяющаго Екатерину, и говоритъ, между прочимъ:

.... Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣе?
.... Отъ свѣта твоего
Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,
Я приложу старанье
И лѣсъ сей просвѣтить готовъ.

Геній беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ:

Внимай меня, кто-бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь, и купецъ, и рабъ, и благородный!

„Въ этихъ словахъ, — говоритъ самъ авторъ въ

*) Подъ солнцемъ разумѣется здѣсь Екатерина II.

примѣчаніи,—намекъ на то, что училище было открыто для всѣхъ сословій".

Геній продолжаетъ:

.... Себѣ желаетъ кто добра?..
Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю,
Просите у меня, все дать я обѣщаю,
Что можетъ честь
Принесть
И сердце воспалить къ поступкамъ благороднымъ.
Приди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ!

На этотъ призывъ Генія являются отовсюду мальчики, и Геній каждому изъ нихъ даетъ какой нибудь совѣтъ:

Учись начальству быть послушнымъ прежде самъ!
Учись быть всѣмъ слугой!
Учитесь и трудитесь!

Въ явленіи третьемъ выходятъ Талія и Мельпомена и, озираясь на лѣсъ, замѣчаютъ:

И грамотѣ здѣсь знаютъ,
Здѣсь пишутъ, кажется, и могутъ мыслить.

Обѣ музы рѣшаются остаться въ этомъ лѣсу и, рекомендуясь Генію какъ странницы изъ Греціи и Рима, просятъ позволенія воздвигнуть въ лѣсу этомъ свой храмъ.

Геній восхищенъ прибытіемъ музъ и говоритъ, что онѣ ему будутъ въ помощь въ трудномъ дѣлѣ. Онъ разсказываетъ музамъ, что лѣсъ этотъ уже нѣсколько вѣковъ стоялъ дикъ и подобенъ хаосу, но что:

Пустынникъ ревностный, могущій и великій

очистилъ лѣсъ, проложилъ дорогу, и на ней лучи трехъ свѣтилъ (Екатерина, Анна и Елисавета) боролись съ окрестною тьмой, но не могли вполнѣ побороть ея, и лѣсъ только слылъ просвѣщеннымъ. Но затѣмъ явилось великое свѣтило, которое своимъ блескомъ все возродило къ новой жизни и благодаря ему теперь

... Все движется, живетъ, растетъ и разцвѣтаетъ,
Все животворный огнь вкушаетъ, ощущаетъ,
Кремень преобращается въ алмазъ!

„Это,— говоритъ авторъ въ примѣчаніи,— намекъ на однодворца Захарьина, который въ рѣчи своей назвалъ себя „сѣрымъ камнемъ, испускающимъ сильныя искры“.

Геній проситъ обѣихъ музъ скорѣе воздвигнуть въ лѣсу свой храмъ, потому что начальникъ края не будетъ этому противиться:

Голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ внятенъ,
Оберегатель правъ здѣсь вамъ благопріятенъ.
Ты, Мельпомена, намъ доброты возвѣщай
И подвизаться въ нихъ героевъ поощряй;
А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ искуснымъ
Пересмѣхай порокъ и дѣлай его гнуснымъ.
Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы;
Вы умягчайте ихъ игрой своей...

На это отвѣчаетъ Мельпомена:

Все то, что по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты,
Не пощадя себя на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

Съ своей стороны Талія, получивъ отъ Генія маску, говоритъ:

Подъ ней сокрывшися, какъ будто не нарочно,
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страстно уязвлю.
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кащеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,
Господъ немилосердныхъ
И мудрецовъ безвѣрныхъ
На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ.
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло посажу
Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться.

Геній благодаритъ обѣихъ и прибавляетъ, что прежде всего надо того

Пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь
И столь въ немъ расширилъ любезну свѣтозарность.
Намъ должно торжествомъ принесть тѣмъ благодарность.

Затѣмъ въ явленіи пятомъ:

Лѣсъ исчезаетъ, театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колоннадой, въ концѣ которой виденъ храмъ просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медальонами. Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензелевое имя Петра I. Второй, обвитый лавромъ, въ по-

луденномъ свѣтѣ, представляетъ вензелевое имя Екатерины II. Хоры пѣвчихъ. Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена — на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторону.

Хоръ поетъ тихо, безъ музыки, обращаясь къ первому обелиску:

Ко скипетру рожденны руки
Онъ въ трудъ несродный простиралъ:
Звучатъ до днесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.

Послѣ этого весь хоръ обращается ко второму обелиску и поетъ громогласно съ музыкой:

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей...
Сіяй несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!...

По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами второй обелискъ.

Это представленіе по тому времени должно было, конечно, произвести огромное впечатлѣніе на по-

луобразованную и неразвитую среду. Всякій, выходившій изъ залы театра, конечно, уносилъ съ собою массу новыхъ вопросовъ, просившихъ разрѣшенія,— вопросовъ, возникшихъ въ головѣ, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни.

Слѣдя за дѣятельностью Державина за три года его пребыванія въ Тамбовѣ, дѣйствительно удивляешься, какъ его хватало на все.. Какъ хватало времени на всѣ его занятія, дѣла, распри съ мѣстными жителями, на затѣи, мелочи этихъ разнородныхъ затѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ на огромную переписку, которую онъ велъ съ начальствомъ, съ друзьями обѣихъ столицъ и провинцій и даже съ юными актрисами, изучавшими роли въ своихъ имѣніяхъ. Впрочемъ, за это время была принесена въ жертву муза. За время губернаторства Державина имъ менѣе всего было написано. Да оно и понятно. Среди служебныхъ хлопотъ, душевныхъ волненій, досады и гнѣва, которые должна была возбудить въ немъ вскорѣ возникшая распря съ тамбовскими врагами, поэтъ поневолѣ долженъ былъ молчать въ немъ, а еслибъ и заговорилъ, то заговорилъ бы сатирикъ, заговорилъ эпиграммой... Ниже мы увидимъ, какъ въ этой распрѣ губернатора съ мѣстнымъ чиновничествомъ, а затѣмъ и съ мѣстнымъ дворянствомъ, порядочному человѣку, честному, просвѣщенному, но пылкаго нрава, вносившему свою горячность во всякое дѣло, трудно было ужиться въ

глуши. Увидимъ къ чему вела тогда борьба на аренѣ государственной службы съ болѣе сильными. Если поэтъ, уже извѣстный всей тогдашней грамотной и читающей Россіи, человѣкъ лично знакомый императрицѣ, чиновникъ, покровительствуемый многими важными сановниками двора, однимъ словомъ, если Державинъ былъ осужденъ въ правомъ дѣлѣ и чуть не погибъ совсѣмъ, то что же могло случиться въ то время съ другимъ, съ простымъ смертнымъ?

XIX.

И такъ, главное училище въ Тамбовѣ было съ грѣхомъ пополамъ открыто; помѣщеніе, ученики и книги были налицо. Но было налицо только два учителя. Вдобавокъ не было самаго главнаго, денегъ.

Да, денегъ не было и надо было ихъ достать во что бы то ни стало. Штрафныхъ денегъ съ купцовъ и подрядчиковъ было мало, пенныхъ денегъ еще менѣе, ибо, благодаря стараніямъ самого же губернатора, чиновники начали вести дѣла аккуратнѣе. Отъ продажи питей (процентъ съ рубля) еще можно было надѣяться на доходъ. Отъ продажи краденнаго или пріобрѣтеннаго грабежомъ выручалось достаточно, но мѣра эта оказалась неприличною.

Итакъ, Державинъ не успокоился на лаврахъ и, получая похвалы и благодарность изъ Петербурга

за празднества и рѣчи по поводу открытія училища, занялся самыми существенными вопросами, т. е. сталъ пріискивать учителей и обратился за пожертвованіями во всѣ уѣзды своей губерніи. Такъ какъ въ училищѣ не было и директора, а временно завѣдывали имъ дворянскій засѣдатель, секундъ-майоръ Карамышевъ, и смотритель больницъ, Степановъ, то Державинъ занялся и этимъ вопросомъ.

По поводу этого мы находимъ двѣ бумаги. Первая есть оффиціальный рапортъ Гудовичу о томъ, что Державинъ уже обращался къ преосвященному Ѳеодосію о присылкѣ семинаристовъ для училища и что, съ другой стороны, онъ уже хлопочетъ о пріисканіи способнаго человѣка для занятія должности директора, но что пока никого не нашелъ. Рапортъ кончается словами: „доколѣ не получатся изъ Петербурга не вышедшія изъясненія исторіи и географіи, то приказалъ я учителямъ, чтобъ они обучали симъ наукамъ по письменнымъ своимъ тетрадкамъ“.

Вторая бумага, сюда относящаяся, есть письмо къ Гудовичу отъ того же числа, въ которомъ Державинъ говоритъ между прочимъ: „Съ особеннымъ признаніемъ и благодарностью пріемлю я благосклоннѣйшее вашего превосходительства мнѣ препорученіе избрать директора народныхъ училищъ, но, усмотря въ уставѣ описываемыя качества человѣка, который долженъ отправлять сіе званіе, не вижу я здѣсь находящихся безъ должностей спо-

собныхъ къ опому, а потому и осмѣливаюсь вамъ рекомендовать титулярнаго совѣтника Поспѣлова, находящагося въ Петербургѣ, — весьма извѣстнаго мнѣ своимъ поведеніемъ и любленіемъ наукъ... который, по добрымъ своимъ качествамъ, конечно, можетъ выполнить совершенно возложенное на него служеніе“.

Далѣе Державинъ, по случаю отказа Поспѣлова, который получилъ мѣсто въ Петербургѣ, предлагаетъ тамбовскаго жителя Тимоѳеева и, наконецъ, Грибовскаго, который самъ желалъ этого и былъ бы назначенъ директоромъ, еслибы президентъ Академіи Наукъ, княгиня Дашкова, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не воспротивилась этому самымъ рѣшительнымъ образомъ. Державинъ кончаетъ письмо словами: „сіи люди знаютъ латинскій языкъ и прочія науки, въ уставѣ обучать предписанныя, то и могутъ весьма быть способны имѣть наблюденіе надъ учителями“.

Директоромъ училищъ мы находимъ зимою 1786—1787 года Жохова.

Что касается до пожертвованій, на которыя вызывалъ Державинъ уѣздное дворянство и купечество, то неудача была полная, даже, можно сказать, не ожиданная никѣмъ. Въ Кирсановѣ дворянство отвѣчало молчаніемъ, а купечество прислало 77 руб. ассигн. Въ Спасскѣ дворянство тоже отвѣчало молчаніемъ, а про купечество городничій Коровинъ до-

несъ, что онъ объявилъ имъ приглашеніе... „Токмо изъ опаго всего Спасскаго общества, по неимѣнію у опаго большого капитала, никого желающихъ къ тому не оказалось“. Въ Шацкѣ дворянство тоже отвѣчало молчаніемъ, а городской голова Котовъ отъ имени купечества прислалъ для училища „въ пособіе издержекъ“ 25 руб. ассигн. Въ Елатьмѣ дворянство тоже отвѣчало молчаніемъ, зато купечество выслало, по приговору общества въ магистратъ, 100 рублей ассигн. Въ Лебедяни купечество, въ свою очередь, отвѣчало молчаніемъ, а предводитель дворянства Илишинъ отвѣчалъ, что лебедянское благородное общество рѣшило такъ: „Когда въ здѣшнемъ городѣ таковое дѣтское училище учреждено будетъ, то тогда отъ всякаго, по достатку своему, въ таковое училище подаяніе отъ нихъ сдѣлано будетъ, а въ Тамбовское училище таковаго подаянія сдѣлать не согласны“. Изъ Кадома купечество, самое богатое въ губерніи, отнеслось, что „по ихъ нынѣ недостатку подаяніе учинить они не могутъ“. Кадомскій же предводитель дворянства, Никифоровъ, отвѣчалъ губернатору слѣдующимъ письмомъ, которое приводимъ дословно:

„Милостивый государь, Гавріилъ Романовичъ, — Всезнаменитыя дѣянія и слѣдующая сія (?) ко открытію народнаго въ городѣ Тамбовѣ училища, подъ руководствомъ вашего превосходительства, есть довольно побудительная цѣль каждаго патріота отече-

ства, по изъявленію истиннаго усердія и споспѣшествованію того. Я, чувствуя всесердечно толь полезное роду человѣческому открытіе, всему въ округѣ находящемуся дворянству волю вашего превосходительства объявить и тщательное стараніе употребить и о дѣтяхъ не премину, и что̀ изъ того откроется вашему превосходительству съ моимъ почтеніемъ донести не умедлю.

„По открытіи Тамбовскаго намѣстничества, кадомское дворянство, имѣя чувственности къ постановленію приказа общественнаго призрѣнія, и изъ усердія, составило сумму болѣе 700 руб., препоручивъ внесть въ оной бывшему тогда господину предводителю, которыя и доставлены, но участвующія въ томъ особы, а особливо въ отдаленіи находящіяся, и понынѣ состоятъ о тѣхъ деньгахъ въ безъизвѣстности. Есть ли нѣтъ къ тому какихъ либо нибудь неизвѣстныхъ мнѣ препятствій, не благоволите-ль, ваше превосходительство, о томъ извѣстить. Чрезъ припечатаніе въ вѣдомостяхъ мню небезполезнымъ и къ нынѣшнему случаю подѣйствовать сіе можетъ.

„Наконецъ съ истиннымъ моимъ и всесовершеннымъ къ особѣ вашего превосходительства почитаніемъ и преданностію пребуду во весь мой вѣкъ покорный слуга Иванъ Никифоровъ“.

Этимъ письмомъ и запросомъ о 700 руб., прежде пожертвованныхъ, кадомское дворянство и ограни-

чилось. А деньги посланы были еще при губернаторѣ Макаровѣ и куда дѣвались, было, конечно, никому неизвѣстно. Державину же менѣе, чѣмъ кому либо. Въ остальныхъ уѣздныхъ городахъ какъ дворянство, такъ и купечество отозвались гробовымъ молчаніемъ.

Державинъ написалъ второй разъ. То же молчаніе. Въ третій разъ написалъ онъ. Но увы! уѣзды онѣмѣли или вымерли и, по выраженію Державина: „не отзывались никакимъ голосомъ!“

Впослѣдствіе только козловское общество заявило себя рѣдкимъ исключеніемъ, построивъ каменный домъ при открытіи малаго Козловскаго училища. Затѣмъ моршанское общество дало даровое помѣщеніе для своего малаго училища.

Итакъ, общество дало изъ всѣхъ уѣздовъ на образованіе свое 200 руб., по нашему счету около 60 руб. серебромъ.

Не смотря однако на скудность средствъ, въ ноябрѣ Державинъ уже задумалъ постройку въ Тамбовѣ каменнаго дома для училища.

Не смотря на это малое сочувствіе къ главному училищу въ уѣздахъ, губернаторъ вслѣдъ за открытіемъ этого училища все таки занялся вопросомъ о малыхъ училищахъ по уѣзднымъ городамъ. Прежде всего обратился онъ къ городничимъ съ запросомъ о числѣ дѣтей, которыхъ можно добыть. Вообще мы видимъ, что для Державина, какъ и для правитель-

ства, главный вопросъ былъ: открыть училища и затѣмъ уже во что̀ бы то ни стало найти дѣтей. Однимъ словомъ, не училища открывались для дѣтей, а дѣтей открывали, то есть разыскивали для училищъ. При свѣдѣніяхъ, какія были получены съ самаго начала изъ большинства уѣздныхъ городовъ, слѣдовало бы отложить учрежденіе училищъ лѣтъ на двадцать если не болѣе... Родителей, желающихъ отдавать дѣтей въ училища, почти не оказывалось и можно сказать, что главная надежда была на сиротъ и на солдатскихъ дѣтей.

Свѣдѣнія о числѣ дѣтей, которыхъ можно зачислить, мы нашли только изъ пяти городовъ: Шацка, Елатьмы, Лебедяни, Моршанска и Козлова, а всѣхъ уѣздовъ въ Тамбовской губерніи было тогда двѣнадцать. Съ самаго начала, по первому призыву Державина, въ Козловѣ нашлось 20 человѣкъ: одинъ солдатскій сынъ, а остальные изъ купцовъ, однодворцевъ и мѣщанъ. Это было, какъ увидимъ, блестящимъ результатомъ сравнительно съ остальными упомянутыми выше четырьмя городами. Вообще, Козловъ всегда во всемъ игралъ первую и видную роль, что̀ отчасти справедливо и теперь.

Въ Шацкѣ, съ самаго начала, оказался только нѣкто купецъ Лапушкинъ, соглашавшійся отдать своихъ трехъ сыновей, да еще одинъ сирота, числившійся въ Шацкѣ, но жившій однако съ матерью въ Кирсановѣ. Впослѣдствіе нашлось 27 человѣкъ

дѣтей. На это количество приходилось три купеческихъ сына и одинъ лекарскій, а затѣмъ, шесть оберъ-офицерскихъ дѣтей, три сержантскихъ и 14 солдатскихъ; стало быть, на 27 человѣкъ 23 человѣка исключительно изъ дѣтей военнаго сословія. Въ Елатьмѣ нашлось восемь человѣкъ, отдавшихъ своихъ дѣтей, а именно: два помѣщика, одинъ однодворецъ, одинъ церковникъ и четыре мѣщанина. Въ Лебедяни былъ тоже курьезный результатъ. На девять человѣкъ было двое дѣтей отставныхъ солдатъ и семь человѣкъ дѣтей тоже солдатъ, но изъ штатной лебедянской команды. Училище вышло вполнѣ военное. Предполагать можно, что здѣсь былъ просто отданъ исправникомъ приказъ по командѣ: „отдавать!“

Въ Моршанскѣ нашлось много охотниковъ отдать дѣтей въ школу: два купца, одинъ крестьянинъ, три солдата, двѣ солдатки, одинъ капралъ, одинъ барабанщикъ; остальные же 14 были изъ мѣщанъ. Всего охотниковъ 24 человѣка.

Изъ всего этого очевидно, что дѣтей брали преимущественно такихъ родителей, которымъ можно было приказать учить ихъ грамотѣ.

Что касается до пріисканія домовъ для училищъ, то Державинъ прибѣгъ уже къ хитрости и предписалъ всѣмъ городничимъ вызывать охотниковъ изъ купечества строить каменные или деревянные училищные дома, съ обѣщаніемъ, что построившіе ка-

менный домъ, не болѣе однако трехъ человѣкъ вмѣстѣ (а не всѣмъ обществомъ), освободятся навсегда отъ постоя въ ихъ собственныхъ домахъ. Если же кто построитъ деревянный домъ, то „къ чести таковыхъ, могутъ быть имена въ газетахъ припечатаны“.

Нечего и говорить о томъ, какъ отозвались на это уѣздные жители. Охотниковъ пріобрѣсти такимъ путемъ освобожденіе отъ постоя не нашлось нигдѣ. Всякій зналъ, что это обѣщаніе навсегда продлится только до первой смѣны губернатора. А видѣть имя свое припечатанное въ газетахъ и подавно никого не соблазнило. Одинъ городъ Козловъ былъ исключеніемъ; тамъ „благородное и гражданское общество“ положило выстроить каменный домъ. Немедленно послалъ имъ Державинъ форменный подписной листъ, планъ дома и смѣту потребнаго матеріала и, наконецъ, тотчасъ же назначилъ и мѣсто въ городѣ: „противъ гостинаго дома, на Московской улицѣ, отъ церкви Ильи Пророка первую угловую пропорцію“. Зданіе это и теперь существуетъ и очень красиво.

Въ нѣкоторыхъ городахъ дома однако скоро нашлись, въ другихъ предположено было нанять. Объ иныхъ же городахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и только на одной бумагѣ находимъ приписку на краю листа: „А Спасскъ и Темниковъ остаются

по недостатку учителей“, то-есть остаются безъ школъ.

Когда дома были найдены, были посланы повсюду плотники изъ тамбовскаго батальона, чтобы сдѣлать въ школахъ по одинаковому образцу столы, скамьи и черныя доски. Все это дѣлалось, пріискивалось, покупалось, чинилось съ невѣроятною поспѣшностью. Такъ, напримѣръ, 8-го декабря были посланы: одинъ плотникъ въ Кирсановъ и Борисоглѣбскъ, другой въ Лебедянь, Липецкъ и Усмань, третій въ Моршанскъ, Шацкъ и Елатьму, четвертый въ Козловъ, гдѣ было болѣе всего работы, а между тѣмъ, чрезъ двадцать два дня, то есть въ новый годъ, предполагалось уже открытіе нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ. Но эти хлопоты были всетаки не велики въ сравненіи съ хлопотами Державина объ учителяхъ.

Пока онъ предписывалъ городничимъ о томъ, чтобы непремѣнно найти учениковъ, онъ въ то же время велъ тщательную переписку объ учителяхъ съ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ, съ консисторіей, съ ректоромъ семинаріи, съ рязанскимъ губернаторомъ и съ Гудовичемъ. Въ учителяхъ былъ полный недостатокъ. Было только нѣсколько пріѣхавшихъ изъ Петербурга для главнаго училища.

Болѣе всего переписывается Державинъ съ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ и проситъ, Бога ради, прислать ему семинаристовъ, которые уже „окончили грамматику и которыхъ по навыкновенію ими спо-

собовъ учительскихъ въ главномъ училищѣ отъ присланныхъ изъ Петербурга“, можно было бы къ новому году разослать по уѣзднымъ городамъ. Преосвященный Ѳеодосій пишетъ Державину, 7-го ноября, что семинаристовъ, окончившихъ грамматику, четыре человѣка къ нему отправлены.

Когда Державинъ на это сталъ требовать присылки двадцати двухъ человѣкъ, считая по два на каждое открываемое малое училище, то Ѳеодосій отвѣчалъ, что онъ обязанъ прислать еще нѣсколько человѣкъ только для шести городовъ, потому что Шацкъ и Елатьма принадлежатъ къ Рязанской епархіи, Лебедянь, Липецкъ и Усмань къ Воронежской, а Темниковъ къ Владимірской. Ѳеодосій совѣтовалъ Державину обратиться въ Рязанскую семинарію, что̀ Державинъ и исполнилъ. Въ числѣ другихъ черновыхъ бумагъ мы нашли за это время слѣдующую собственноручную замѣтку Державина.

Учителя для народныхъ училищъ:

Отъ тамбовскаго архіерея прислано. . . 4 человѣка.
Изъ Рязани пришлются (?) . . . . . 12 „
Вольный однодворецъ Захарьинъ *) . .
Да поручикъ Ломоносовъ . . . . . .

Итого . . . . . 18 человѣкъ.

*) Это единственное указаніе на то, что Державинъ хотѣлъ дать прославившемуся пьяницѣ Захарьину мѣсто учителя.

Наконецъ, въ исходѣ декабря нѣкто Дохтуровъ *) прислалъ изъ Рязани къ Державину десять человѣкъ семинаристовъ; въ то же время и Ѳеодосій прислалъ восемь человѣкъ. Державинъ благодарилъ перваго и очень сухо и желчно отозвался въ консисторію, что присылка этихъ семинаристовъ была замедлена и что за неимѣніемъ въ нихъ теперь надобности, они отсылаются во-свояси въ семинарію. Затѣмъ, въ концѣ декабря, Державинъ предписываетъ городничимъ стараться непремѣнно открыть училища 1-го января и даетъ приказъ или наставленіе какъ совершить открытіе, то есть говоритъ о приглашеніи жителей всѣхъ состояній, о молебнѣ, объ окропленіи святою водой и затѣмъ въ каждомъ городѣ назначаетъ въ чье завѣдываніе должно поступить училище, и даже поименовываетъ какихъ нанять сторожей. Въ то же время онъ предписываетъ приказу общественнаго призрѣнія разослать учителей и каждому вручить подъ росписки нужныя имъ книги и по одному экземпляру устава о народныхъ училищахъ; притомъ выдать имъ по пятнадцати рублей жалованья впередъ.

Затѣмъ, 14-го января 1787 года, Державинъ увѣдомляетъ Гудовича:

„Милостивый государь, Иванъ Васильевичъ.—Въ дополненіе донесенія моего, отъ 7-го числа (января)

*) Кто этотъ Дохтуровъ и какое мѣсто занималъ въ Рязани, по дѣлу не видно.

къ вашему высокопревосходительству посланнаго, въ которомъ представлялъ я, между прочимъ, объ открытыхъ въ Шацкѣ и Моршанскѣ малыхъ народныхъ школахъ и что о прочихъ не имѣлъ рапортовъ, имѣю честь теперь донести, что таковыя же школы дѣйствительно открыты въ первый день сего мѣсяца и въ городахъ Лебедяни, Козловѣ и Елатьмѣ...

„Гавріилъ Державинъ“.

Итакъ, пять училищъ, хотя съ великимъ трудомъ, но всетаки открыли въ новый годъ; и этими пятью малыми училищами Тамбовская губернія и ограничилась.

XX.

Укажемъ теперь, къ какому результату эта вся дѣятельность привела.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1787 года директоръ Жоховъ, замѣнившій секундъ-майора Карамышева, временно исправлявшаго должность директора всѣхъ тамбовскихъ училищъ, отправилъ въ Петербургъ въ Главное Народныхъ Училищъ Правительство слѣдующій отчетъ, который показываетъ, какія училища дѣйствительно были открыты и въ какомъ положеніи находились какъ главное, такъ и малыя: первое почти чрезъ годъ своего существованія, а вторыя чрезъ восемь мѣсяцевъ.

Вѣдомость о состоянiи народныхъ училищъ, находящихся въ Тамбовской губернiи 1787 года.

§ 1. Въ Тамбовской губернiи находится нынѣ шесть народныхъ училищъ, изъ которыхъ одно главное въ губернскомъ городѣ Тамбовъ, а другiя малыя пять въ уѣздныхъ городахъ, какъ-то: Въ Козловѣ, Лебедяни, Моршанскѣ, Шацкѣ и Елатьмѣ. Всѣ оныя училища, за неимѣнiемъ казенныхъ училищныхъ домовъ, сдѣланныхъ по расположенiю въ уставѣ народныхъ училищъ показанному, состоятъ въ домахъ городскихъ жителей, а именно: главное училище въ Покровской слободѣ, въ домѣ купца Бородина, занимая каменнаго строенiя верхнiй этажъ, состоящiй изъ четырехъ большихъ покоевъ для классовъ и одного малаго для библiотеки. Изъ малыхъ училищъ, Козловское, въ домѣ купца Баженова; Лебедянское — въ домѣ поручика Кузьмина; Моршанское — въ домѣ секретаря Минина; Шацкое — въ домѣ купца Милованова; Елатомское — въ домѣ, построенномъ для присутственныхъ мѣстъ. Открыто изъ сихъ училищъ: первое главное — въ опредѣленное отъ Главнаго Училищъ Правительства время, прошедшаго 1786 года, въ день коронованiя ея императорскаго величества. А малыя училища сего 1787 года, января 1-го дня, съ котораго и начато ученье по предписанному порядку.

§ 2. Въ Тамбовскомъ училищѣ, въ силу Высочайшаго устава, коимъ опредѣлено, чтобы вездѣ въ губернскихъ городахъ существовали главныя училища, состоящія изъ четырехъ классовъ, находятся оные четыре класса; малыя же училища, въ уѣздныхъ городахъ открытыя, состоятъ изъ двухъ классовъ.

§ 3. Учителя въ главномъ училищѣ тѣ самые четыре, кои присланы отъ Главнаго Училищъ Правительства, изъ коихъ первый предметомъ имѣетъ математическія части, физику, россійскій и латинскій языки, такожъ и рисованіе въ третьемъ и четвертомъ классахъ; второй — всеобщую и россійскую исторію, всеобщую и россійскую географію и естественную исторію, также въ третьемъ и четвертомъ классахъ. Третій — пространный катихизисъ, священную исторію, книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, руководство къ чистописанію, первую часть ариѳметики, письмо и рисованіе—во второмъ классѣ; изъясненіе Евангелія и пространный катихизисъ съ доказательствами—въ третьемъ классѣ. Четвертый — таблицы азбучныя, таблицы для складовъ, россійскій букварь, правила для учащихся, сокращенный катихизисъ, священную исторію, начальныя основанія письма и руководство къ чистописанію — въ первомъ классѣ, послѣдуя точно всѣ расположенія часовъ и учебныхъ предметовъ въ таблицѣ устава приложенной. Учители же малыхъ училищъ суть ученики, требованные отъ сего пре-

восходительства, г. правителя Тамбовской губерніи Г. Р. Державина изъ духовныхъ семинарій Рязанской и Ломовской. Оныхъ шесть человѣкъ обучаютъ учебнымъ предметамъ, тѣмъ самымъ, каковые главнаго училища въ первомъ и во второмъ классахъ, кромѣ ученія латинскаго языка, и съ тою притомъ отмѣною, что въ сихъ классахъ, по окончаніи первой части ариѳметики, начинается и оканчивается вторая. Учители, какъ главнаго, такъ и малыхъ училищъ, всѣ почти изъ духовнаго состоянія, кромѣ учителя главнаго училища второго класса, который сынъ подпрапорнаго; всѣ природные россіяне. Учители главнаго училища имѣютъ аттестаты отъ семинарій, въ коихъ прежде учились, до требованія указомъ въ главное С.-Петербургское народное училище для приготовленія себя къ учительской должности; учители изъ малыхъ училищъ аттестаты имѣютъ какъ отъ семинарій, такъ и отъ директоровъ тѣхъ школъ, въ коихъ учились ариѳметикѣ и способу чтенія. Жалованье получаютъ какъ тѣ, такъ и другіе по штату главнаго и малыхъ училищъ, въ уставѣ приложенному *). Всѣ учители въ должности своей рачительны и поведенія честнаго и похвальнаго.

§ 4. Число учениковъ въ главномъ училищѣ въ

---

*) Въ главномъ училищѣ старшій учитель получалъ 400 руб., младшій — 200 р. Въ малыхъ училищахъ: старшій — 150 р., младшій — 120 р. Жалованье директора — 500 р.

началѣ сего 1787 года, при первомъ публичномъ испытаніи, было 106 человѣкъ, причемъ присутствующіе всякаго званія жители города, какъ родители дѣтей, такъ и посторонніе, видя успѣхи учениковъ и уваживъ притомъ пользу наукъ, впредь послѣдовать имѣющую во всякомъ родѣ жизни ихъ дѣтей, съ большою охотой отдавать начали; такъ что при второмъ испытаніи, которое сего 1787 года іюля 9-го и 10-го дня, въ присутствіи его высокородія г. вице-губернатора М. И. Ушакова и другихъ особъ сего города было, собралось оныхъ учениковъ до 200 человѣкъ. А во всѣхъ малыхъ и съ главнымъ училищемъ 401 человѣкъ. Ученики въ главномъ училищѣ всѣ почти россіяне, кромѣ двухъ, кои суть нѣмцы; въ малыхъ же всѣ россіяне. Состоянія ученики во всѣхъ училищахъ разнаго, а именно: бѣдныхъ дворянъ, купеческіе, однодворческіе, солдатскіе, господскихъ служителей и нѣкоторые изъ духовнаго состоянія. Всѣ они мальчики возрастомъ отъ 7 до 15 и 17 лѣтъ. Объ успѣхахъ учениковъ главнаго училища, кромѣ того, что́ мною примѣчено, могутъ свидѣтельствовать упомянутыя два публичныя и приватныя испытанія, учиненныя, когда посѣщено было училище генералъ-губернаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ И. В. Гудовичемъ и губернаторомъ Г. Р. Державинымъ, которыя всѣ съ похвалою были отправляемы; успѣхи же учениковъ малыхъ училищъ довольно примѣчены

мною въ бытность мою въ показанныхъ училищахъ.

§ 5. Книги, какъ учительскія, такъ и ученическія, въ главномъ и малыхъ училищахъ суть всѣ тѣ, въ § 3 показанныя, изданныя по Высочайшему повелѣнію для перваго и второго классовъ. Книги же, въ третій и четвертый классъ потребныя, поелику оныя, какъ-то: исторія общая и россійская, географія общая и россійскаго государства, россійская грамматика, архитектура, не присланы отъ Главнаго Училищъ Правительства, то учители сихъ предметовъ ученикамъ диктуютъ изъ письменныхъ своихъ книгъ и послѣ, пересматривая, даютъ имъ наставленія учиняемыя ими погрѣшности въ письмѣ исправлять.

У подлиннаго подписано: директоръ Андрей Жоховъ.

Въ слѣдующей же подробной вѣдомости, посланной въ главное управленіе училищъ 31 января 1788 года, находятся почти всѣ тѣ же свѣдѣнія за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ и въ средствахъ училищъ. Затѣмъ въ вѣдомости сообщено, что 2, 3 и 4 января 1788 года было испытаніе въ присутствіи губернатора и „другихъ знатныхъ особъ, купечества и разнаго званія людей обоего пола“. Публика задавала вопросы, въ особенности ариѳметическія задачи. Губернаторъ отнесся къ успѣхамъ съ большою похвалой. Дабы уничтожить дурные

слухи, ходившіе въ городѣ, губернаторъ приглашалъ и прочихъ изъ посѣтителей вопрошать учениковъ, дабы вывести изъ сомнѣнія нѣкоторыхъ зрителей, полагающихъ, будто ученики въ нѣкоторыхъ только статьяхъ изъ учебныхъ предметовъ на сей случай нарочно были приготовлены; но порядочнымъ и правильнымъ рѣшеніемъ задаваемыхъ посторонними вопросовъ и задачъ сіе сомнѣніе истребилось и публика совершенно удостовѣрилась о стараніи учителей и успѣхахъ учениковъ.

Затѣмъ въ той же вѣдомости доносится, что главное училище перешло во вновь построенное казенное зданіе, близь присутственныхъ мѣстъ.

Затѣмъ въ донесеніи директора Жохова за весь 1788 годъ (помѣченное 25 января 1789 года, то есть когда Державинъ выѣхалъ уже въ Москву, отрѣшенный отъ должности) находится снова тотъ же перечень учителей, учениковъ, книгъ и т. д. Въ этихъ вѣдомостяхъ мы уже находимъ фактъ уменьшенія числа учениковъ. Вотъ цифры всѣхъ трехъ вѣдомостей:

	Въ началѣ 1787 года.	Въ концѣ 1787 года.	За 1788 годъ.
Всего учениковъ въ малыхъ училищахъ .	201	214	133
Въ главномъ училищѣ	200	152	148
Всего учениковъ въ Тамбовской губерніи	401	366	281

Эти цифры ясно доказываютъ: 1) что при каждомъ выпускѣ число выходившихъ превышало число вновь вступавшихъ въ школы; или 2) что публика, встрѣтившая открытіе школъ съ небольшимъ сочувствіемъ, понемногу окончательно охладѣла къ нимъ; или же 3) что солдаты, отдавшіе дѣтей по командѣ, побрали ихъ назадъ при новомъ удобномъ случаѣ; или наконецъ, 4) что при открытіи вступило, такъ сказать, все накопившееся число неграмотныхъ отъ 7 и до 17 лѣтъ. Впослѣдствіе же, послѣ очистки выпускомъ всего этого числа, сталъ поступать только годовой процентъ дѣтей охотниковъ въ первые классы училищъ. Къ несчастью, вѣдомостью за 1788 годъ кончаются свѣдѣнія о школахъ, и каково было ихъ послѣдующее состояніе, совершенно неизвѣстно.

Въ той же послѣдней вѣдомости есть указаніе о введеніи новаго обычая награждать лучшихъ учениковъ, отличившихся „успѣхами и благонравіемъ“, учебными книгами; имена второстепенныхъ хорошихъ учениковъ читались въ присутствіи посѣтителей на испытаніяхъ.

Въ концѣ вѣдомости находимъ доказательство, что хлопоты Державина о пансіонахъ для дворянскихъ дѣтей не принесли желаемаго результата. Въ донесеніи Жохова сказано: „Пенсіоновъ и домашнихъ училищъ, какъ въ губернскомъ Тамбовѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, не находится“.

Къ этой же вѣдомости приложена длинная за-

писка или, лучше сказать, нѣчто въ родѣ хроники крупнѣйшихъ событій въ школахъ. Изъ этой хроники мы узнаемъ, что въ 1788 году Державинъ завелъ въ главномъ училищѣ учителя церковнаго пѣнія, нѣкоего чиновника съ жалованьемъ 150 руб., съ помощникомъ, за 80 руб. жалованья; но такъ какъ этотъ помощникъ, архіерейскій пѣвчій, Антипъ Травинъ, „ни съ чѣмъ несообразно пьянствовалъ“, не являлся въ училище шесть мѣсяцевъ и пропилъ голосъ, то и былъ отрѣшенъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ была доставлена въ училище отъ приказа общественнаго призрѣнія электрическая машина, однако „безъ всякихъ къ ней принадлежностей“ и, слѣдовательно, стояла безъ пользы. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ городской лекарь Лимнеліусъ пожертвовалъ магнитъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ Державинъ, бывавшій часто въ училищѣ, пріѣзжалъ исключительно затѣмъ, чтобъ осмотрѣть штукатурную работу. Это доказываетъ, какъ Державинъ заботился объ училищѣ и входилъ самъ даже въ мелочи, до школъ касающіяся.

Въ томъ же мѣсяцѣ пріѣзжавшій Гудовичъ былъ вмѣстѣ съ Державинымъ въ училищѣ „и учинено было приватное испытаніе учениковъ во всѣхъ четырехъ разрядахъ“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Тамбовъ, для ревизіи училища, главный начальникъ всѣхъ народныхъ училищъ Имперіи, Осипъ Петровичъ Козадав-

левъ. Вмѣстѣ съ губернаторомъ, съ многочисленною публикой, явился онъ въ училище и сдѣлалъ экзаменъ во всѣхъ классахъ. Послѣ экзамена пѣвческій классъ прошѣлъ „начальныя основанія нотнаго пѣнія и кантъ“. Козадавлевъ остался крайне доволенъ и обѣщалъ о томъ „засвидѣтельствовать вышней командѣ“.

Въ августѣ батальонный лекарь Друговъ пожертвовалъ въ училище „двѣ штучки натуральныхъ тѣлъ, изъ коихъ одна — родъ восточнаго хрусталя (?), а другая — самородный желѣзный купоросъ (?)“.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ подполковникъ Свѣчинъ сдѣлалъ самое дѣльное изъ всѣхъ пожертвованій въ училище и вдобавокъ отчасти новинку, а именно: нѣсколько экземпляровъ сочиненій Ломоносова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подарилъ магнитъ въ желѣзной оправѣ, на подобіе подковы. Затѣмъ, неизвѣстно кѣмъ, прислана была астролябія, но безъ стрѣлки, и нѣсколько экземпляровъ сочиненія: Нума Помпилій.

Вообще жертвователи, исключая Свѣчина, сбывали въ училище всякую рухлядь.

Въ числѣ множества книгъ, присланныхъ въ этомъ году изъ приказа общественнаго призрѣнія, находятся и географическія карты Америки. До того времени Америка для Тамбовскаго училища была еще не открыта. По каталогу выписываемыхъ учебныхъ книгъ видно, что требованіе на нихъ было

довольно разнообразно и колебалось между цифрою 20 и 80. Нѣкоторыя же книги требовались въ несравненно бо́льшемъ количествѣ. Такъ, ариѳметикъ получено 200 каждой части, итого 400. Священныхъ исторій 349 экземпляровъ. Книгъ о должностяхъ человѣка и гражданина, ученическихъ 294, что̀ почти равнялось спросу на руководства къ чистописанію (300 экземпляровъ) и превышало спросъ на буквари (250 экземпляровъ); зато руководствъ къ физикѣ и механикѣ требовалось по 20 экземпляровъ.

Другъ Державиныхъ, мужа и жены, княгиня Варвара Васильевна Голицына (Зубриловская), племянница князя Таврическаго, о которой мы упоминали уже не разъ, тоже пожертвовала въ училище „собраніе кремнистыхъ породъ камней, изъ коихъ примѣчанія достойны, какъ рѣдкостью, такъ и величиной, топазовые, калцедоновые, сердоликовые“.

Затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, 28 и 29 числа, было испытаніе учениковъ, интересное только тѣмъ, что на немъ присутствовали вмѣстѣ Гудовичъ и Державинъ, уже заклятые враги, и въ то самое, слѣдовательно, время, когда жалобы и доносы Гудовича были уже въ Петербургѣ и когда Державинъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности губернатора, но, вѣроятно, указъ объ этомъ еще не дошелъ до Тамбова. При испытаніи этомъ учениковъ оставалось уже только 148 человѣкъ, слѣдовательно, съ іюня

уменьшилось на 21, въ промежутокъ же не было выпуска. Вообще колебаніе числа учениковъ объясняется самимъ директоромъ Жоховымъ слѣдующимъ образомъ:

„Сіе число (учениковъ) иногда увеличивалось, иногда уменьшалось. Все сіе происходило по волѣ ихъ родителей, опекуновъ и господъ, которые, какъ представляли въ училище, такъ и брали, по своему произволенію. Многіе для употребленія на собственныя услуги, а нѣкоторые для опредѣленія въ государственныя должности“.

Надо думать, что большинство публики, родителей и помѣщиковъ, относилось отчасти сочувственно и признавало пользу обученія, но только въ первыхъ классахъ; когда же дѣло доходило до исторій общей и россійской, до механики, до натуральныхъ тѣлъ и фигуръ и до латинскаго языка, то родители, а въ особенности господа, спѣшили взять ученика обратно или для опредѣленія въ службу, на жалованье, или къ себѣ во дворъ, или, наконецъ, за прилавокъ, если то были купцы.

Прибавимъ, что во многихъ дѣлахъ есть указанія, что въ народныхъ училищахъ былъ весьма малый процентъ дворянъ, и то были исключительно дѣти совершенно бѣдныхъ дворянъ; самый большой процентъ, какъ мы видѣли, состоялъ изъ солдатскихъ дѣтей.

Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ есть указанія на то, что

семинаристы, присланные изъ Рязани и изъ Ломова и вступившіе въ четвертый классъ главнаго училища въ Тамбовѣ, приглядывались къ порядку обученія въ младшихъ классахъ, со дня открытія по 1 января 1787 года, и затѣмъ поступили учителями въ малыя училища уѣздныхъ городовъ, но изъ этого невозможно прямо заключить, что четвертый классъ былъ исключительно приготовительнымъ учительскимъ. Это было простымъ исключеніемъ. Нельзя утверждать, что переходившіе въ четвертый классъ ученики могли готовиться въ немъ собственно къ учительской должности. Разумѣется, однако, что ученикъ, окончившій въ главномъ училищѣ полный курсъ, могъ быть немедленно принятъ учителемъ въ малое училище.

XXI.

Ссоры и непріятности Державина съ мѣстнымъ чиновничествомъ, а затѣмъ и съ мѣстнымъ дворянствомъ начались въ сущности уже въ январѣ 1787 года и длились годъ, а въ слѣдующемъ 1788 году уже началась настоящая открытая война. Тамбовъ и уѣздъ раздѣлились на два лагеря, и притомъ лагерь противниковъ губернатора, будучи съ самаго начала многочисленнѣе лагеря его сторонниковъ, увеличивался все болѣе съ каждымъ мѣсяцемъ. Не надо забывать, что въ этомъ противномъ ему ла-

герѣ находился самъ генералъ-губернаторъ Гудовичъ, вице-губернаторъ тамбовскій, Ушаковъ, и всѣ крупные чиновники обѣихъ губерній, входившихъ въ составъ генералъ-губернаторства, да кромѣ нихъ, еще нѣкоторые крупные помѣщики, къ которымъ съ удовольствіемъ присоединились вскорѣ Загряжскіе, Сатины и Араповы, то есть всѣ прежніе враги.

Нельзя сказать, что Державинъ былъ совершенно невиноватъ самъ въ этой борьбѣ и вообще во всей исторіи, кончившейся для него очень дурно.

Въ тѣ времена второстепенные чиновники сидѣли десятки лѣтъ на своихъ мѣстахъ, сживались съ мѣстностью, роднились съ туземцами и между собой и пускали глубокіе корни. Мѣстный чиновникъ былъ или становился вскорѣ и мѣстнымъ дворяниномъ-помѣщикомъ. Всякій, задѣвъ за живое одного человѣка, вооружалъ противъ себя нѣсколько семействъ. Задѣвъ двухъ-трехъ личностей, не болѣе, изъ міра администраціи, мѣстнаго дворянства и купечества, Державинъ сразу вооружалъ противъ себя всю губернію.

Въ этомъ губернскомъ административномъ мірѣ дѣйствительно на половину были люди сомнительной честности, и на половину люди порядочные, но дозволявшіе себѣ и своимъ подчиненнымъ уклоняться отъ обязанностей, налагаемыхъ закономъ. Эти люди были честны по своему времени, и общество, конечно, считало ихъ таковыми. Напримѣръ, пользо-

ваться казенными суммами, пускаться съ ними въ разныя предпріятія, какія только были тогда возможны (давать, напримѣръ, взаймы подъ проценты), считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Ревизіи суммъ, которыя Державинъ постоянно дѣлалъ съ цѣлью прекратить это злоупотребленіе, возмущали чиновничество. Требовать, чтобы казенныя деньги лежали въ своемъ мѣстѣ, а не путешествовали по разнымъ рукамъ и карманамъ, принося выгоду не казнѣ, казалось имъ не только педантствомъ со стороны губернатора, но и притѣсненіемъ, зложелательствомъ, „охотой и страстью дѣлать излишнія привязки и непріятности сослуживцамъ“. Державинъ долженъ былъ конечно знать, что повсюду процвѣтаютъ тѣ же злоупотребленія, которыя онъ находилъ въ Тамбовѣ; врядъ ли онъ могъ надѣяться искоренить въ Тамбовѣ то, что̀ вошло въ плоть и кровь всякаго русскаго человѣка, и большого и малаго, и столичнаго и губернскаго. Зачѣмъ же онъ боролся съ вѣтряными мельницами?

Дѣло въ томъ, что Державинъ-чиновникъ былъ самъ часто мелочно самолюбивъ, упрямъ и крутъ. Въ двухъ исторіяхъ, которыя онъ затѣялъ въ Тамбовѣ, онъ, очевидно, не столько защищалъ казну и интересы правительства, сколько свое личное оскорбленное самолюбіе, да вдобавокъ еще мелкое. Державинъ хотѣлъ конечно и стремился быть тѣмъ, чѣмъ были другіе губернаторы его времени, чѣмъ они

были еще недавно: онъ хотѣлъ быть полновластнымъ и неограниченнымъ повелителемъ тамбовскимъ. Но у другихъ современныхъ повелителей были связи въ Петербургѣ, дядюшки, тетушки, друзья; кромѣ того, часто было имя, не литературное, не имя поэта, а имя извѣстное и блестящее, если не въ исторіи, то блестящее въ столицѣ и при дворѣ. Наконецъ, если не имя, то состояніе, большія средства и, слѣдовательно, возможность покупать и закупать разныя мѣста и лица въ свою пользу. У Державина ничего этого не было. У него хватило только потомъ, по его словамъ, двѣ тысячи рублей на взятку въ Сенатѣ, да и тѣ были заняты подъ большіе проценты.

Державинъ, какъ мы видѣли, не особыми заслугами на поприщѣ гражданской службы достигъ мѣста губернатора, а дѣлалъ карьеру и сдѣлалъ ее впослѣдствіе при помощи и вслѣдствіе своего поэтическаго дарованія. Ода Фелицѣ была причиной и началомъ его повышенія. Что́ же могли сказать и говорили его современники?

— Виршами и стихами въ гору полѣзъ и въ люди вылѣзъ!

Нельзя сказать, чтобъ и въ наше время положеніе писателя русскаго было завидное (и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія). Каково же оно было въ тѣ времена! Еще живы были тѣ люди, на памяти которыхъ первый поэтъ и стихотворецъ придворный былъ высѣченъ розгами на конюшнѣ вельможи. Дру-

гой писатель, уже современникъ Державина, былъ, можно сказать, въ штатѣ и на хлѣбахъ изъ милости у графа Панина. Третій, Сумароковъ, тоже почти современникъ Державина, поэтъ и драматургъ, на пути изъ кабака домой зачастую лежалъ пьяный въ халатѣ на Кудринской площади въ Москвѣ.

— А этотъ риѳмоплетъ виршами своими вышелъ въ люди! — думалось тамбовцамъ: — да еще не сидитъ на своемъ мѣстѣ, а хочетъ повелѣвать, и все на свой ладъ вершить...

Будь на мѣстѣ Державина Нарышкинъ, Гудовичъ, Завадовскій, Безбородко и другіе, они были бы и остались бы правы въ борьбѣ съ цѣлымъ намѣстничествомъ. Поэтъ и литераторъ, хотя человѣкъ просвѣщенный и умный, чиновникъ дѣльный и строго честный, былъ безъ труда смятъ и уничтоженъ толпой враговъ. Вскрывъ на свѣтъ Божій всѣ административныя злоупотребленія и безобразія провинціальнаго захолустья, Державинъ самъ запутался въ цѣлой сѣти жалобъ, доносовъ, ябедъ и каверзъ, которые посыпались изъ Тамбова въ Петербургъ. Начавъ барахтаться въ этой стоячей мутной водѣ провинціальнаго общественнаго строя съ его обычаями и нравами, Державинъ поднялъ со дна на поверхность всю гниль и дрянь, всѣ подонки, и самъ захлебнулся въ этой всплывшей наружу тинѣ.

Правительство, подъ защиту коего онъ себя отдалъ, отлично знало, что это честный, дѣльный и

благонамѣренный чиновникъ. Но что̀-жъ изъ этого? Дальновидная и мудрая Екатерина умѣла различать и цѣнить людей, знала, что Мурза, видѣвшій Фелицу и воспѣвшій ее — честный и прямой человѣкъ, и конечно правъ въ своемъ дѣлѣ. А между тѣмъ императрица впослѣдствіе заявила при свиданіи съ своимъ поэтомъ, что „чинъ чина почитай, что онъ должно быть безпокойный чиновникъ, если въ третьемъ мѣстѣ не ужился“, перессорился и кашу заварилъ. И при этомъ свиданіи въ умѣ императрицы тоже мелькнула мысль: „Да вѣдь это поэтъ! слѣдовательно, плохой чиновникъ“, и въ послѣднихъ словахъ государыни былъ совѣтъ: „писать лучше стихи“.

Да и что̀-жъ могло сдѣлать правительство? Разогнать всѣхъ чиновниковъ въ Тамбовѣ, какъ лихоимцевъ и плутовъ, было бы не мудрено. Но откуда же было достать другихъ?

XXII.

Источникомъ главной непріятной исторіи было, конечно, мошенничество, которое Державинъ вознамѣрился вывести на свѣжую воду отчасти по долгу правителя, а отчасти, повторяемъ, вслѣдствіе своего уязвленнаго самолюбія. Виновникомъ и героемъ дѣла является тотъ же Матвѣй Бородинъ, угоститель народа.

Личность этого Бородина, купца-аферіста, до-

вольно интересна, хотя хорошо всѣмъ знакома. Пріятель всѣхъ второстепенныхъ губернскихъ чиновниковъ, знакомый всѣмъ и каждому, послѣдней собакѣ на улицѣ; знающій всякаго, и маленькаго человѣка, и сильнаго міра, и знающій, какъ ко всякому изъ нихъ поддѣлаться и чѣмъ взять; личность извлекающая изъ всякаго человѣка, всякаго дѣла, всякаго случая, пользу себѣ и своему карману и въ концѣ-концовъ наживающая милліоны или отправляющаяся въ острогъ и въ Сибирь — эта личность живетъ и теперь на Руси и, можетъ быть, долго будетъ жить и процвѣтать.

Эта личность, одѣвающаяся грязно, кланяющаяся низко, лѣзущая и вылѣзающая изъ толпы въ люди назойливо, съ энергіей, достойною лучшей доли, презирающая всѣхъ, кто не наживается, и все, что̀ не деньги; отличный семьянинъ, отвратительный и вредный гражданинъ.

Это порожденіе той ехидны, которая именуется полуграмотная среда. Это мужикъ съ милліономъ, осилившій неразвитымъ, но отъ природы сильнымъ умомъ, въ чемъ суть дѣла на землѣ.

На землѣ для него одинъ смыслъ, одна цѣль, одно дѣло — нажива. Для него равны: и бѣдный поселянинъ, потѣющій лѣтомъ въ страду, мерзнущій зимой въ холодной и худой избѣ; и важный сановникъ въ палатахъ за бумагами, увѣшанный орденами и повелѣвающій полками писарей и подъя-

чихъ; и ученый человѣкъ, говорящій на нѣсколькихъ ему невнятныхъ иноземныхъ нарѣчіяхъ, читающій и вычитывающій заморскую науку въ махонькихъ книжкахъ. Всѣ трое равны для него, потому что онъ на всѣхъ трехъ взираетъ съ добродушнымъ презрѣніемъ, какъ человѣкъ на букашку, пеструю, размалеванную природой, но ненужную, или глупую и безвредную... Многихъ заурядныхъ качествъ и недостатковъ общихъ человѣчеству у него нѣтъ. Онъ не мстителенъ, но и не мягкосердъ, не обидчивъ, добродушенъ во злѣ, выносливъ во многомъ. Взаймы онъ не дастъ; нищему не подастъ, случайнаго бѣдняка должника согнетъ въ бараній рогъ и упечетъ по принципу...

Храмъ златоглавый съ богатымъ иконостасомъ выстроитъ, но подрядчиковъ и архитектора непремѣнно обочтетъ при расплатѣ. Онъ не самолюбивъ, въ дворяне и превосходительные не лѣзетъ... Теперь подобныя личности иногда стали на это лакомы, да и вообще снаружи измѣнились, хотя внутренно остались тѣ же. Теперь они одѣваются чище, сняли длинополый кафтанъ и дегтярные сапоги, сбрили бороды и орудуютъ на болѣе просторной аренѣ. Это уже не одно вино, сало, дрова, или казенные подряды. Теперь они проводятъ желѣзныя дороги, учреждаютъ банки, дружатся и роднятся съ генералами и сенаторами, ворочаютъ и своими и чужими милліонами и не воруютъ... по мелочамъ. Иногда, понявъ силу печати, они появляются въ журналистикѣ, говорятъ

рѣчи и подписываютъ статьи, сфабрикованныя домашнимъ студентомъ. Наконецъ, иногда они издаютъ газеты и умѣютъ такъ намазолить глаза публикѣ, постоянно печатая громадными буквами свои фамиліи, что становятся въ нѣкоторомъ смыслѣ знаменитостями, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ извѣстнаго изреченія нашего вѣка: Qu'est ce que la célébrité? c'est le scandal en grand!

Матвѣй Бородинъ, зная и понимая всю хитрость тогдашней администраціи и всю нравственную шаткость ея представителей, умѣлъ дружиться съ сильными того міра и времени и, обманывая высшихъ чиновниковъ при помощи низшихъ, обманывалъ иногда и проводилъ въ концѣ концовъ и этихъ послѣднихъ.

Онъ былъ или положительно очень богатъ и ворочалъ большими суммами и капиталами, или же въ дѣйствительности имѣлъ маленькія средства, но съумѣлъ прослыть за перваго мѣстнаго капиталиста. Во всякомъ случаѣ, при всякомъ денежномъ дѣлѣ, предпріятіи, подрядѣ, появлялся снова Бородинъ и дѣло всегда кончалось обманомъ. При контрактахъ онъ являлся владѣльцемъ сотней и тысячъ; при поступленіи же на него незначительнаго векселя и при описи имѣнія, оказывался безъ всякихъ средствъ. Всего интереснѣе, что послѣ отказа его платить по ничтожному векселю, послѣ объявленной и очевидной несостоятельности, онъ снова появляется под-

рядчикомъ, капиталистомъ, и не знаешь чему приписать этотъ фактъ,—наивности ли администраціи и общества, или его личной ловкости и умѣнью обернуться. Во всякомъ случаѣ, эта типическая личность рисуетъ собою тогдашнее время и нравы.

Такъ какъ Бородинъ обманулъ уже разъ Державина съ подрядомъ кирпича, то понятно, что губернаторъ старался отдалять плута отъ всякаго предпріятія. Бородинъ сначала не унывалъ. Съ цѣлью втереться въ милость къ губернатору, угодивъ въ трудную минуту, онъ угощалъ тамбовскихъ мѣщанъ обѣдомъ на площади при открытіи училища, обѣщалъ пожертвовать на училище деньги и даже убѣдилъ брата своего Іону отдать на первыхъ порахъ свой домъ подъ помѣщеніе того же училища. Но очевидно, что, не смотря ни на какія забѣганья ловкаго аферіста, губернаторъ былъ неподатливъ. Между тѣмъ подошло время брать откупъ. Бородина не остановило явное недоброжелательство Державина. У него нашелся пріятель — тоже не послѣдняя спица въ административной колесницѣ тамбовской, а именно фактотумъ Гудовича въ двухъ намѣстничествахъ, правитель его канцеляріи, нѣкто Лаба. Бородинъ былъ уже давно близокъ Лабѣ, а Лаба былъ родственникъ и другъ вице-губернатора Ушакова, а Ушаковъ родственникъ многихъ и многихъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ. Стало быть, за Бородина были многіе...

Отсюда и ясно, что борьба съ аферистомъ и плу-

томъ купцомъ перешла вскорѣ въ войну съ цѣлою губерніей. Дѣло началось такъ: Бородинъ вдругъ явился откупщикомъ. Заодно съ вице-губернаторомъ Ушаковымъ и совѣтниками правленія онъ повелъ дѣло столь ловко и быстро, что, подписавъ контрактъ, по которому казна теряла до 30,000 руб. въ годъ, и не представивъ никакого залога и никакого свидѣтельства о своихъ средствахъ, получилъ откупъ по разрѣшенію самого Гудовича, дѣлавшаго все по указанію Лабы. И все было состряпано поспѣшно и противъ воли губернатора и сначала даже безъ его вѣдома. Конечно, прежде всего Державинъ былъ уязвленъ какъ чиновникъ и губернаторъ.

Условія откупа и разрѣшеніе Гудовича пришли въ Тамбовъ подъ новый годъ. Державинъ не могъ остановить сдачи откупа, иначе его самого вовлекли бы въ цѣлый лѣсъ приказныхъ крючковъ и тяжебныхъ ябедъ. Онъ разсудилъ остаться въ сторонѣ, сдѣлавъ такое постановленіе, что въ случаѣ чего либо, во всемъ бы отвѣчалъ Гудовичъ. Бородинъ принялъ откупъ, объявя 10,000, но не уплатилъ ни копѣйки и, понуждаемый губернаторомъ, три мѣсяца не платилъ ничего. Тогда стараніями ли Державина и преданныхъ ему лицъ, или иначе какъ нибудь, но на Бородина вдругъ появилось взысканіе въ три тысячи рублей; онъ отказался платить. Приступили къ описи имущества его, котораго найдено всего на сумму 1,176 руб. 50 коп. Вѣроятно, что онъ вла-

дѣлъ гораздо бо́льшими суммами, но съумѣлъ ихъ скрыть.

Державинъ всетаки могъ оставить Бородина откупщикомъ, ибо отвѣтственность въ обманѣ падала не на него, но онъ не захотѣлъ уступить и молчать, а послалъ жалобу въ Сенатъ; съ этого и заварилась каша. Жалоба эта задѣвала администрацію и общество, друзей Ушакова и друзей Бородина, наконецъ въ ней были задѣты самъ генералъ-губернаторъ Гудовичъ и его секретарь Лаба. Дѣло это всетаки впослѣдствіи затянулось, какъ и многія другія дѣла, и въ концѣ концовъ не имѣло никакого результата. Забавно, что на торгахъ по содержанію виннаго откупа на слѣдующій годъ явился кандидатомъ тотъ же Матвѣй Бородинъ, по той причинѣ, что его плутовство за прошлый годъ было еще не доказано, ибо рѣшеніе Сената еще не приходило. Друзья Державина отнеслись къ его поступку въ этомъ дѣлѣ какъ къ большой ошибкѣ и неосторожности его горячаго нрава, вообще какъ къ донъ-кихотству. Мѣшать обкрадывать казну и правительство вѣдь часто и теперь считается борьбой съ вѣтряными мельницами! И надо сказать, друзья были правы: впослѣдствіи Державинъ пострадалъ, а Бородинъ остался цѣлъ, невредимъ и продолжалъ процвѣтать.

XXIII.

Вслѣдъ за дѣломъ Бородина, когда оно еще только началось, явилось другое, которое и повело къ окончательному разрыву Державина съ тамбовцами.

Однажды, во время Турецкой войны, явился къ правителю губерніи воронежскій купецъ Гарденинъ съ открытымъ ордеромъ ко всѣмъ губернаторамъ отъ князя Потемкина-Таврическаго, какъ главнокомандующаго украинскою арміей. Въ ордерѣ былъ приказъ помогать Гарденину, какъ провіантскому комиссіонеру, въ покупкѣ и поставкѣ хлѣба на армію.

Потому ли, что Державинъ давно зналъ лично и даже подъ конецъ любилъ Потемкина, и одолжить князя для него было особенно пріятно, или хотѣлъ онъ услужить фавориту и тѣмъ выиграть, трудно сказать,—вѣроятно, и то и другое вмѣстѣ,—но только Державинъ въ дѣлѣ Гарденина еще болѣе погорячился и въ этотъ разъ на его дѣйствіяхъ вполнѣ лежитъ уже печать служебнаго юпитерства и замѣтно желаніе отомстить, насолить врагамъ, поставить на своемъ, чтобы показать свою власть.

Купецъ Гарденинъ представилъ Державину, помимо ордера къ нему, еще открытый указъ Сената казеннымъ палатамъ, объ отпускѣ Гарденину, какъ комиссіонеру, безъ задержанія ассигнованныхъ на воинскій департаментъ суммъ.

Гарденинъ объяснилъ, что онъ сторговалъ уже много хлѣба у сосѣднихъ помѣщиковъ, далъ задатку 50,000 рублей и долженъ по уговору при полученіи хлѣба уплатить всю остальную сумму или отказаться отъ хлѣба и потерять задатокъ. Срокъ поставки, назначенный по вскрытіи рѣкъ, приближался, и Гарденинъ боялся опоздать. Выдача же остальныхъ денегъ должна была быть совершена изъ казенной палаты. Державинъ отослалъ Гарденина къ вице-губернатору Ушакову, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты. Ушаковъ, уже бывшій въ это время съ Державинымъ, какъ говорится, „на ножахъ“, вслѣдствіе исторіи съ Бородинымъ, неизвѣстно почему, отказался наотрѣзъ, объявивъ, что провіантскихъ суммъ въ палатѣ нѣтъ никакихъ. Державинъ снова отослалъ Гарденина съ просьбой, за неимѣніемъ вышеупомянутыхъ суммъ, выдать нужныя деньги комиссіонеру арміи, взявъ заимообразно изъ другихъ суммъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіе замѣстить ихъ. Ушаковъ, не отвѣчая, въ тотъ же день выѣхалъ нарочно изъ города въ Липецкъ, подъ предлогомъ указа Сената, предписывающаго осмотръ таможеннаго винокуреннаго завода. Гарденинъ былъ въ отчаяніи. Державинъ, очевидно, разсерженный неудачей и явнымъ пренебреженіемъ къ нему Ушакова, взбѣсился. Онъ понималъ, что единственная причина, руководившая поступками Ушакова, была личныя ссоры и личная месть за прошлое столкно-

веніе, а быть можетъ, и незаконное отсутствіе суммъ, долженствовавшихъ быть налицо.

Въ сущности, слѣдовало оставить это дѣло, за которое ни Гарденинъ, ни самъ онъ отвѣчать не могли, ибо указъ Сената касался казенной палаты а не губернскаго правленія, и прямымъ отвѣтственнымъ лицомъ явился бы Ушаковъ. Но Державинъ, призвалъ тотчасъ же къ себѣ стряпчаго казенной палаты, и приказалъ подать себѣ вѣдомость о всѣхъ суммахъ, находящихся въ палатѣ. Стряпчій отвѣчалъ, что губернскій казначей и члены палаты не могутъ исполнить этого требованія за отсутствіемъ вице-губернатора. Это было справедливо, но Державинъ, разгорячаясь болѣе и болѣе, въ пылу гнѣва увлекся. Призвавъ коменданта Булдакова, преданнаго ему, и составивъ комиссію изъ него, совѣтника правленія и секретаря, онъ приказалъ немедленно, безо всякаго права и насильственымъ образомъ, обревизовать всѣ имѣющіяся въ палатѣ суммы, и въ то же время послалъ обо всемъ случившемся рапортъ въ Сенатъ. Безпорядокъ, конечно, былъ найденъ полный. Суммы были большею частью размѣщены безъ записи, нѣкоторыя розданы знакомымъ Ушакова взаймы безъ процентовъ и безъ обезпеченія; комиссаріатскихъ и провіантскихъ суммъ, которыя именно и просилъ Гарденинъ, оказалось около 200.000. Записныя книги были всѣ бѣлы и пусты. Наконецъ, неизвѣстныя суммы разложены были по разнымъ коробкамъ у мел-

кихъ чиновниковъ. Всего оказалось въ безпорядкѣ болѣе 500.000 рублей. Наряженною губернаторомъ комиссіей былъ составленъ актъ и обо всемъ посланы вторичный рапортъ въ Сенатъ, и другой къ генералъ-губернатору.

Все это происходило предъ страстною недѣлей. Въ вербное воскресенье жена Державина открыла черезъ своихъ гостей и друзей-женщинъ заговоръ противъ мужа, заключавшійся въ томъ, что палата послала уже въ Сенатъ рапортъ съ своей стороны о насиліи и притѣсненіи губернатора, и доказывала ложное содержаніе его рапорта о найденныхъ безпорядкахъ. Державинъ, не медля, на страстной же недѣлѣ созвалъ къ себѣ почти всѣ мѣстныя власти: предсѣдателей палатъ гражданской и уголовной, двухъ Чичериныхъ, директора экономіи Аничкова, замѣнявшаго умышленно отсутствующаго Ушакова, казначеевъ, членовъ палатъ, присяжныхъ, губернскаго прокурора Хвощинскаго, коменданта и другихъ свидѣтелей ревизіи суммъ. И при всѣхъ сдѣлалъ допросъ бывшей комиссіи: какой найденъ былъ безпорядокъ, и въ чемъ заключались притѣсненія и обиды, нанесенныя чиновникамъ казначейства? Вся претензія ограничилась показаніемъ одного чиновника, который заявилъ, что комендантъ Булдаковъ при ревизіи суммъ толкнулъ его тростью въ спину и сказалъ: „Ну, поскорѣе отпирай и вынимай что̀ у тебя тамъ есть“.

Въ этомъ собраніи въ домѣ губернатора былъ снова составленъ актъ, конечно, на́-руку перехитрившаго ихъ губернатора, и отправленъ въ двухъ экземплярахъ снова въ Сенатъ и къ генералъ-губернатору. Но Гудовичъ былъ уже на сторонѣ враговъ Державина со времени дѣла отъ откупѣ, и теперь, окончательно настроенный своимъ секретаремъ Лабой, энергически возсталъ противъ губернатора. Онъ тотчасъ послалъ жалобу въ Сенатъ на своевольство Державина и превышеніе имъ власти. Сенатъ, гдѣ, конечно, у Гудовича было больше друзей и родни, чѣмъ у Державина, хотя и прислалъ указъ немедленно выдать Гарденину требуемыя деньги, но сдѣлалъ выговоръ губернатору за то, что онъ мѣшается не въ свое дѣло. Что касается собственно до распри между губернаторомъ и казенною палатой, то указъ предписывалъ Гудовичу „на мѣстѣ безпорядокъ исправить“. Это умышленно краткое изреченіе давало Гудовичу возможность и поводъ ко всякаго рода обидамъ. Въ то же время пришло, какъ нарочно къ увеличенію гнѣва Державина, рѣшеніе Сената и объ откупѣ, то есть о купцѣ Бородинѣ, Ушаковѣ и Лабѣ. Указъ все оставлялъ по-старому, разрѣшалъ и утверждалъ.

Губернаторъ на глазахъ города и губерніи остался, какъ говорится, въ дуракахъ, а мошенничество было оправдано. Гудовичъ явился, разумѣется, лично въ Тамбовъ для исполненія сенатскаго указа, то есть „без-

порядокъ исправить", и здѣсь произошла между нимъ и Державинымъ окончательная ссора, послѣ которой они уже остались врагами на всю жизнь. Дѣло доходило даже иногда до крупныхъ разговоровъ, причемъ Гудовичъ кричалъ, что „Державинъ долженъ исполнять безпрекословно всѣ его повелѣнія какъ бы императорскаго величества", и что онъ для Гудовича тоже, что̀ и совѣтникъ... Державинъ отвѣчалъ, что „онъ правитель губерніи, а не совѣтникъ", и т. д. въ этомъ родѣ. Эта сцена живо представляется глазамъ и, конечно, не была страшна въ то время.

Зато весь городъ, а вскорѣ и вся губернія, узнали, что начальники развоевались и единоборствуютъ. И всѣ, отъ совѣтниковъ и казначеевъ до послѣдняго уѣзднаго станового, были въ страхѣ за свою судьбу, свои мѣста и жалованья. По малороссійской пословицѣ: паны дерутся, у хлоповъ чубы болятъ! всякій ждалъ чѣмъ кончится поединокъ, чья возьметъ.

Началось крючкотворство и сочинительство съ обѣихъ сторонъ. Тамбовъ началъ бомбардировать Сенатъ ворохами репортовъ и меморій, то есть, по-просту сказать, всякою ябедническою дребеденью. Но вѣдь въ тѣ времена пятьдесятъ процентовъ приходившихъ въ Сенатъ бумагъ были такого свойства, и тамъ имѣлись даже на это мастера очищать во всякомъ дѣлѣ самую суть отъ ябеды, а затѣмъ подводить законъ, чтобы милый, по возможности,

выходилъ сухъ изъ воды, а если и виновенъ, то по легкомыслію. Выраженіе существующее и теперь, но, конечно, ужъ не въ учрежденіяхъ и не оффиціально, а въ обществѣ...

XXIV.

Но обѣ стороны не ограничились Сенатомъ. Туда жаловались, чтобъ исполнить форму, но сила была не въ Сенатѣ, и не тамъ въ сущности произносился приговоръ надъ борцами; тамъ только укладывался онъ на бумагу въ видѣ длинныхъ казенныхъ словъ, неудобо произносимыхъ по мудрености своей и не употребляемыхъ въ разговорной рѣчи.

Дѣло рѣшалось и приговоръ произносился тетушками, дядюшками, пріятелями, кумовьями и покровителями и въ сюртукахъ, и въ юпкахъ.

Гудовичъ писалъ своимъ доброжелателямъ. Державинъ своимъ. Оба писали письма въ Петербургъ, въ Москву, прилагая всякія копіи, даже копіи дѣлъ давно уже забытыхъ, вызывающія снова на свѣтъ обстоятельства совсѣмъ не идущія къ настоящему дѣлу. Тутъ было все, что́ только разумъ борца за свое личное самолюбіе могъ придумать.

Державинъ писалъ и заставлялъ жену писать всюду. Кажется, чему бы общему быть между тамбовскою исторіей и лагеремъ подъ Очаковымъ. А между тѣмъ, и туда поѣхало нѣсколько писемъ, къ

Потемкину, къ правителю его канцеляріи, В. С. Попову, и къ адъютанту его, князю Голицыну. Письма эти, помимо Державина и жены его, были отъ княгини В. В. Голицыной, остававшейся въ своемъ имѣніи въ Тамбовѣ и писавшей мужу и дядѣ въ защиту своего друга поэта, пострадавшаго якобы изъ-за него и интересовъ его арміи.

Между тѣмъ, осужденіе Державина предвидѣлось, оно уже было на устахъ близкихъ ему людей.

Друзья Державина не онравдывали его поступковъ. Другъ его, Львовъ, вѣчно пишущій въ шутливомъ тонѣ, говоритъ: „Вижу въ немъ (въ поступкѣ Державина) твое героическое намѣреніе, но не очень его понимаю. Курціусу хорошо было одному въ яму прыгнуть: спасеніе отчизны его отъ того зависѣло“.

Другой (Васильевъ) изъясняется болѣе просто: „Не выдавала казенная палата деньги комиссіонеру, присланному изъ Екатеринославля (то есть Гарденину), она бы за то и отвѣчала. Тутъ можно сказать, что вы входите въ распоряженія другого и вовсе не принадлежащаго дѣла“.

Державинъ и самъ хорошо зналъ это. Но превышеніе власти тогда было всюду ежечаснымъ явленіемъ и почти всегда сходило съ рукъ.

Что касается до освидѣтельствованія комиссіей всѣхъ суммъ, о которомъ, очевидно, сообщилъ ему Державинъ, то вотъ мнѣніе того же Васильева, тоже

характеризующее тогдашній взглядъ на служебныя обязанности съ точки зрѣнія честнаго чиновника:

„Комиссія объ освидѣтельствованіи казенной палаты еще больше можетъ вамъ нанести нареканіе; ежели откроется что-либо по свидѣтельству, то скажутъ, что вы по ненависти и мщенію оное сдѣлали, ибо тутъ дѣло уже идетъ до чести; буде же ничего не откроется, то еще больше скажутъ, что придирка, и отнесть могутъ оную къ той же причинѣ...“ Далѣе Васильевъ прибавляетъ, что онъ говоритъ это не изъ дружбы съ Ушаковымъ, а изъ любви къ Державину, потому... „Чтобъ не говорили, что вотъ человѣкъ нигдѣ не уживается; буде не съ начальникомъ, то съ подчиненными заводитъ разные раздоры“.

Иного мотива, какъ ненависть и мщеніе, Васильевъ не допускаетъ. Да иного мотива, по правдѣ говоря, у Державина на этотъ разъ и не было. Дѣло шло положительно не о казнѣ и ея интересахъ, а о личной отместкѣ.

Дѣйствительно, тогда установилось общее мнѣніе, что Державинъ человѣкъ съ неуживчивымъ, крутымъ и деспотическимъ нравомъ. Исторія тамбовская и ссора съ Гудовичемъ была уже третья. Однако надо сказать, что если Державинъ былъ не совсѣмъ правъ, ревизуя начальственнымъ образомъ не прямо подвѣдомственныя ему учрежденія, то былъ когда-то совершенно правъ относительно чудачествъ Тутолмина

въ Олонецкой губерніи и самоуправства генералъ-прокурора князя Вяземскаго.

Итакъ, пока администраторы тамбовскіе сражались перьями, что же дѣлали ихъ жены? Неужели наши прабабушки были способны оставаться хладнокровными зрительницами? Нѣтъ, женщины только въ странахъ и націяхъ, находящихся въ періодѣ упадка и разложенія, бездѣйствуютъ. Римлянки временъ Ромула и цезарей, эллинки временъ Ликурга, Перикла и Гракховъ не бывали никогда за кулисами во дни борьбы... Женщины юной Екатерининской Россіи, представительницы первыхъ женскихъ поколѣній со дня своего освобожденія изъ теремовъ и свѣтлицъ, не могли страдать и не дѣйствовать. И вотъ, вскорѣ на арену выступаютъ и героини, жены враговъ, но выступаютъ не на дѣло примиренія.

Жена Державина была однажды въ гостяхъ у Араповыхъ; тамъ же была и жена Чичерина, предсѣдателя гражданской палаты. Между женами нечаянно или нарочно вышла ссора и, вѣроятно, было много сказано съ той и съ другой стороны. Старые люди еще помнятъ, какъ наши прабабушки ссорились и что тогда подчасъ случалось!.. Что именно произошло у Араповыхъ въ гостяхъ, неизвѣстно; въ запискахъ Державина не упоминается объ этой ссорѣ ни слова. Изъ переписки видно, что Екатерина Яковлевна Державина даже заболѣла послѣ

этого происшествія, вѣроятно, съ горя или досады. Во всякомъ случаѣ, эта ссора подлила масла въ огонь. Новая жалоба на губернатора и его жену была отправлена прямо на Высочайшее имя, подписанная уже Чичериным. Въ чемъ заключалась исторія и самая жалоба, видно изъ объяснительнаго по этому поводу письма Державина къ одному изъ своихъ покровителей, графу Безбородко, которое приводимъ почти цѣликомъ:

„3 іюля 1788 года. Сіятельнѣйшій графъ, — Воздерживался я безпокоить ваше сіятельство по здѣшнимъ обстоятельствамъ горестными моими письмами, зная обремененіе ваше государственными дѣлами; но, будучи много оскорбленъ людьми дурными и безчестными, прерываю терпѣніе и яко къ благодѣтелю моему прибѣгаю къ помощи и защищенію!.. Учинилось, мнѣ извѣстно... что отъ предсѣдателя здѣшней гражданской палаты, Чичерина, послана ея императорскому величеству на жену мою жалоба. Какого она точно содержанія, я не знаю; но ежели разсѣянному вѣрить слуху, то состоитъ она въ клеветѣ, что якобы жена моя, его, Чичерина жену, въ компаніи у дворянина Арапова не токмо бранила, но даже била и выгнала вонъ. Я не буду въ защищеніе говорить того, что жена моя воспитана въ Петербургѣ, что поведеніе ея извѣстно многимъ знатнымъ особамъ, которое никогда мнѣ стыда не приносило; слѣдовательно, и не могла она быть

столько буйною, чтобъ еще въ чужомъ домѣ браниться и драться. Не буду я также подробно изъяснять того, какое въ самомъ дѣлѣ случилось происшествіе съ женой моею въ домѣ Арапова, и не была ли она болѣе обижена Чичериной, пріѣхавшею со многою своею партіей въ домъ Арапова, гдѣ была жена моя одна, и принудивъ ее своими придирчивыми вопросами къ разговору; изъ чего хотя и произошла между ними размолвка, ничего однако непристойнаго не было, что̀ могутъ хозяинъ и хозяйка и многіе тутъ бывшіе по присягѣ засвидѣтельствовать... Словомъ, только то донесу: ежели бы и въ самомъ дѣлѣ жена моя забыла всю пристойность и обидѣла столь несносно Чичерину, что стоило утруждать всемилостивѣйшую государыню... то какъ сіе случилось въ бытность въ Тамбовѣ Ивана Васильевича (Гудовича), а потому и должна была жалоба прежде дойти до него; ибо хотя проистекла она не изъ чего иного какъ изъ бабьихъ дрязгъ, но когда уже вступился мужъ и простиралъ жалобу свою даже до престола, слѣдовательно, она, яко уже важное дѣло, должна быть производима своимъ порядкомъ, отъ разбирательства которой и отъ прекращенія ссоры, яко главный начальникъ въ городѣ, не долженъ былъ отказаться Иванъ Васильевичъ... Ежели же ничего этого не было, то для чего же г. Чичеринъ, будучи предсѣдатель, вѣдающій законы, принесъ жалобу свою чрезъ на-

чальство и мѣста учрежденныя, прямо ко всемилостивѣйшей государынѣ; а особливо по столь неважному дѣлу, что̀ весьма запрещаютъ законы... Самому Иванъ Васильевичу, а не Чичерину, должно было довести до свѣдѣнія престола мою строптивость, мой безпокойный и горячій нравъ, которымъ, будучи не въ состояніи ничего другого къ безславію моему сказать, меня упрекаютъ, что я далъ волю женѣ своей обидѣть благородную женщину, и яко начальникъ, разрушилъ тѣмъ спокойствіе общества и т. п. Личную же обиду Чичериной предоставить бы отыскивать гдѣ должно по законамъ, а мужа ея отъ таковой дерзновенности, приносить прямо къ престолу жалобы, воздержать, ибо, чаятельно, нигдѣ и въ непросвѣщенныхъ народахъ того не водится, чтобы женскія сплетни разбирали императоры. Но я въ пользу Ивана Васильевича убѣждаю себя вѣрить, что столь неосновательная жалоба простерта къ ея императорскому величеству безъ его свѣдѣнія, хотя она и въ бытность его въ Тамбовѣ отправлена на почту и хотя при сочиненіи ея былъ его секретарь... Про ссору же, между дамъ случившуюся, лично отъ меня и отъ хозяина Иванъ Васильевичъ зналъ, и какъ ничего уваженія достойнаго въ ней не заключалось, и я, имѣя болѣе права быть въ неудовольствіи за неуваженіе жены моей, перенесъ сію исторію сколько можно холодно, посмѣявшись только насчетъ обѣихъ соперницъ, то и думалъ, что она

дальнѣйшихъ слѣдствій имѣть не будетъ... Жалоба Чичерина сочинена сыномъ его вообще съ вице-губернаторомъ, экономіи директоромъ, совѣтникомъ казенной палаты Макшеевымъ и секретаремъ генералъ-губернатора, Лабою...“

Далѣе Державинъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что жалоба Чичерина была послѣдствіемъ все тѣхъ же ревизій суммъ въ палатахъ и что главный зачинщикъ всего тотъ же Ушаковъ. Письмо это кончается такъ: „Словомъ, я и сію Чичерина жалобу предполагаю болѣе проистекшею отъ него же, г. вице-губернатора, дабы и чрезъ стороннія руки представить меня притѣснителемъ всѣхъ со мною служащихъ и очернить характеръ мой и даже жены моей, и тѣмъ возбудить сожалѣніе о своей мнимой невинности, прикрыть свои непорядки, представить меня несноснымъ и тѣмъ самымъ, какъ ему давно желается, очистить себѣ мѣсто правителя...“ и т. д.

Помимо графа Безбородко, Державинъ разослалъ нѣсколько копій съ этого письма и другимъ лицамъ.

Въ этомъ письмѣ знаменитаго поэта, не смотря на все безпристрастіе, съ которымъ взираешь на всю тамбовскую исторію и на его роль въ ней, трудно не замѣтить тоже нѣсколько крючкотворскую манеру.

Еслибы Чичеринъ былъ другомъ Ушакова и былъ золъ на губернатора за ревизій суммъ, то давно бы нашелъ поводъ къ жалобамъ и доносамъ. А между

тѣмъ Чичеринъ заговорилъ и послалъ жалобу на Высочайшее имя только послѣ темнаго происшествія между женами у Араповыхъ, нисколько не разъясненнаго и Державинымъ.

Затѣмъ копіи съ разныхъ бумагъ, приложенныя Державинымъ къ этому письму, подымаютъ снова наружу старыя дрязги. По поводу ссоры своей жены съ женой Чичерина, Державинъ посылаетъ графу Безбородко бумагу, въ которой тотъ увидитъ, что Чичеринъ давалъ казенныя деньги взаймы на проценты... Было же это за два года предъ тѣмъ...

Въ другой бумагѣ за другимъ номеромъ Державинъ доказываетъ, что при ревизіи въ гражданской палатѣ суммъ не оказалось и онѣ сполна были внесены уже во время ревизіи. На это все можно было отвѣчать: прекрасно, но не въ этомъ вопросъ. Вопросъ въ томъ: дрались ли жены или нѣтъ, и кто началъ и кто кого одолѣлъ.

Затѣмъ Державинъ обвиняетъ Чичерина въ преступленіи закона при подачѣ жалобы на него и его жену не Гудовичу, а прямо императрицѣ... Державинъ зналъ, что это не только не преступленіе, а право всякаго русскаго, непосредственно обращаться къ монарху...

„Чаятельно нигдѣ,— остритъ онъ,—и въ непросвѣщенныхъ народахъ того не водится, чтобы женскія сплетни разбирали императоры“.

Конечно, правда! Но сплетня ли это? Происше-

ствіе у Араповыхъ въ домѣ переполошило весь городъ. А между тѣмъ въ письмѣ Державина самый фактъ, послужившій Чичерину поводомъ къ жалобѣ, остается неразъясненнымъ. Предположить, что Чичеринъ послалъ жалобу на Высочайшее имя безъ всякаго повода, что, въ случаѣ наряженнаго слѣдствія, могло бы оказаться, что дамы только поспорили, что, однимъ словомъ, Чичеринъ сдѣлалъ изъ мухи слона,—предположить этого нельзя. Чичеринъ могъ послать ябеду и фальшивый доносъ въ Сенатъ, это было въ обычаѣ, въ нравахъ... Но лгать на Высочайшее имя не было въ нравахъ, къ этому не привыкли, да и боялись.

Итакъ, надо думать, что губернаторша тоже погорячилась черезчуръ, подобно мужу, конечно, выведенная изъ терпѣнія „многою партіей“ г-жи Чичериной. Вѣроятнѣе всего этотъ вечеръ у Араповыхъ былъ засадой губернаторшѣ, чтобъ выговорить ей все про мужа.

XXV.

Прошло два мѣсяца со времени этой послѣдней жалобы на губернатора и пришелъ отвѣтъ на первую, то есть на жалобу генералъ-губернатора въ Сенатъ.

Указъ Сената требовалъ объясненій отъ Державина и предлагалъ оправдаться по нѣсколькимъ

пунктамъ взводимаго на него обвиненія. Между прочимъ, онъ обвинялся въ превышеніи власти, неповиновеніи прямому начальству и кромѣ того, будто бы за время своего управленія накопилъ недоимку, предавался лихоимству, и наконецъ въ присутствіи генералъ-губернатора въ намѣстническомъ правленіи не исполнилъ его приказаній. А къ довершенію всего, однажды за воротъ тащилъ въ правленіе генералъ-губернатора.

Послѣднее напоминало уже исторію о медвѣдѣ въ Олонецкомъ губернскомъ правленіи.

Державину не трудно было немедленно отвѣчать на этотъ, по его выраженію, „сумбуръ“, но онъ понялъ, что собственный его отвѣтъ не будетъ имѣть никакого значенія, что дѣло станутъ всетаки разбирать на основаніи справокъ, которыя велятъ собрать на мѣстѣ самому же Гудовичу. Поэтому, не объявивъ сенатскаго указа въ правленіи, Державинъ призвалъ чиновниковъ и объяснилъ имъ, что по одному постороннему дѣлу нужно оффиціальнымъ порядкомъ собрать эти справки о немъ, требуемыя Сенатомъ. Когда справки были собраны и подписаны совѣтниками правленія, Державинъ отослалъ ихъ въ Сенатъ. Такимъ образомъ, клевета Гудовича была опровергнута его же подчиненными. По этимъ справкамъ оказалось, между прочимъ, что даже прежняя большая недоимка была собрана, а что въ присутствіи правленія губернаторъ не могъ

ослушаться генералъ-губернатора, такъ какъ этотъ послѣдній никогда въ Тамбовскомъ намѣстническомъ правленіи не бывалъ. Свидѣтелей того, что Державинъ Гудовича тащилъ за воротъ тоже, конечно, не нашлось.

Отославъ справки, Державинъ объяснилъ всѣмъ, что указъ Сената явился по поводу жалобы ихъ общаго начальника. Прокуроръ и совѣтники, видя, что дали справки, опровергающія жалобу Гудовича, струсили и немедленно дали ему знать обо всемъ въ Рязань. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ приказомъ не давать справокъ, но было уже поздно. Тогда Гудовичъ послалъ новую жалобу въ Сенатъ на то, что Державинъ собраніемъ справокъ чрезъ совѣтниковъ какъ бы отдалъ его подъ судъ намѣстническаго правленія и его подчиненныхъ.

Благодаря этой жалобѣ Гудовича, друзья его въ Сенатѣ прибѣгали къ хитрости. Не принявъ справокъ Державина за отвѣтъ, сдѣлали видъ, что отъ него отвѣта и объясненій на указъ нѣтъ и что онъ, слѣдовательно, виноватъ въ промедленіи. На этомъ основаніи родственникъ и другъ Гудовича, графъ Завадовскій, доложилъ императрицѣ, что тамбовскій губернаторъ виновенъ во многомъ и между прочимъ въ томъ, что упослѣживаетъ отвѣтами и что его надо предать суду.

Двусмысленное выраженіе Завадовскаго было взято съ польскаго языка, и въ этомъ состояло главное

обвиненіе Державина. Uposledzic' значитъ ставить (одного) ниже (другого), обходить, избѣгать. Что же значило упослѣживать отвѣтами, по выраженію Завадовскаго? Значило ли унижать генералъ-губернатора, ставя его ниже совѣтниковъ, или увертываться въ отвѣтахъ, не отвѣчать прямо на вопросъ, или же иное что. По объясненію самого Державина, Завадовскій хотѣлъ именно сказать и ставилъ ему въ вину, что онъ медлилъ отвѣтомъ. Вотъ преступленіе губернатора, которое довели наконецъ и до императрицы, чтобъ отдать подъ судъ виновнаго; но Екатерина приняла докладъ Завадовскаго и оставила его у себя безъ конфирмаціи. Мудрая монархиня, не смотря на обширность и разнообразіе своихъ занятій, входила въ суть всякаго и маловажнаго дѣла, и при случаѣ знала и умѣла отличать въ немъ серьезныя данныя отъ судейскихъ крючковъ.

Быть можетъ, этимъ все бы и окончилось, буря въ стаканѣ воды улеглась бы сама собой и всѣ бы снова примирились и зажили мирно, но, какъ нарочно, съ наступленіемъ зимы приходились дворянскіе выборы. Гудовичъ явился въ Тамбовъ въ ноябрѣ и вокругъ него сгруппировался весь его лагерь. Къ стыду тамбовскаго общества надо сказать, что всѣ были на сторонѣ Гудовича, Ушакова и Чичерина. Державинъ говоритъ, что въ это время даже вчерашніе друзья его, изъ мѣстнаго общества, а равно и подчиненные, съ которыми онъ былъ прежде въ

тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, всѣ отшатнулись, — кто изъ выгоды, кто изъ боязни.

Весь съѣздъ дворянъ и весь городъ веселились. Балы, маскарады, театры, обѣды и т. д. смѣнялись одни другими. Державины, мужъ и жена, какъ бы не существовали для общества, ихъ никуда не звали, и ни онъ, ни жена его не показывались нигдѣ. Гудовичъ самъ даже ни разу не видѣлся съ нимъ. Прошелъ наконецъ слухъ, что губернаторъ отрѣшенъ отъ должности, и Державинъ начиналъ самъ вѣрить этому слуху. Въ эти трудныя минуты пребыванія своего въ Тамбовѣ, Державинъ былъ глубоко оскорбленъ и огорченъ „всѣми накостями“ (по его выраженію), которыми отвѣтилъ ему Тамбовъ за его хлѣбосольство и честное трехлѣтнее управленіе.

А между тѣмъ, повторяемъ, онъ самъ былъ много виноватъ, что дѣло разыгралось такъ. Этотъ честный, дѣльный и дѣятельный правитель былъ всетаки человѣкъ безпокойный, вспыльчивый и деспотъ. Вѣдь не одни плуты и взяточники были теперь въ лагерѣ Гудовича; были тамъ и порядочные люди въ родѣ Мордвинова, не хотѣвшаго когда-то отправляться съ лошадьми на высочайшій проѣздъ за сотню верстъ. Былъ тамъ и Сатинъ, поневолѣ отдавшій бо́льшую часть состоянія своего не роднымъ дѣтямъ, а дальнимъ родственникамъ, лично знакомымъ губернатору. Была въ лагерѣ Гудовича и госпожа

Чичерина, которой, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ досталось порядкомъ отъ разсердившейся губернаторши. Были и другіе, которымъ безъ причины и безъ нужды насолилъ губернаторъ своимъ самовластіемъ.

Наступило, между тѣмъ, открытіе дворянскаго собранія и выборы. Гудовичъ, продолжая игнорировать существованіе губернатора въ городѣ, самъ открылъ собраніе. Такъ какъ обыкновенно распоряженія генералъ-губернатора въ этомъ случаѣ шли непосредственно чрезъ губернатора, и онъ уже созывалъ дворянъ и руководилъ выборами, то Державинъ не выдержалъ и въ день баллотировки явился въ домъ Гудовича, гдѣ уже собрались всѣ дворяне. Гудовичъ былъ, какъ всегда, окруженъ своимъ лагеремъ. Всѣ заклятые враги губернатора были налицо. Державинъ, войдя, подошелъ къ генералъ-губернатору и объявилъ:

— До свѣдѣнія моего дошло, что сей день назначенъ для открытія выборовъ, то не угодно ли будетъ чего мнѣ поручить?

Гудовичъ отвѣчалъ сухо, что онъ всѣ приказанія отдалъ господину предводителю дворянства, и что губернаторъ ему ни на что не нуженъ.

Державинъ поклонился, вышелъ вонъ и затѣмъ тотчасъ же, вѣроятно донельзя разгоряченный всѣмъ случившимся, послалъ Гудовичу рапортъ, въ которомъ объяснилъ, что такъ какъ онъ безъ всякой

причины уволенъ отъ исправленія своей должности, то онъ слагаетъ съ себя заранѣе всякую отвѣтственность въ томъ, что можетъ случиться непредвидѣннаго.

Случиться, разумѣется, ничего не могло, и Державинъ этимъ рапортомъ удовлетворялъ только своей потребности сказать послѣднее рѣзкое слово.

Но вышло совсѣмъ не то. Гудовичъ, человѣкъ недалекаго ума, струсилъ и вообразилъ, что губернаторъ затѣваетъ со своимъ маленькимъ лагеремъ что нибудь очень опасное и страшное, нѣчто въ родѣ бунта. Лаба и К° настращали своего послушнаго и довѣрчиваго начальника какъ только могли. Всѣ эти совѣтники генералъ-губернатора сочинили письмо и жалобу къ графу Безбородко, говоря, что дворянскіе выборы стали, что Державинъ дѣлаетъ новыя затрудненія и „замѣшательство“ при выборахъ и готовъ смутить всю губернію. Въ жалобѣ умоляли скорѣе убрать возмутителя общественнаго спокойствія.

Губернаторъ, самъ мутящій народъ при съѣздѣ всѣхъ дворянъ въ городѣ—дѣйствительно опасный человѣкъ! Такъ, вѣроятно, поняли въ Петербургѣ.

Не прошло трехъ недѣль, какъ графъ Безбородко доложилъ о событіяхъ въ Тамбовѣ императрицѣ. Тотчасъ же послѣдовала конфирмація доклада Завадовскаго, и указомъ Правительствующему Сенату, отъ 18-го декабря 1788 года, Высочайше повелѣно

немедленно отрѣшить Державина отъ должности правителя Тамбовскаго намѣстничества съ тѣмъ, чтобъ онъ для надлежащаго отвѣта явился въ Москву, въ шестой департаментъ Сената. Иначе говоря, это была отдача подъ судъ.

Державинъ былъ пораженъ и глубоко огорченъ, ибо чувствовалъ себя совершенно безвинно пострадавшимъ въ правой борьбѣ съ болѣе сильными.

XXVI.

Проводивъ жену въ Зубриловку къ Голицыной, Державинъ немедленно выѣхалъ въ Москву. Въ запискахъ своихъ онъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Москву въ рождественскій постъ, но это невѣрно... Отъ 25-го декабря есть письмо къ Голицыну, въ которомъ онъ поздравляетъ его со взятіемъ Очакова. Извѣстіе же это дошло до него въ самой Зубриловкѣ отъ курьера, присланнаго Голицынымъ къ женѣ. Наконецъ, сенатскій указъ объ отрѣшеніи и не могъ настолько быстро дойти до Тамбова. Вѣроятно, Державинъ выѣхалъ въ Москву не ранѣе 8-го января 1789 года. Письмо его къ князю Потемкину, которое онъ вѣроятно написалъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, и въ которомъ онъ проситъ его заступничества, помѣчено 14-мъ января. Первое же письмо жены его, пеняющей на то, что онъ

еще не извѣстилъ ее о своемъ пріѣздѣ въ Москву, помѣчено 17-мъ января.

Время это, то есть декабрь 1788 года и январь 1789 года, было тяжелымъ для Державина во многихъ отношеніяхъ. Помимо отрѣшенія отъ должности и огорченія видѣть себя безвинно подъ судомъ, у Державина были заботы иного рода, заботы денежныя. Его краткое пребываніе въ Петрозаводскѣ, гдѣ онъ обзавелся и долженъ былъ вскорѣ все кое-какъ распродать и бросить, его путешествіе въ Тамбовъ, новое хозяйственное обзаведеніе здѣсь, наконецъ, его празднества и вечера и его хлѣбосольство въ Тамбовѣ,—все это ввело его въ долги.

Одинъ изъ крупныхъ долговъ Державина былъ въ двѣ тысячи рублей, придворному банкиру Сутерланду. Въ самую пору отъѣзда его изъ Тамбова Сутерландъ пишетъ ему о немедленной уплатѣ и, не смотря на высылку половины этой суммы, требуетъ довольно настойчиво и даже рѣзко уплаты всего долга. Такъ, въ это время, даже кредиторы Державина какъ бы сговорились съ его служебными врагами.

Итакъ, Державинъ былъ въ Москвѣ въ первыхъ дняхъ января. По разнымъ неизвѣстнымъ причинамъ дѣло его не докладывалось и тянулось. Онъ сталъ проситься для принесенія жалобы въ Петербургъ, но его не пустили и, обѣщая ему завтра и завтра, заставили его прождать полгода.

Наконецъ, когда онъ настоялъ и просьбами и угрозами, чтобы дѣло было доложено, то все кончилось въ іюнѣ въ одно присутствіе. Воспослѣдовавшее рѣшеніе Сената Державинъ въ запискахъ своихъ передаетъ такъ, своими словами:

„Хотя казенная палата и самъ генералъ-губернаторъ изобличены въ небреженіи ихъ должностей, а губернаторъ, напротивъ того, найденъ невиноватымъ; но о нихъ ничего не сказано, а о немъ,— что какъ де онъ за справки, требованныя имъ изъ губернскаго правленія противъ генералъ-губернатора, удаленъ отъ должности, то и быть тому такъ“.

Виноватъ онъ въ чемъ, или невиноватъ, въ этомъ рѣшеніи и не упомянуто. Мы же видѣли, что обвинить его дѣйствительно нельзя было ни въ чемъ; но и оставить губернаторомъ тоже было нельзя. Административный Тамбовъ могъ просто взбунтоваться.

Такъ какъ въ то время копій съ рѣшенія суда подсудимому не выдавали, то Державинъ, собираясь жаловаться въ Петербургѣ, не зналъ, что̀ сказать объ этомъ рѣшеніи, и прибѣгнулъ къ вѣчно вѣрному средству, взяткѣ. Давъ двѣ тысячи рублей одному стряпчему, онъ получилъ тайно копію со всего своего дѣла. Затѣмъ надо было еще упросить, чтобъ ему публично объявили въ Сенатѣ, что дѣло

его рѣшено, что онъ оправданъ и можетъ свободно ѣхать куда хочетъ.

Во время своего суда, живя въ Москвѣ, Державинъ написалъ свою оду: „На счастье“. Слѣдующія строки были намеками на его положеніе:

....Бывало ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь; беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ, безъ платежа.
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету,
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету
И въ грошъ не ставлю никого....

Строфа „Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы!“ была острота на имя генералъ-губернатора Гудовича.

....Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ....

Въ объясненіяхъ къ своимъ сочиненіямъ, Державинъ говоритъ: „симъ авторъ показываетъ, что безъ всякой вины, а только по одной привязкѣ вельможъ, былъ онъ удаленъ отъ губернаторства въ Тамбовѣ“.

Затѣмъ въ сочиненіяхъ Державина мы могли найти одно стихотвореніе, по нашему мнѣнію, относящееся ко времени его отрѣшенія отъ должности и суда надъ нимъ:

Справка.

Безъ справокъ запрещаетъ
Законъ дѣла рѣшить.
Сенатъ за справки отрѣшаетъ
И отдаетъ судить.
Но какъ же поступать?
Воровать!

Добившись въ Сенатѣ объявленія объ окончаніи дѣла, Державинъ отправился въ Петербургъ, былъ представленъ императрицѣ, и одинъ изъ вопросовъ Екатерины, приведенный имъ самимъ въ запискахъ его, выражалъ собой всеобщее мнѣніе о немъ:

— Но не имѣете ли вы чего въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь? — спросила государыня.

Что отвѣчалъ на это поэтъ, онъ не говоритъ. Вѣроятно, онъ чувствовалъ, что это отчасти правда. Храповицкій, представлявшій Державина императрицѣ 1-го августа 1789 года, въ своемъ дневникѣ, заноситъ слѣдующія слова государыни, сказанныя ему послѣ аудіенціи поэта:

— Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être trop content de ma conversation.

Послѣ же этой аудіенціи вышелъ однако указъ: Державину выдать неполученное жалованье и впредь выдавать его, до опредѣленія къ мѣсту.

Друзья Державина вздохнули свободно, потому что со времени его удаленія изъ Тамбова всѣ они были въ трепетномъ ожиданіи: оправдаютъ или осудятъ. А между тѣмъ всѣ они знали въ чемъ состояло преступленіе Державина, или лучше сказать, что оно ни въ чемъ не состояло.

Между тѣмъ въ Тамбовѣ продолжались дрязги и гоненіе на немногихъ оставшихся друзей Державина. Совѣтникъ правленія, Филоновъ, и комендантъ Булдаковъ, самые близкіе люди къ Державину, послѣ оправданія его въ Сенатѣ, чуть не сдѣлались козлищами очищенія. Они были загнаны болѣе всѣхъ и ихъ стращали постоянно отдачей подъ судъ. Въ обществѣ стали, какъ всегда бываетъ, но поздно, отрезвляться и холодно, безпристрастно судить Державина, губернатора и человѣка. Стали говорить, что прежній губернаторъ былъ горячъ и крутъ, но честнѣйшій человѣкъ и умѣлъ веселить общество. Тѣмъ болѣе стали сожалѣть о Державинѣ, что его преемникъ, генералъ-поручикъ Звѣревъ, не только ничего не дѣлалъ ни для губерніи, ни для общества, но былъ во всемъ игрушкой у совѣтника Савостьянова, пріобрѣвшаго великую силу въ Тамбовѣ и дѣлавшаго все по своему произволу. Звѣревъ почти вскорѣ по пріѣздѣ какъ-то странно заболѣлъ, даже лишился глаза въ этой болѣзни и, по словамъ Филонова въ письмѣ къ Державину, сидѣлъ безвыходно дома съ какою-то при-

везенною имъ съ собою польскою панной и, никогда не появляясь въ правленіе, писалъ однѣ и тѣ же резолюціи на бумагахъ: „Дѣлай такъ, какъ указъ гласитъ“. „Сдѣлай такъ, какъ законъ повелѣваетъ“.

Коротко и ясно. И въ отвѣтъ не пойдешь.

Ушаковъ, Лаба и Бородинъ не дремали и долго еще послѣ отъѣзда Державина продолжали ему мстить разными придирками, которыя они выкапывали изъ прошлаго управленія. Такъ, напримѣръ, Державинъ, будучи въ Тамбовѣ, закупалъ, по Высочайшему повелѣнію, большія партіи хлѣба (всего до 100,000 кулей) и посылалъ въ Петербургъ; то же дѣлалъ онъ и для знакомыхъ своихъ. Въ одной такой казенной партіи не хватило 4,000 кулей, которые были однако украдены не въ дорогѣ, а на мѣстѣ при пріемѣ. По запросу въ Тамбовъ, враги Державина съумѣли повернуть дѣло такъ, что онъ сталъ виновенъ. Это стоило ему въ Петербургѣ и денегъ и хлопотъ. Гудовичъ не отставалъ отъ другихъ въ выкапываніи всякой мелочи. Такъ, однажды, онъ потребовалъ отъ Державина свѣдѣніе: „объ отпущенномъ въ 1787 году по словесному разрѣшенію бывшаго губернатора, для свиданія съ родственниками, на 29 дней, въ Петербургъ, тамбовской губернской роты рядовомъ Тимоѳеевѣ“.

Очевидно, и этотъ пустякъ понадобился для какого нибудь крючка.

Къ несчастью, не всѣ тамбовскіе канцелярскіе крючки были такъ незначительны. Одно дѣло сильно смутило Державина. Матвѣй Бородинъ, по отъѣздѣ Державина, послалъ жалобу въ Сенатъ, что по наложеніи ареста на его имущество, во время дѣла о неправильной будто бы отдачѣ ему откупа, онъ потерпѣлъ убытокъ на 17,000 рублей и просилъ о взысканіи ихъ съ виновныхъ, т. е. съ бывшаго губернатора. Сенатъ, къ удивленію всѣхъ въ Тамбовѣ, знавшихъ обстоятельства дѣла, указалъ взыскать эту сумму съ Державина въ пользу Бородина. Однако, дѣло это, по счастію, уладилось.

Въ Петербургѣ Державину было легче бороться съ тамбовскими врагами.

Проживъ въ Москвѣ и Петербургѣ праздно и безъ мѣста и безъ дѣла, ровно три года, Державинъ былъ, наконецъ, назначенъ, въ декабрѣ 1791 года, статсъ-секретаремъ при императрицѣ у принятія прошеній. Тутъ поэтъ былъ болѣе независимъ и ему вдобавокъ не съ кѣмъ было ссориться; по одному этому уже должность была по немъ.

Далѣе мы не послѣдуемъ за Державинымъ въ его служебной карьерѣ. Скажемъ только, что далѣе, на болѣе высокихъ постахъ, ему предстояло еще болѣе невзгодъ и треволненій душевныхъ.

Повторимъ снова, что если бы нашъ знаменитый поэтъ не служилъ, а прожилъ мирною жизнью частнаго человѣка, то написалъ бы гораздо болѣе и из-

бѣгнулъ бы многихъ тяжелыхъ минутъ и горькихъ разочарованій.

XXVII.

Но какой же итогъ подвести служебной дѣятельности Державина?

Екатерина умѣла выбирать людей и направлять ихъ дѣятельность, пользоваться, такъ сказать, индивидуальными особенностями каждаго дарованія и давать каждому дѣло по немъ. На что же направила она дѣятельность своего поэта? Какое дѣло дала она ему? Екатерина знала близко Державина, и помимо, конечно, таланта, нашла въ немъ то, что было болѣе или менѣе рѣдко въ то время: горячую прямоту характера и испытанную честность, или скажемъ прямо, неподкупность.

И вотъ, вслѣдствіе этого, послѣ краткаго губернаторства въ Олонцѣ и Тамбовѣ и послѣ нахожденія подъ судомъ въ Москвѣ, Державинъ получаетъ мѣсто, при которомъ онъ долженъ только докладывать и распутывать запутанныя другими и умышленно затемненныя дѣла, важныя и неважныя, доходящія до монархини и ожидающія себѣ отъ нея свѣта, истины и конечнаго праваго рѣшенія.

Когда Державинъ былъ взятъ къ императрицѣ состоять у принятія прошеній, должность эта не

была еще строго опредѣлена. Многое и многое пошло тогда чрезъ руки поэта. Въ иностранныхъ газетахъ было даже напечатано стараніями его многочисленныхъ враговъ, что русская императрица отдала Сенатъ во власть Державина.

Дѣйствительно, рѣшенія и указы Сената тоже представлялись и докладывались государынѣ Державинымъ и, бывая съ докладомъ почти каждый день, Державинъ могъ часто, даже въ простыхъ бесѣдахъ, отдѣлять ложь отъ правды и направлять правдолюбивую монархиню въ ея дѣйствіяхъ.

Такъ прошло чрезъ его руки знаменитое уголовное дѣло о сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Якобіѣ, которое длилось семь лѣтъ, и, осужденный Сенатомъ, Якобій былъ оправданъ императрицей по докладу Державина и благодаря ея секретарю-поэту.

Впослѣдствіе Державинъ былъ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, финансъ-министромъ и, наконецъ, при императорѣ Александрѣ таже честность и неподкупность привели Державина къ посту министра юстиціи, т. е. онъ сдѣлался главой той государственной сферы, того, можно сказать, издревле заколдованнаго круга, гдѣ наиболѣе совершалось отступленій отъ закона, гдѣ наиболѣе процвѣтало лихоимство, гдѣ царила особенная художественная путаница и хаосъ въ дѣлопроизводствѣ и, наконецъ, даже ввелся обычай полнаго исчезновенія дѣлъ. Суды были капканы съ хитро-сплетенною сѣткой,

которыхъ равно боялись и простолюдинъ, и важный баринъ, даже крупный чиновникъ другого вѣдомства; и всякій побывшій въ этомъ капканѣ (еще впрочемъ и на нашей памяти) выходилъ нищъ, голъ, обезславленъ и измученъ физически, и нравственно.

На этомъ посту можно было многое сдѣлать, но министръ Державинъ и тутъ ничего не совершилъ особеннаго, кромѣ проекта третейскаго суда, канувшаго въ Лету. Какъ губернаторъ, такъ и президентъ коммерціи и министръ, онъ ничѣмъ особеннымъ себя не заявилъ. Хорошо изучивъ законодательство своего времени, онъ является только честнымъ исполнителемъ буквы закона. Когда нельзя было руководиться статьей закона (еще не выработанною), Державинъ справлялся со своею совѣстью и она ни разу не обманула его и не вовлекла въ ошибку, за исключеніемъ развѣ мелкихъ случаевъ, гдѣ личный характеръ, вспыльчивость и горячность натуры увлекали его въ крайности...

Итакъ, стараясь найти въ служебной дѣятельности Державина признаки и даже плоды его геніальности, мы не нашли ничего. Нашли только доблестную прямоту, горячность даровитой и по природѣ впечатлительной натуры и неподкупную честность.

Если Державинъ не любилъ реформаторовъ и либераловъ въ родѣ Тутолмина, то изъ этого не слѣдуетъ, что самъ онъ былъ глухъ къ новымъ вѣя-

ніямъ и новымъ требованіямъ своего времени. Онъ не отставалъ отъ лучшихъ свѣтлыхъ личностей Екатерининскаго вѣка, и дѣянія Екатерининскихъ орловъ всегда находили сочувственный откликъ въ его душѣ. На каждое ихъ дѣяніе и каждый подвигъ всегда, неизмѣнно отвѣчалъ въ немъ поэтъ. Но самъ онъ чѣмъ ознаменовалъ свою государственную дѣятельность?

Малая и узкая рамка этой дѣятельности за все царствованіе Екатерины не дала ему вѣроятно возможности приложить къ дѣлу и выказать всю даровитость своей натуры. Въ послѣдніе дни великаго царствованія, онъ былъ секретаремъ-докладчикомъ, т. е. тоже не имѣлъ широкой арены для самостоятельной дѣятельности, а только лишь контролировалъ другихъ. Когда же чины довели его, наконецъ, до возможности занять, въ послѣдующія царствованія, посты президента Коммерцъ-Коллегіи, финансъ-министра и, наконецъ, юстицъ-министра, то ему пошелъ уже седьмой десятокъ. Да и времена были уже другія. Прошло менѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, что онъ дѣятельно и горячо работалъ въ узкой рамкѣ правителя Тамбовскаго намѣстничества, а между тѣмъ сцена перемѣнилась и много воды утекло...

Императоръ Александръ почелъ шестидесятилѣтняго поэта-сановника актеромъ уже съигранной драмы, дѣятелемъ иныхъ, уже устарѣвшихъ дней и почти безполезнымъ въ его дни, въ виду новой зари.

И дѣйствительно, тотъ кто былъ юношей при Елисаветѣ, могъ ли быть дѣятелемъ Александровскихъ дней.

Державинъ, назначенный государемъ Александромъ Павловичемъ на постъ министра юстиціи, вдругъ и вскорѣ же покинулъ его снова, покинулъ съ горечью, поневолѣ...

Удаляясь отъ арены государственной дѣятельности, на которой потратилъ онъ 42 года, многія силы души и разума, старикъ-поэтъ и сановникъ, огорченный, даже оскорбленный, поселился въ Москвѣ.

Недовѣрчиво, съ горечью и боязнью глядѣлъ онъ отсюда на новыхъ вожаковъ Россіи, которыхъ, казалось ему, онъ видалъ мальчуганами еще такъ недавно.

Москва всегда хлѣбосольно принимала и принимаетъ своихъ старыхъ служивыхъ и всегда готова утѣшить на старости лѣтъ и добросердо закрыть глаза послужившему святой родинѣ.

Такъ прожилъ въ Москвѣ и Державинъ свои тринадцать послѣднихъ лѣтъ, и какъ многіе другіе дѣятели, онъ сводилъ свои счеты съ пройденнымъ путемъ жизни и диктовалъ свои записки, стараясь доказать въ нихъ, что онъ былъ обойденъ судьбой, не оцѣненъ современниками, не взысканъ милостью трехъ правительствъ, которымъ служилъ, и, наконецъ, неблагодарно отстраненъ, прогнанъ, въ тѣ ми-

нуты, когда родина наиболѣе нуждалась въ немъ... Эти минуты, по словамъ Державина, были тѣ, которыя будто бы неосторожностью правительства сами вызвали на Русь полчища двунадесяти языкъ и двѣнадцатый годъ. Бородино и пожаръ Москвы были бы избѣгнуты Русью, читаешь между строками записокъ старика-поэта... если бы меня послушались...

Въ эту незабвенную эпоху Державинъ не стерпѣлъ и подалъ императору записку о томъ, какъ спасти Россію...

1814 и 1815 годы не утѣшили старика. Озираясь кругомъ и глядя на Александровскихъ дѣятелей, онъ продолжалъ качать сомнительно головой.

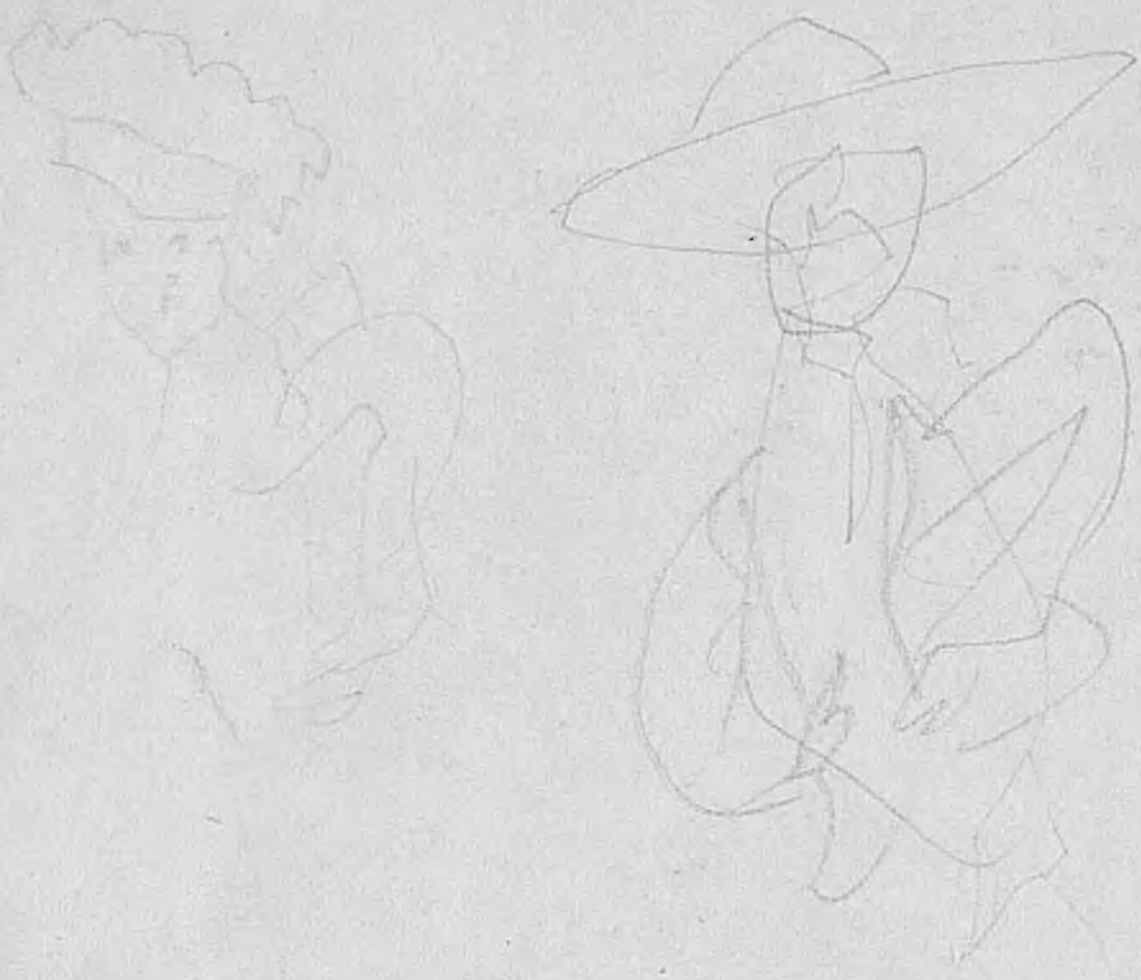
Россія—тотъ сказочный скороходъ-богатырь, который шагаетъ черезъ лѣса, города и моря, который, что ни взмахнулъ пятой, тысячи верстъ нѣту!..

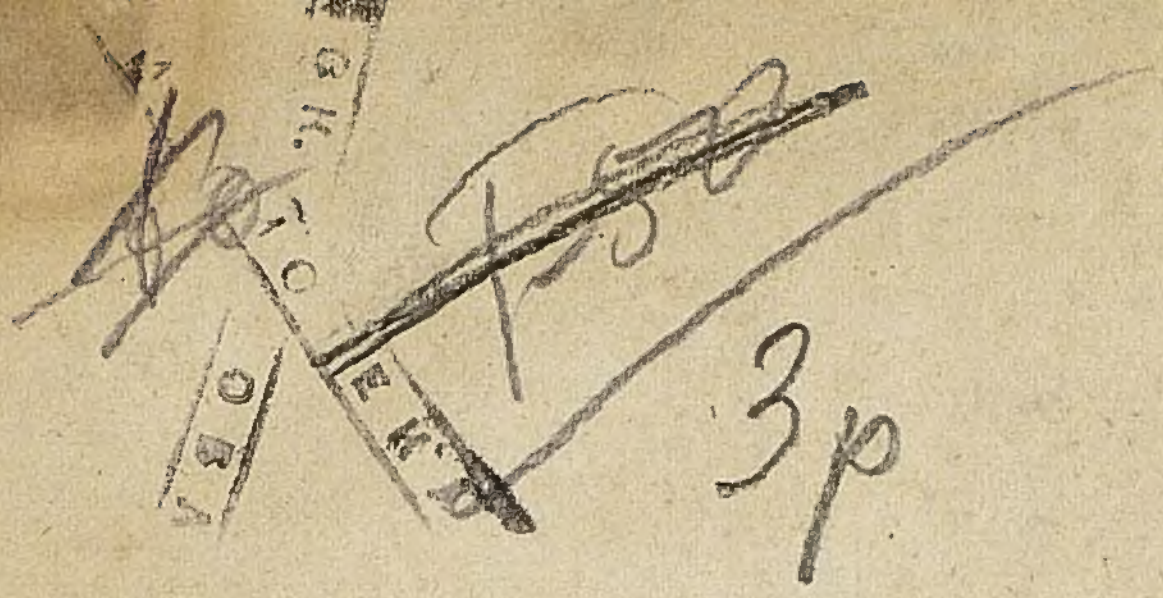
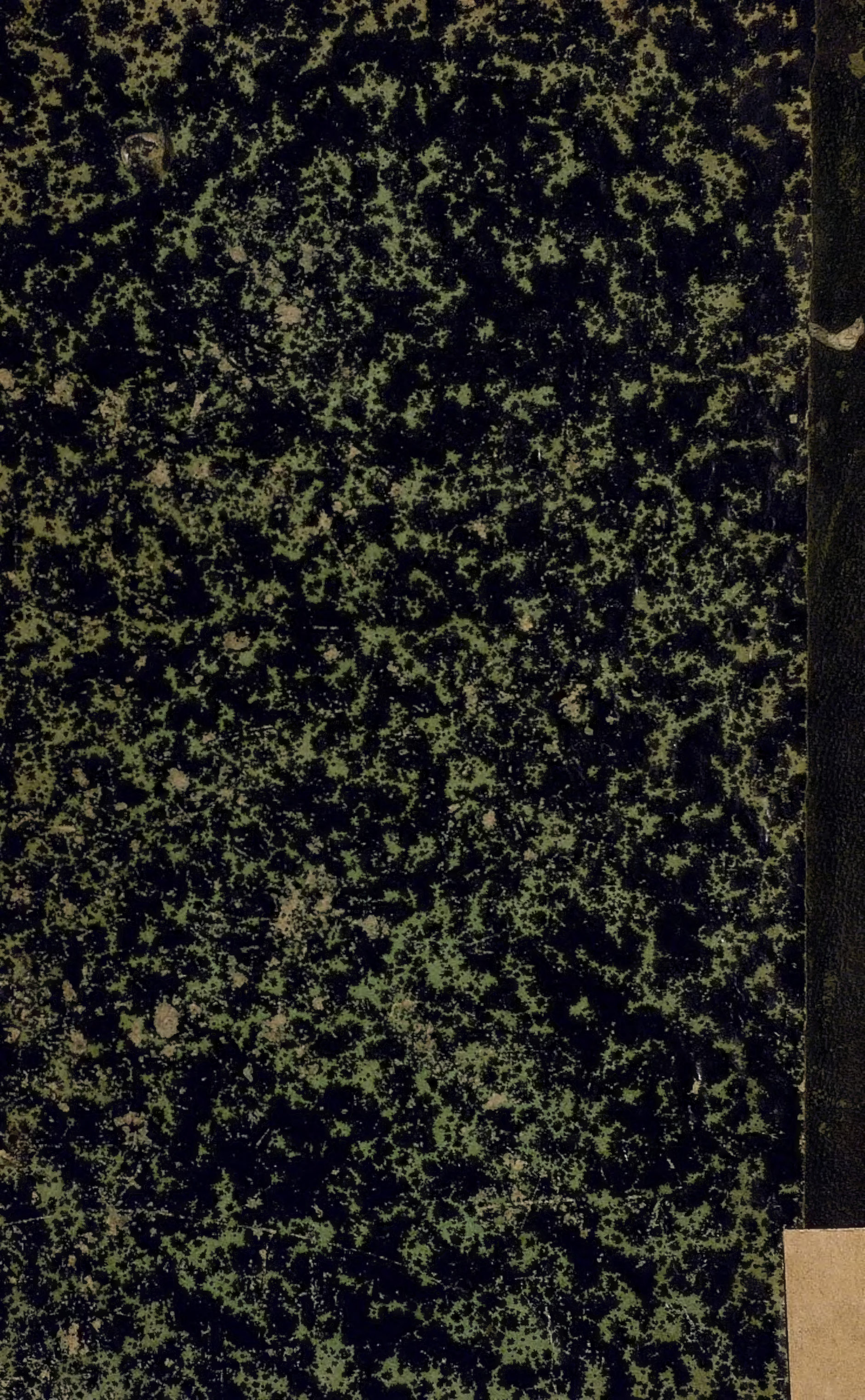
И вотъ здѣсь-то разгадка того неизмѣннаго на Руси и характернаго факта, что почти всѣ наши лучшіе люди, крупные дѣятели всѣхъ поприщъ, наши свѣтлыя головы даннаго времени, никогда не могутъ поспѣть за богатыремъ-скороходомъ, всегда остаются позади родного великана и сомнительно, боязливо качаютъ головой, предрекаютъ богатырю сотни бѣдъ и неизбѣжную, скорую гибель... Но благодаря Бога, богатырь идетъ себѣ, да идетъ...

Съ Державинымъ было то же. Онъ шелъ за великаномъ съ радостнымъ сердцемъ во все царствованіе Екатерины, но на рубежѣ новаго вѣка на-

чалъ отставать. Чутко прислушиваясь къ новой рѣчи новыхъ поколѣній и ко всему быстро свершавшемуся кругомъ, онъ началъ сомнѣваться, бояться, предрекать бѣды. Грозный двѣнадцатый годъ подтвердилъ и укрѣпилъ въ немъ эти опасенія...

Наконецъ, черезъ годъ послѣ мира и конца великой борьбы, увидя какъ родной богатырь, только что выбравшійся невредимымъ изъ бѣды, опять зашагалъ безъ оглядки, старикъ безнадежно и грустно махнулъ рукой... и навѣки закрылъ глаза.




3р